

Жетписбаев Б. А., Айтпаева А. К.

**Концептуально-теоритические
проблемы девиантного поведения
и правовой социализации
несовершеннолетних
в Республики Казахстан**

**Алматы
2006**

ББК 67.99 (2) 8
Ж 43

Сведения об авторах:

Жетписбаев Батыр Адамович – кандидат юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Казахского института правоведения и международных отношений;

Айтпаева Алма Карекбаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана по воспитательной работе психолого-педагогического факультета АГУ имени Абая.

**Рекомендовано к печати Учеными Советами Казахского
института правоведения и международных отношений,
Казахской академии труда и социальных отношений
и Алматинского государственного
университета имени Абая**

Жетписбаев Б. А., Айтпаева А. К.

Ж 43 Концептуально-теоретические проблемы девиантного поведения и правовой социализации несовершеннолетних в Республики Казахстан. — Алматы, 2006.—244 с.

Рецензенты:

*член-корреспондент Нан РК, доктор юридических наук,
профессор С.С.Сартаев
доктор педагогических наук, профессор Г.К. Нурғалиева*

ISBN 9965-620-00-8

Данное монографическое исследование представляет собой первую творческую попытку в Республики Казахстан комплексного исследования и систематизированного изложения, основных психолого-педагогических и правовых проблем девиантного поведения несовершеннолетних с последующим концептуальным обоснованием механизмов их правовой социализации.

Книга написана на основании многолетнего опыта практической, преподавательской и исследовательской работы авторов по проблемам ювенальной юстиции и коррекции личности несовершеннолетних характеризующихся девиациями в поведении.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических и психолого-педагогических специальностей вузов, для сотрудников правоохранительных органов, а также для широкого круга лиц, интересующихся исследуемыми авторами проблемами.

Отзывы, замечания, пожелания и предложения просим присылать по адресу: г. Алматы, ул. Кунаева 18, (уг. ул. Маметовой) Казахский институт правоведения и международных отношений.

ББК 67.99(2) 8

0302030000
F _____
00(05) – 03

ISBN 9965-620-00-8

© Жетписбаев Б.А., Айтпаева А.К. 2006.

© Заң әдебиеті, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Раздел I. Психолого-педагогические и правовые характеристики девиантного поведения несовершеннолетних

Глава 1. Понятие, содержание и причины девиантного поведения несовершеннолетних

Глава 2. Особенности отдельных форм девиантного поведения несовершеннолетних

2.1.Общая характеристика аддиктивных форм девиантного поведения несовершеннолетних

2.2.Алкоголизм и меры борьбы с алкоголизацией несовершеннолетних

2.3.Характерные особенности наркомании и токсикомании несовершеннолетних

2.4.Содержание суицидов несовершеннолетних, как намеренного лишения себя жизни

2.5.Многофакторная специфика проституции несовершеннолетних

Глава 3. Основные характеристики подростков с акцентуациями в поведении

3.1.Генезис акцентуаций в поведении несовершеннолетних склонных к совершению правонарушений

3.2.Типология акцентуаций в поведении несовершеннолетних

3.3.Агрессивность несовершеннолетних с акцентуациями в характере

3.4.Специфика характера трудных подростков

Раздел II. Деликтологические и криминологические проблемы делинквентного и преступного поведения несовершеннолетних

Глава 1. Деликтологическая характеристика административной правонарушаемости несовершеннолетних

1.1.Административная деликтология как наука, формирующая основные институты правовой системы несовершеннолетних правонарушителей

1.2.Деликты — социальный и юридический антипод правомерного поведения несовершеннолетних

1.3.Конфликты и социальные отклонения в противоправном поведении субъектов административных правонарушений

1.4.Причины конфликтов и социальных отклонений в неправомерном поведении административных делинквентов

1.5.Характерные черты и структурные особенности административных правонарушений несовершеннолетних

1.6.Особенности административной ответственности несовершеннолетних

Глава 2. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних

2.1.Общая криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних

2.2.Половозрастные характеристики несовершеннолетних, совершивших преступления.

2.3.Характеристика преступности различных по роду занятий социальных групп несовершеннолетних

Раздел III. Психолого-педагогические проблемы правовой социализации несовершеннолетних

Глава 1. Теоретические аспекты правовой социализации несовершеннолетних

1.1. Понятие правовой социализации несовершеннолетних

1.2. Стадии, задачи и механизмы правовой социализации несовершеннолетних

Глава 2. Роль семьи в социализации несовершеннолетних склонных к совершению правонарушений

Глава 3. Социализация несовершеннолетних средствами народных игр

3.1. Общая психолого-педагогическая характеристика теорий и идей о социализирующем значении народных игр

3.2. Основные теории и идеи педагогов дальнего и ближнего зарубежья о социализирующем значении народных игр

3.3. Основные теории и идеи психологов дальнего и ближнего зарубежья о социализирующем значении народных игр

3.4. Идеи ученых-просветителей, педагогов и психологов Казахстана о социализирующем значении народных игр

Глава 4. Специализация в системе социального контроля в пресечении противоправного поведения несовершеннолетних

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий список использованных источников

ВВЕДЕНИЕ

В период перехода Республики Казахстан к рыночным условиям развития общественных отношений и построения демократического, правового и социального государства, высшими ценностями которого является человек, его жизнь права и свободы, актуальнейшими проблемами современности являются проблемы углубленного изучения закономерностей механизма правовой социализации несовершеннолетних. Подобного рода исследования могут послужить одним из базовых оснований в осуществлении мер профилактики правонарушений несовершеннолетних. Избранное направление созвучно концепции Всемирной программы действий, утвержденной 50 сессией Генеральной ассамблеи ООН, касающейся развития молодежи до 2000 года и на последующие периоды.

Основной смысл Всемирной программы находит отражение в следующих идеях: “Молодые люди во всех странах представляют собой как основной людской ресурс для целей развития, так и главных проводников социальных изменений, экономического развития и технического прогресса”.

Таким образом, в условиях тотальной глобализации общественных отношений, сопровождающихся интенсивными изменениями стиля и образа жизни молодых людей, смены духовных ценностей и нравов, особую остроту приобрели проблемы углубленного изучения механизмов правовой социализации несовершеннолетних и молодежи, что вызвано необходимостью дальнейшего совершенствования социальных систем способствующих социализации молодых людей, оптимизации деятельности правоохранительных органов, изучения закономерностей динамики девиантного поведения.

Безусловно, указанные проблемы издавна изучались исследователями, но в сложившийся переломный период развития государственности Республики Казахстан необходима кардинальная перемена взглядов и понятий на проблемы молодежи как таковую, на ее место и роль в социальном развитии государства. Без фундаментального переворота в общественном сознании, никакое общество не сможет быстро прогрессировать, и не сможет продвинуться к новым высотам цивилизации.

Однако, реальное положение дел свидетельствует о том, что молодежь, характеризуясь различными асоциальными проявлениями в поведении, пока не в состоянии справиться со своей миссией, /1, 4/ так как для этого не отлажены механизмы их реализации.

Интенсивное развитие самосознания и самокритичности приводит к тому, что ребенок в подростковом возрасте обнаруживает противоречия не только в окружающем мире, но и в сфере собственного представления о себе, что соответствует высказыванию И. М. Ильинского о том, что “разум возвысился, а дух, мораль и вера пали. Человеку хронически не достает Человека”. /2, 18/

Особую актуальность исследование девиантного поведения несовершеннолетних и пути его коррекции приобретает в связи со снижением возрастных границ несовершеннолетних склонных к совершению правонарушений. Чаще всего корни агрессивности и повышенной тревожности уходят в раннее детство, закрепляясь или сглаживаясь в более позднем возрасте.

Нижняя возрастная граница отклонений в поведении очень подвижна и причины отклонений глубоко индивидуальны. Например, уже в старших группах детских садов (исследованием было охвачено 384 ребенка дошкольных учреждений, СНГ, Ивано-Франковской области) в поведении 12—13% детей наблюдались существенные отклонения. Среди них: отсутствие контакта со сверстниками из-за неумения разрешать конфликты "мирным" путем, стремление дезорганизовать коллективную игру, познавательную деятельность детей, если в ней не удовлетворяются его сугубо личные интересы, отсутствие элементарных навыков и привычек культурного поведения (вежливости, аккуратности, исполнительности и пр.), обидчивость, упрямство, вспышки озлобленности, вплоть до проявления агрессивного поведения. /3, 141/.

На первой стадии подросткового периода (в 10—11 лет) ребенка характеризует весьма критичное отношение к себе. Около 34% мальчиков и 26% девочек (по данным КЗПН при акиме Медеуского района города Алматы) дают себе полностью отрицательные характеристики, отмечая преобладание отрицательных черт и форм поведения, в том числе грубости, жестокости, агрессивности. При этом у детей этого возраста преобладает физическая агрессивность и менее всего выражена агрессивность косвенная.

Ситуативно-отрицательное отношение к себе сохраняется и на второй стадии подросткового возраста (в 12—13 лет), обуславливаясь, в значительной мере, оценками окружающих, как взрослых, так и сверстников.

На третьей стадии подросткового возраста (в 14—15 лет) наблюдается сопоставление подростком своих личностных особенностей, форм поведения с определенными нормами, принятыми в референтных группах. /4, 41/.

Данная работа представляет собой одну из первых творческих попыток в Республике Казахстан комплексного исследования проблем правовой социализации несовершеннолетних, характеризующихся девиантными формами поведения.

Отклоняющееся поведение, смысл которого содержит в своем составе нарушение социальных, моральных, нравственных и правовых норм, приобрело в последние годы массовый характер и поставило эту проблему в центр внимания ученых и практических работников многих сфер социальной деятельности человека: социологов, психологов, педагогов, медицинских работников, и сотрудников правоохранительных органов. Возникла настоятельная необходимость в объяснении причин, условий и факторов, детерминирующих противоправное поведение несовершеннолетних и это социальное явление, стало насущной задачей государства.

Рассмотрение детерминантов проецирующих асоциальное поведение в среде несовершеннолетних, предполагает поиск и изыскание ответов на ряд фундаментальных вопросов, среди которых, в первую очередь выделяются вопросы о сущности таких категорий как "норма" (социальная норма, норма морали и нравственности, правовая норма) и об отклонениях от нее, выраженное в виде девиантного поведения, акцентуациях характера, аддикциях и так далее.

В стабильно функционирующем и устойчиво развивающемся обществе ответ на этот вопрос более или менее ясен. Социальная норма — это необходимый и относительно устойчивый элемент социальной практики, выполняющий роль инструмента социального регулирования и контроля. "Социальная норма,— отмечает Я. И. Гишинский,— определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций". /5/ Социальная норма находит свое воплощение (поддержку) в законах, традициях, обычаях, т. е. во всем том, что стало привычкой, прочно вошло в быт, в образ жизни большинства населения, поддерживается общественным мнением, играет роль "естественного регулятора" общественных и межличностных отношений. Английский мыслитель Клайв С. Льюис склонен видеть в моральных нормах своего рода "инструкции", "обеспечивающие правильную работу человеческой машины". /6, 208/ Но в реформируемом обществе, где разрушены одни нормы и не созданы даже на уровне теории другие, проблема формирования, толкования и применения нормы становится чрезвычайно сложным делом. Конечно, общество не может долго оставаться в подобном, не благопристойном положении. Нарушенное поведение значительной массы несовершеннолетних подростков воплощает сегодня наиболее опасные для страны разрушительные тенденции, имеющие широкое хождение в среде взрослых граждан Республики Казахстан.

В создании благоприятных условий несовершеннолетнему для его гармоничного культурного, духовного и физического формирования, как в обществе, так и в семье, в условиях социальной нестабильности, безработицы, отсутствия государственных учреждений специализированно занимающихся проблемами несовершеннолетних, огромную роль оказывает деятельность

социальных органов, о существовании которых можно удостовериться только практически. Подобного рода органы, учреждения и организации должны осуществлять свою деятельность в тесной взаимосвязи друг с другом, и в своей совместной деятельности должны в более оптимальной форме решать различные вопросы, касающиеся несовершеннолетних. Особое внимание должно уделяться вопросам касающимся проблемам нормализации отношений, возникающих между родителями или лицами их заменяющими и ребенком, характеризующимся девиациями в поведении, потому как именно они оказывают на ребенка первоочередное воздействие с целью его воспитания, которое является основой для его дальнейшего формирования как личности.

В существующей реальности, к сожалению не всегда мы имеем возможность видеть несовершеннолетних имеющих родителей либо лиц их заменяющих. Многочисленны случаи, когда у несовершеннолетних имеются родители, но благоприятных условий для воспитания ребенка в семье не существует. Подобных проблем можно насчитывать огромное количество, и их число с каждым днем динамично увеличивается.

Резюмируя вышесказанное необходимо отметить, что проблемы социализации и воспитания молодого поколения, во всех сферах научного познания, традиционно рассматриваются в единстве с закономерностями социальной действительности, с логикой функционирования и развития общества. Глубокие изменения, происходящие в обществе, оказывают свое влияние на всех сферах жизнедеятельности Казахстанского общества, в том числе и на системе образования, воспитания и социализации. И это еще раз убеждает нас в том, что перевод социализации и воспитания личности в новое состояние является проблемой требующей своего срочного и неотлагательного разрешения, не смотря на всю их сложность и противоречивость.

Список использованных источников к введению:

1. См.: Казахстанская молодежь на рубеже веков /А. С. Сарсенбаев и др.— Астана: Елорда, 2000. С. 4.
2. Ильинский И. М. и др. Молодежь планеты. Концепция молодежи.— М., 1999. С. 18.
3. Першанина Е. Проблемы профилактики педагогической запущенности подростков. // “Советская педагогика”, 1984. № 5. С. 141.
4. Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции.— М., 1996. С. 41.
5. См.: Гишинский Я. И., Смолинский Л. Г. Социодинамика самоубийств // Социс. 1988. № 5.
6. См.: Льюис К. С. Христианское поведение // Иностранная литература. 1990. № 5.

Раздел I

Психолого-педагогические и правовые характеристики девиантного поведения несовершеннолетних

Глава 1 Понятие, содержание и причины девиантного поведения несовершеннолетних

Во все времена, начиная от античности и до наших дней, общество пыталось подавлять, устранять нежелательные, общественно-опасные формы человеческой жизнедеятельности и их носителей. Методы и средства, подавления нежелательных тенденций в поведении человека, определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, и во многом, интересами государственной власти.

Проблемы девиантного поведения всегда привлекали внимание различных ученых прошлого и настоящего времени. Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи рассматривали и оценивали различные виды и формы проявления девиантного поведения, которые представлены в виде преступности, алкоголизма, наркотизма, проституции, самоубийств, агрессивности, бродяжничества и так далее. Необходимость изучения общих закономерностей развития генезиса, динамики, механизма девиантного поведения, ее распространенности и т. д. вызвано тем, что полученные в процессе изучения знания необходимы для разработки комплекса мер, направленных на профилактику, предупреждение и борьбу с данным асоциальным явлением.

В современной литературе имеются две крайние точки зрения на обусловленность девиантного поведения:

- натурально-биологическая;
- и социологически-редукционистская.

Первая пытается объяснить причины девиантного поведения исключительно свойственными личности природно-биологическими факторами (своеобразной генетической организацией, нарушениями биохимического регулирования, механизмами работы нервной системы). Вторая прибегает к социолого-экономическим объяснениям, исключая роль любых внутренних, в том числе и психологических факторов (личностных диспозиций). В действительности же девиантное поведение, как отмечает венгерский психолог Ф. Патаки (1987), это системное или полидетерминированное явление, в формировании которого принимают участие исторические, макросоциологические, социально-психологические и индивидуально-лично-стные факторы.

Таким образом, на формирование девиантного поведения влияют как внешние (в том числе социально-экономические), так и внутренние (в частности, психологические) факторы. О первых много говорить не приходится — это и безработица, и низкий уровень жизни, и голод, и определенная субкультура тех или иных слоев общества, анализ и описание которых является прерогативой социологов, экономистов, политиков. /1, 236/

В изучении девиантного поведения и в проведении исследований негативных явлений вызываемых девиантным поведением сыграли заметную роль труды Г. Тарда и Э. Дюркгейма, А. Кетле и Г. Зиммеля, П. Сорокина, Р. Мертон и других.

На основании трудов указанных ученых в недрах социологии зародилась и сформировалась специальная (частная) социологическая теория — социология девиантного (отклоняющегося) поведения и социального контроля. Именно под таким названием функционирует один из 40 исследовательских комитетов Международной социологической ассоциации. У истоков социологии девиантного поведения стоял Э. Дюркгейм, а конституированию в качестве

самостоятельного научного направления она обязана — прежде всего, Р. Мертону и А. Коэну.

В бывшем СССР отклоняющееся поведение длительное время изучалось преимущественно в рамках специальных дисциплин: криминологии, наркологии, суицидологии и т. д. Социологические же исследования начали проводиться только в конце 60-х — начале 70-х годов такими исследователями как В. С. Афанасьев, А. Г. Здравомыслов, И. В. Маточкин, Я. И. Гишинский. В развитии и институализации социологии девиантного поведения большая заслуга принадлежит академику В. Н. Кудрявцеву.

Динамизм социальных процессов в период перестройки, кризисная ситуация во многих сферах общественной жизни неизбежно приводят к увеличению девиаций, проявляющихся в поведенческих формах, отклоняющихся от норм. Наряду с ростом позитивных девиаций (политическая активность населения, экономическая предприимчивость, научное и художественное творчество), усиливаются девиации негативные — насильственная и корыстная преступность, алкоголизация и наркотизация населения, подростковая делинкветность, аморальность. Растет социальная незащищенность граждан. В этих условиях объективно повышается спрос (не всегда и не всеми субъектами социального управления осознаваемый) на научные исследования девиаций, их форм, структуры, динамики взаимосвязей. Тем более, что социальная патология — чуткий барометр общественной жизни. /2/

Усвоение социальных ценностей и норм — основа социализации личности, а нормы — основа социального контроля. С понятием нормы соотносятся понятия отклонений; если нет нормы, то не может быть и отклонения от нее. Поэтому, отклонение от общепринятых норм называется девиантным (отклоняющимся) поведением.

В широком смысле понятие “девиация” означает любое несоответствие поведения любой социальной норме. В узком смысле девиантность относится к отклонениям от неформальных норм. Отклонение от правовых норм (нарушение) называется делинкветным поведением, отклонение от уголовно-правовых норм — преступным поведением.

Таким образом, наиболее широким понятием является девиантное поведение, более узким — делинкветное, еще более узким — преступное. /3, 133/

В результате полученных данных в исследованиях многих ученых прослеживается мысль о том, что девиантность может быть как “положительная” так и “отрицательная”, то есть девиантность можно подразделять на негативно отклоняющееся поведение и на позитивно отклоняющееся поведение. Например, для психологии, социологии и других наук гениальность и злодейство — вещи вполне совместимые: это просто два вида девиантного поведения. Констатация подобных утверждений прослеживается в работе Чезаре Ломброзо “Гениальность и помешательство”, где и то и другое представляют собой патологию. И если помешательство есть проявление “отрицательной” патологии, то гениальность есть ни что иное, как патология, если можно так назвать, “положительная”. В качестве подобного примера можно сказать и о детях признаваемых вундеркиндами, то есть признаваемых носителями “положительной” патологии.

Впервые особый интерес не только ученых, но и широкой публики вызвала теория Ч. Ломброзо о невропатичности гениальных людей, основываясь на которой, он провел параллель между гениальностью и бессознательным состоянием, а также психическими аномалиями.

Однако, идеи Ч. Ломброзо о взаимосвязи явлений гениальности и помешательства не были новы. Еще мыслители античности — Сократ, Платон, Аристотель — говорили о “божественном безумии”, которое роднило пророков и поэтов древности.

Анализируя и обобщая собственные выводы и наблюдения, касающиеся данной проблемы, Ч. Ломброзо писал: “Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого

взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми “хореическими” телодвижениями. Так, о Ленау и Монтескье рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребильон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева — также и икр. “Я, вероятно, был очень рассержен,— сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу,— потому что чувствовал дрожание своих икр, чего со мной давно уже не случалось”. Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавшим его лицо”. /4, 11—12/

Интересно отметить, что и древняя восточная медицина, имеющая более чем тысячелетнюю историю, также не обошла вниманием факт родства явлений гениальности и помешательства. Рассматривая человека в единстве со Вселенной, медики Древнего Востока считали, что как физическое, так и ментальное состояние человека (конституция) определяется балансом космической энергии в его организме. Подтверждением этого положения может служить высказывание Эрнеста Кречмера, известного немецкого психиатра и психолога: “Если из конституции гения удалить психопатическое начало, он становится всего лишь ординарным способным человеком”.

Чаще, чем в других возрастных группах, девиантное поведение наблюдается у подростков. Объективная причина данного обстоятельства состоит в том, что у несовершеннолетних, процесс социализации и процесс формирования делинквентного поведения по времени совпадают. И одно (делинквентность) есть следствие недостатков и неудач в другом (социализации). Поэтому при изучении девиантного поведения несовершеннолетних необходимо учитывать такие факторы, как недостаточность и фрагментарность жизненного опыта подростка, несформированность характера и собственных взглядов на жизнь, материальную зависимость от взрослых, подверженность взглядам эталонной группы, отсутствие навыков самоорганизации, не знание о существовании ответственности за содеянное и т. д.

Так, например, проведенный нами социологический опрос среди несовершеннолетних правонарушителей (353 подростка, находящихся в ВТК и 120 вышедших из них) показал, что 51,5 процента респондентов не считает действия, за которые их осудили противоправными; 24,4 согласились с юридической оценкой содеянного; 23,9 процента затруднились ответить на этот вопрос.

В другом случае, на вопрос о том, что “знали ли вы о том, какая ответственность вас ожидает за совершенное вами правонарушение?” 24,4 процента опрошенных ответили, что о своей предстоящей ответственности знал в полной мере; 19,8 процентов ответили, что о своей предстоящей ответственности слышал от многих людей, но надеялся на разного рода поблажки по молодости; 5,1 процентов указали на то, что друзья, товарищи внушили мне, что отвечать совсем не буду; 14,7 процентов респондентов не знали совсем; 15,6 процентов — был уверен, она не будет очень строгой; 19,8 процентов — надеялся избежать ответственности.

В силу указанных причин, адекватная оценка реальных событий протекающих в социальной среде, в условиях которой проживает подросток, становится для него затруднительным, малый жизненный опыт и неадекватность оценки ситуации обуславливают неправильное предвидение последствий собственных деяний, совершаемых несовершеннолетним.

Кроме того, при этом, играют определяющую роль и возрастные особенности личности подростка:

— социальные — происходит смена сфер социализации. Семью как основной институт

социализации ребенка сменяют учебные и трудовые коллективы и неформальные группы;

— социально-психологические — линия поведения подростка формируется под воздействием противоречивых факторов. Для несовершеннолетних характерны как повышенная конформность (податливость группе), так и стремление к самостоятельности. Это обуславливает неустойчивость, ситуативность поведения несовершеннолетних;

— психологические — процесс полового созревания обостряет (акцентирует) проявление некоторых качеств (повышенная возбудимость, импульсивность и т. д.)

Все это в определенной мере и определяет повышенную склонность несовершеннолетних к делинквентному поведению. /5, 136—137/

Специальные социологические теории, в том числе и рассматривающие проблемы девиантного поведения, исследуют отдельные социальные феномены, как подсистемы конкретной общественной системы, зависимости объекта изучения от социального целого и взаимосвязи с другими социальными процессами (подсистемами).

Предметом подобных теорий могут быть социальные явления и институты в определенной сфере общественного бытия (труд, политика, быт, досуг) или же "сквозные", присущие различным сферам.

Функционально частные социологические теории служат методологией познания отдельных социологических процессов, общностей, институтов и методологической основой эмпирических исследований.

Социология девиантного поведения относится к "сквозным" теориям. Специфика ее предмета состоит в том, что круг изучаемых явлений исторически изменчив и зависит от сложившихся в данный момент, в конкретном обществе социальных норм.

Существование каждой системы (физической, биологической, социальной), есть динамическое состояние, единство процессов сохранения и изменения. Девиации (флуктуации в неживой природе, мутации — в живой) являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой системы. Чем выше уровень ее организации (организованности), чем система динамичнее, тем больше значат изменения как средство сохранения (по выражению И. Пригожина — "порядок через флуктуации").

Поскольку функционирование социальных систем неразрывно связано с человеческой жизнедеятельностью (предметной, коллективной, сознательной деятельностью общественного человека), социальные девиации реализуются в конечном счете также путем девиантного поведения. /6/

Под девиантным (лат. *deviatio* — уклонение) поведением понимаются:

- 1) поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам);
- 2) социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам).

В первом значении девиантное поведение преимущественно предмет психологии, педагогики, психиатрии. Во втором значении — предмет социологии и социальной психологии. Разумеется, такое дисциплинарное разграничение относительно, но все же исходным для понимания отклонений в поведении личности служит понятие "норма".

В теории организации сложилось единое — для естественных и общественных наук — понимание нормы как предела, меры допустимого (в целях сохранения и изменения системы). Для физических и биологических систем — это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность объекта и не возникает препятствий для его развития. Это — естественная (адаптивная) норма, отражающая объективные закономерности сохранения и изменения системы.

Социальная норма определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм физических и биологических процессов, социальные нормы складываются как результат адекватного или искаженного отражения в сознании и поступках людей объективных закономерностей функционирования общества. Поэтому они либо соответствуют законам общественного развития, являясь "естественными", либо недостаточно адекватны им, а то и вступают в противоречие из-за искаженного — классово ограниченного, религиозного, субъективистского, мифологизированного — отражения объективных закономерностей. В таком случае аномальной становится "норма", "нормальны" же отклонения от нее.

Вот почему социальные отклонения могут иметь для общества различные значения. Позитивные служат средством прогрессивного развития системы, повышения уровня ее организованности, преодоления устаревших, консервативных или реакционных стандартов поведения. Это — социальное творчество: научное, техническое, художественное, общественно-политическое. Негативные — дисфункциональны, дезорганизуют систему, подрывая подчас ее основы. Это — социальная патология: преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, суицид.

Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Кроме того, одновременно существуют различные "нормативные субкультуры" (от научных сообществ и художественной "богеми" до сообществ наркоманов и преступников).

Как не различны формы девиантного поведения, они взаимосвязаны. Пьянство, употребление наркотиков, агрессивность и противоправное поведение образуют единый блок, так что вовлечение юноши в один вид девиантных действий повышает вероятность его вовлечения также и в другой. Противоправное поведение, в свою очередь, хотя не столь жестко, связано с нарушением норм психического здоровья. До некоторой степени, как уже указывалось, совпадают и способствующие девиантному поведению социальные факторы (школьные трудности, драматические жизненные события, влияние девиантной субкультуры или группы). Что же касается индивидуально-личностных факторов, то самыми важными и постоянно присутствующими, бесспорно, являются локус контроля и уровень самоуважения. Так при проведении социологического опроса той же группы, на вопрос о том: "Признаете ли вы себя виновными за совершенное правонарушение?" 45,3 процентов респондентов ответили, что признают себя виновными полностью; 39,1 процента опрошенных — признаю себя виновным частично; 9,4 процента респондентов — себя виновным не признаю и 1,4 процента опрошенных — отношусь к этому равнодушно. Как видно из результатов опроса большая часть респондентов (45,3 процента) не лишены качества самоуважения и контроля за своими действиями. Особую тревогу вызывает та часть опрошенных, которая ответила, что к содеянному относится равнодушно. И хотя их доля незначительна, однако само наличие подобного факта красноречиво говорит о полной деформации сознания и психики указанных подростков и более того именно эта часть опрошенных в последующем, по всей вероятности будут представлять для общества наибольшую социальную опасность. Подобную тревогу вызывают и ответы на вопрос: "Испытываете ли вы угрызения совести, вину перед родителями, друзьями и близкими за совершенное правонарушение?", где из 473 опрошенных 7,9 процента опрошенных ответили, что они затрудняются дать какой либо вразумительный ответ, а 2,3 процента респондентов ответили, что они к этому относятся абсолютно равнодушно.

Рассматривая динамику развития девиантного поведения, мы пришли к выводу о том, что девиантное поведение несовершеннолетних вначале всегда бывает немотивированным, о чем опять таки свидетельствуют результаты нашего опроса. На вопрос: “Какие вы цели преследовали при совершении правонарушения?”, 26, 7 процентов респондентов указали на то, что затрудняются ответить.

Подросток, как правило, хочет соответствовать требованиям общества, но по каким-то причинам (конституциональные факторы, социальные условия, неумение правильно определить свои социальные идентичности и роли, противоречивые ожидания значимых других, недостаток материальных ресурсов, плохое овладение нормальными способам социальной адаптации и/или преодоления трудностей) он не может это сделать. Это отражается в его самосознании и толкает на поиск в других направлениях./7/

В данном контексте, Л. М. Зюбин отмечает три причины, приводящие к девиантному поведению:

1. недостаток умственного развития в целом (но не патология!), что препятствует правильному самоанализу поведения и прогнозированию его последствий;
2. недостаточная самостоятельность мышления и поэтому большая внушаемость и конформность;
3. низкая познавательная активность, обедненность и неустойчивость духовных потребностей.

В русле же рассматриваемой проблемы можно назвать две основные психологические (внутренние) причины отклоняющегося поведения:

— неудовлетворительные просоциальные потребности, создающие внутренний конфликт личности и ведущие к формированию деформированных и аномальных потребностей;

— наличие асоциальных личностных диспозиций (мотиваторов), приводящих к выбору асоциальных средств и путей удовлетворения потребностей или избавления от них (путем, например, самоубийства). /8, 237/

В социологии девиантного поведения выделяются несколько направлений, объясняющих причины возникновения такого поведения. Так, Р. Мертон, используя выдвинутое Э. Дюркгеймом понятие "аномия" (состояние общества, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились), причиной отклоняющегося поведения считает несогласованность между целями, выдвигаемыми обществом, и средствами, которое оно предлагает для их достижения. Другое направление сложилось в рамках теории конфликта. Согласно этой точке зрения, культурные образцы поведения являются отклоняющимися, если они основаны на нормах другой культуры. Например, преступник рассматривается как носитель определенной субкультуры, конфликтной по отношению к господствующему в данном обществе типу культуры.

В современной отечественной социологии несомненный интерес представляет позиция Я. И. Глинского, считающего источником девиации наличие в обществе социального неравенства, высокой степени различий в возможностях удовлетворения потребностей для разных социальных групп. Каждая из позиций имеет право на существование, т. к. дает срез реально действующих общественных отношений. В то же время их авторов объединяет стремление найти единый источник причинности для различных форм девиаций.

Общей закономерностью отклоняющегося поведения выступает факт относительно устойчивой взаимосвязи между различными формами девиаций. Эти взаимосвязи могут носить вид индукции нескольких форм социальной патологии, когда одно явление усиливает другое. К примеру, алкоголизм способствует усилению хулиганства. В других случаях, наоборот, установлена обратная корреляционная зависимость (уровни убийств и самоубийств). Так, при анкетировании 57 несовершеннолетних, дела о правонарушениях которых были рассмотрены в комиссии по

защите прав несовершеннолетних Турксибского района города Алматы, было установлено, что хулиганские действия, за которые они привлекались к административной ответственности у 51 из них были результатом их нетрезвого в тот момент состояния, то есть именно алкогольное опьянение побудило возникновение противоправного поведения. /9/

Кроме того, объективно доказано, что существует устойчивая зависимость всех форм проявления девиации от экономических, социальных, демографических, культурологических и многих других факторов. Особую остроту эта проблема приобрела сегодня в нашей стране, где все сферы общественной жизни претерпевают серьезные изменения, происходит девальвация прежних норм поведения. Устоявшиеся способы деятельности не приносят желаемых результатов. Рассогласование, между ожидаемым и реальностью, повышает напряженность в обществе и готовность человека изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившейся нормы. В условиях острой социально-экономической ситуации, существенные изменения претерпевают и сами нормы. Зачастую отключаются культурные ограничители, ослабевает вся система социального контроля.

На основании подобным вышеуказанным умозаключениям, профессор В. Н. Иванов выделяет в качестве основной причины способствующей возникновению девиации, те изменения в социальных отношениях общества, которые получили отражение в понятии "маргинализация", т. е. его неустойчивость, "промежуточность", "переходность", распространение различного рода социальных патологий. Основным социальным источником усиления маргинализации общества является растущая безработица в ее явных и скрытых формах.

"Главный признак маргинализации,— в унисон сказанному выше, пишет Е. Стариков,— разрыв социальных связей, причем в "классическом" случае последовательно рвутся экономические, социальные и духовные связи"./10, 133/ Экономические связи рвутся в первую очередь и в первую же очередь восстанавливаются. Медленнее всего восстанавливаются духовные связи, ибо они зависят от известной "переоценки ценностей".

Одной из характерных черт социального поведения маргиналов является снижение уровня социальных ожиданий и социальных потребностей. При этом, одним из самых тяжелых последствий, возникающих для общества в указанном контексте, является его примитивизация, проявляющаяся в производстве, в быту, в духовной жизни.

Каковы перспективы самой маргинализации общества? В самом общем виде, на этот вопрос можно ответить следующим образом. Под влиянием происходящих в обществе изменений, вызванных рыночными реформами, часть маргиналов будет продолжать движение по нисходящей, т. е. опускаться на социальное дно (люмпенизироваться). Вторая часть маргиналов находит постепенно способы адаптации к новым реальностям, обретая новый социальный статус, новые социальные связи и качества. Они заполняют новые ниши в социальной структуре общества, начинают играть более активную, самостоятельную роль в общественной жизни.

Другая группа причин связана с распространением различного рода социальных патологий. В частности, ростом психических заболеваний, алкоголизма, наркомании, ухудшением генетического фонда населения, что связано и с социально-экономическими условиями, в которых функционирует несовершеннолетний, и состояние окружающей природной среды, в контексте ее оценки сквозь точку зрения экологических стандартов и требований, пригодности для проживания.

Нельзя не отметить, что среди различных видов социальных отклонений, широкое распространение получил в последнее время социальный паразитизм в форме бродяжничества, попрошайничества и проституции. Для него характерна прогрессирующая устойчивость, превращающая подобное социальное отклонение в образ жизни (отказ от участия в общественно полезном труде, ориентация сугубо на нетрудовые доходы). Опасность этого паразитизма чрезвычайна в любой форме. Так, например, люди, занимающиеся бродяжничеством и

попрошайничеством, нередко выступают в роли посредников в распространении наркотиков, совершают кражи, помогают сбыть краденое.

Одним из основных характеристик девиантного поведения является то, что девиантное поведение подростков не соответствует закономерностям “взрослого” отклоняющегося поведения. Так, криминология объясняет нарушение преступниками общепринятых норм поведения наличием у них специфической системы ценностей, противостоящей официально одобряемым или общепризнанным нормам поведения. И поэтому анализ преступности, прежде всего профессиональной, опирается на теорию асоциальных субкультур. Но применительно к несовершеннолетним такой подход правомерен не всегда. Чаще бывает, например, что подросток, не отрицая самого факта содеянного, не признает свою вину или нарушает правовой запрет, который в принципе не отвергает.

Для объяснения таких явлений обычно обращаются к теории нейтрализации, суть которой заключается в том, что подросток становится правонарушителем, усваивая приемы нейтрализации общепринятых норм, а не моральные требования и ценности, противоположные этим нормам. /11/ Иначе говоря, подросток стремится бессознательно как бы расширить в отношении себя действие смягчающих обстоятельств, оправдать свои действия, даже внести в них элемент рациональности. Так, опросы показывают, что большинство подростков видят причину своего преступления во внешних обстоятельствах, четвертая часть опрошенных убеждена: в аналогичной ситуации каждый совершил бы подобное. Характерна также неадекватная оценка степени нанесенного вреда. /12, 61/.

Анализ различных деформаций поведения в их комплексе позволил А. И. Долговой, Н. В. Беляевой и В. Д. Ермакову выделить несколько типов поведения несовершеннолетних, предшествовавшего преступлению, в связи с которым они отбывали наказание в период исследования:

— первый тип — социально-деформированное поведение. В данном случае несовершеннолетние нарушают только требования возрастных социальных ролей (например, плохо учатся, остаются на второй год, до позднего времени находятся в общественных местах);

— второй тип — характеризуется социально-нравственной деформацией поведения, когда оно противоречит не только указанным выше ролевым требованиям, но и связано с крайне аморальным поведением (половой распущенностью, азартными играми, распитием спиртных напитков и т. п.);

— третий тип — отличается социально-нравственно-правовой деформацией поведения. В указанном случае, подростки допускают нарушение не только требований возрастных социальных ролей и норм морали, но и одновременно и норм права. Причем нередко к моменту выявления факторов преступного поведения они успевают совершить несколько правонарушений, в том числе и уголовно наказуемые. В результате может быть выделен и такой тип, который отличается устойчиво противоправной деформацией поведения. /13, 103/

Кроме того, довольно часто используются методы “осуждения осуждающих” (а судьи кто!), отрицания наличия жертвы (сама виновата!), обращение к более важным обязательствам (не мог бросить товарищей, не имел права трусить и т. д.). Все это свидетельствует о высоком уровне инфантилизма, неспособности сопереживать, сочувствовать. К сожалению, подобное отношение к своему поведению в значительной степени обуславливается особенностями юридической практики и правового воспитания, приводящими нередко к формированию у несовершеннолетних представления о своей безнаказанности. Это не может не беспокоить, так как сегодня на общем фоне роста различных форм девиантного поведения имеет место тенденция “омолаживания” преступности. Так, среди несовершеннолетних правонарушителей заметно (на 46%) увеличилась доля школьников, возрастает вероятность рецидивов: двое из трех подростков после возвращения из мест заключения вскоре вновь преступают закон.

Среди подростков появились новые виды преступности, в частности рэкет. /14, 94/ Все большее распространение получают половая распущенность, детская проституция, извращения. В стране среди молодежи растет число алкоголиков, наркоманов. Опросы учащихся (возраст 14—17 лет, половина — девочки) показали, что 52,8% достаточно часто употребляют спиртные напитки, 10,2% хотя бы раз в жизни пробовали наркотические, а 9,8% — токсические вещества. /15, 90—91/ Фактически каждый десятый из них рискует стать хроническим алкоголиком, наркоманом или токсикоманом.

В Комиссии по защите прав несовершеннолетних при акиме Медеуского района города Алматы ведется статистический учет дел по правонарушениям несовершеннолетних, рассмотренных на заседаниях комиссии. Учет ведется в отношении каждого подростка по карточной или журнальной системе. Это позволяет более обоснованно планировать работу комиссии, оценивать результаты проведенной работы, изучать причины и условия, порождающие правонарушения. /16/ В данном случае, в качестве примера, следует привести данные о проделанной работе за 9 месяцев 2000 года. За указанный период численность доставленных несовершеннолетних за совершение различных правонарушений, выявленных при проведении отработок и различных мероприятий совместно с ОДН Медеуского РУВД, дал возможность в установлении следующей картины правонарушаемости в данном районе:

— всего за 9 месяцев 2000 года комиссией совместно с отделом по делам несовершеннолетних РУВД Медеуского района задержано 1437 несовершеннолетних, из них на 1 ноября 2000 года на учете состоит 99 несовершеннолетних и 81 семья признанна в качестве неблагополучной семьи;

— число несовершеннолетних уклоняющихся от учебы и не посещающих школьные занятия более чем 10 дней, выявленных во время проведения отработки “Забота” с 20.11. по 25.11.2000 год:

- уклоняющихся от учебы в связи с трудным положением — 7 человек;
- в связи с неблагополучной обстановкой — 11 человек;
- в связи с антиобщественным поведением — 4 человека.

За период проведения данной отработки в ОДН Медеуского РУВД было доставлено 148 несовершеннолетних за различные правонарушения, из них:

- за административные правонарушения — 125 человек;
- за употребление наркотических веществ — 2 человека;
- за употребление спиртных напитков — 7 человек;
- за попрошайничество и бродяжничество — 14 человек.

Анализ деятельности Комиссии по защите прав несовершеннолетних и ОДН Медеуского РУВД свидетельствует о том, что в основе всех вышеуказанных отклонений подросткового поведения лежит неразвитость социально-культурных потребностей, бедность духовного мира, отчуждение и т. д.

Список использованных источников к главе 1:

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 236.— (Серия “Мастера психологии”)
2. См.: Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии.— М., 1995.
3. Курганов С. И., Кравченко А. И. Социология для юристов: Учебное пособие для вузов.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2000. С. 133.
4. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство: Сочинения.— М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс; Харьков: Издательство “Фолио”, 1998. С. 11—12. (Серия “Антология мысли”).
5. См.: Курганов С. И., Кравченко А. И. Социология для юристов: Учебное пособие для

- вузов.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2000. С.136—137.
6. См.: Ланцова Л. А., Шурупова М. Ф. Социологическая теория девиантного поведения // Социально-политический журнал, 1993, № 4.
  7. См. подробнее: Кон И. С. Психология ранней юности: КН. для учителя.— М.: Просвещение, 1989. С. 253—254.
  8. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 237.— (Серия “Мастера психологии”)
  9. См.: Жетписбаев Б. А. Ювенальная юстиция.— Алматы: Данекер, 2001.— 144 с.
  10. Стариков Е. Маргиналы, или размышление на старую тему: “Что с нами происходит?” // Знамя. 1989. № 10. С. 133.
  11. См.: Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности.— М., 1966.
  12. Курганов С.М. Мотивы действий несовершеннолетних правонарушителей // Социс. 1989. № 5. С. 61.
  13. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юридическая литература, 1981. С. 103.
  14. Петелин Б. Я. Организованная преступность несовершеннолетних // Социс. 1990. № 9. С. 94.
  15. Габиани А. Л. Наркотики в среде учащейся молодежи // Социс. 1990. № 9. С. 90—91.
  16. См.: Административное право Республики Казахстан. Учебник в 2-х частях.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1996.

Глава 2 Особенности отдельных форм девиантного поведения несовершеннолетних

2.1. Общая характеристика аддиктивных форм девиантного поведения несовершеннолетних

В Казахстанской педагогической, психологической, социологической и правовой науке до настоящего времени малоисследованной остается проблема аддиктивного поведения, которая является одной из разновидностей проявления девиантного поведения, и имеющая множество форм проявления.

Под понятием “аддикция”, понимается чрезмерная и пагубная склонность к чему-либо: потреблению алкоголя, наркотиков, веществ психотропного действия, табакокурения, склонность к азартным играм, бродяжничество и т. д. Между тем, без понимания механизма возникновения и протекания этого явления, на наш взгляд, трудно анализировать алкоголизм, наркоманию и некоторые другие дефиниции деструктивного аддиктивного поведения.

Таким образом, средством аддикции для людей с аддиктивной формой поведения являются — наркотики, алкоголь, табак, азартные игры (включая компьютерные), длительное прослушивание ритмической музыки, а также полное погружение в какой-либо вид деятельности с отказом от жизненно важных обязанностей человека.

Мотивы аддиктивного поведения многоаспектны. Основное их содержание заключается в стремлении изменить свое психическое состояние посредством приема некоторых веществ, или фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности. Процесс употребления такого вещества, привязанность к предмету или действию, сопровождается развитием интенсивных эмоций и принимает такие размеры, что начинает управлять жизнью человека, лишает его воли к противодействию аддикции. Такое проявление поведения характерно для людей с низкой переносимостью психологических затруднений, плохо адаптирующихся к быстрой смене жизненных обстоятельств, стремящихся в связи с этим быстрее и проще достичь психофизиологического комфорта. Аддикция для них становится универсальным средством бегства от реальной жизни.

Наиболее ярким показателем измененного сознания при употреблении алкогольных, наркотических и иных веществ психотропного действия является состояние эйфории (от греч. *euphoria* — хорошо переношу). Состояние эйфории представляет собой неоправданное состоянием реальной действительности, благодущие, приподнято-радо-стное настроение. В научной литературе, термин “эйфория”, также обозначает неоправданное реальной действительностью радостное настроение у тяжелобольных, порой умирающих, а также счастливое, радостное, блаженное состояние у алкоголиков 1 степени после употребления спиртного или у наркоманов (1 стадии) после приема наркотического вещества.

Состояние эйфории характеризуется не только хорошим настроением. Оно влияет на мышление, восприятие, память, самооценку. Все, что человек видит и слышит, воспринимается им в радостном возбуждении: соседи по столу, их шутки и разговоры, окружающая обстановка и т. д. Память как бы сама отсекает все заботы, неприятности, все плохое, что может омрачить жизнь. Вспоминаются только приятные события. Человек думает, что он наконец по-настоящему счастлив. Он ожидает только успеха от всех своих начинаний, только благодарности и похвалы окружающих за свои действия.

Резко меняется самооценка: она становится чрезвычайно завышенной. Человек чувствует себя неуязвимым, могущественным, ощущает свое превосходство над другими. Находящийся в состоянии эйфории каждый свой поступок воспринимает как значительное достижение, ожидает благоприятных результатов от всех предпринимаемых действий, преувеличивает свои возможности; все воспринимает и оценивает только положительно. Более того, “длительная бомбардировка” завышенной самооценкой и сверхоптимистическими ожиданиями заряжает его энергией и деятельностью. /1, 21—22/

Для самозащиты люди с аддиктивным типом поведения используют механизм, называемый в психологии “мышлением по желанию”: вопреки логике причинно-следственных связей они считают реальным лишь то, что соответствует их желаниям. В итоге нарушаются межличностные отношения, человек отчуждается от общества.

Аддиктивное поведение формируется постепенно. Начало отклонения связано с переживанием интенсивного острого изменения психического состояния человеком в связи с принятием определенных веществ или определенными действиями, возникновением понимания того, что существует определенный способ изменить свое психологическое состояние, испытать чувство подъема, радости, экстаза.

Резюмируя вышесказанное необходимо отметить, что основанием формирования аддиктивного поведения являются следующие мотивы:

- мотивы употребления алкоголя;
- мотивы начала употребления наркотиков;
- мотивы употребления токсических (психотропных) веществ;
- мотивы приобщения к табакокурению и т. д.

Основные тенденции мотивов приобщения несовершеннолетних больше чем в трети случаев являются традиции и обычаи, соблюдение которых служит непосредственным условием для “принятия” подростка в эталонную группу несовершеннолетних имеющих доминирующее значение в жизни “улицы”, диктующих свои правила социального поведения для подростков населяющих данную территорию. При этом, как это замечено многими учеными-исследователями, подростки и юноши приходят в компанию не для того, чтобы пить, а для того, чтобы стать равноценными членами этой компании, иметь право голоса, быть “своим парнем”. В то же время в большинстве случаев мотивы употребления алкоголя осознаются подростками недостаточно. /2, 249/

Главным мотивом начала употребления несовершеннолетними наркотиков называется любопытство (в 50 процентах случаев). Реже, опрошенные наркоманы отвечают, что их соблазнили, и совсем редко — что хотелось “кайфа” или, что начали употреблять наркотики из-за моды. Многие не могут указать истинную причину и поэтому отвечают, что им предложили.

В исследованиях Н. Н. Толстых и С. А. Кулакова (1989) показано, что ранний алкоголизм и токсикомания приводят к изменению мотивационной сферы юношей 15—17 лет. У них сужается временная перспектива. Распределение объектов удовлетворения потребностей происходит у них в “ближайшем будущем” (сегодня, в течении недели, месяца) и в “актуальном периоде”, не превышающем 1—2 года.

По данным В. А. Худика (1993), причинами приобщения к курению учащихся в возрасте до 13 лет является простое баловство, желание казаться взрослым, что у них ассоциируется с понятиями независимости и самостоятельности, а так же желание ощутить нечто приятное, неординарное. После 13 лет к этим причинам присоединяются факторы группового давления: нежелание быть “белой вороной”, влияние товарищей, боязнь отвержения курящими товарищами, мода, подражание идеалу. В редких случаях указывается желание похудеть.

У несовершеннолетних с аддиктивными наклонностями снижена потребность в общении, но повышен мотив личной автономии, с собственной личностью, с “Я”. /3, 251/

Далее формируется устойчивая последовательность прибегания к средствам аддикции. Сложные жизненные ситуации, состояния психологического дискомфорта провоцируют аддиктивную

реакцию. В литературе известны такие случаи, когда алкогольные и иные вещества психотропного действия повышают агрессивность и уменьшают страх перед опасностью. В качестве классического примера подтверждающие подобного рода суждения приводится пример опыта осуществленного с использованием крыс. Известно, что в крысином сообществе существует четкая иерархия вожаки, изгои и крысы, занимающие промежуточное положение. Однако — под воздействием алкоголя, крысы изгои (наиболее физически слабые) начинают претендовать на место вожака: первыми хватают пищу, оттесняют других с безопасных мест и т. д. При этом надо отметить, что слабые животные (изгои) гораздо охотнее лакали алкоголь, чем сильные, привыкшие быть вожаком.

Таким образом, универсальным свойством алкоголя является его способность усиливать позитивные эмоциональные переживания, связанные с удовлетворением потребностей. Многие подростки при употреблении алкогольных и иных веществ психотропного действия “приобретают силу”, становятся дерзкими, отчаянными способными совершать “смелые” поступки. В таком состоянии они приобретают большую популярность, внушают страх физически слабым категориям подростков, пользуются большим уважением среди старших по возрасту ребят. Постепенно такое поведение становится привычным типом реагирования на требования реальной жизни. Происходит формирование аддиктивного поведения как интегральной части личности, т. е. возникает другая личность, вытесняющая и разрушающая прежнюю. Этот процесс сопровождается борьбой, возникает чувство тревоги. Одновременно включаются защитные механизмы, способствующие сохранению иллюзорного чувства психологического комфорта. Защитные формулы таковы: “я не нуждаюсь в людях”, “я поступаю так, как мне нравится”, “если я захочу, то все изменится” и т. п.

В итоге аддиктивная часть личности полностью определяет поведение человека. Он отчуждается от общества, затрудняются контакты с людьми не только на психологическом, но и на социальном уровне, нарастает одиночество. Вместе с этим появляется страх перед одиночеством, поэтому аддикт предпочитает стимулировать себя поверхностным общением, находиться в кругу большого числа людей. Но к полноценному общению, к глубоким и долговременным межличностным контактам такой человек не способен, даже если окружающие и стремятся к этому. Главное для него — те предметы и действия, которые являются для него средствами аддикции.

2.2. Алкоголизм и меры борьбы с алкоголизацией несовершеннолетних

В современной научной литературе существует множество моделей самых различных теорий алкоголизма. Наиболее популярными среди них являются:

- моральная;
- медицинская;
- психологическая;
- генетическая или наследственная.

Дадим некоторые пояснения каждой из них:

— смысл моральной модели теории алкоголизма заключается в том, что алкоголизм, в данном случае рассматривается как контролируемая человеческая слабость. Сторонники данной теории полагают, что человек, если он этого захочет, вполне способен самостоятельно бросить пить, а то, что он самовольно не бросает пить говорит о его внутренней моральной слабости и об отсутствии воли;

— смысл медицинской модели теории алкоголизма заключается в том, что алкоголизм, в данном случае рассматривается в качестве недуга, болезни, которую нужно лечить медицинскими средствами и способами и желательно в специальных, приспособленных для этого клиниках. Конечно же, медицинская модель алкоголизма налагает на злоупотребляющего алкоголем человека меньше ответственности, нежели моральная. Сторонники данной теории, как правило, в меньшей степени склонны осуждать и презирать алкоголиков;

— смысл психологической модели теории алкоголизма заключается в том, что алкоголизм, в данном случае рассматривается как средство снятия стрессов, освобождение от чувства тревоги, подавленности, усталости и т. д. Согласно этой модели алкоголизм рассматривается, скорее всего, как поведенческое отклонение от нормы, а не как исключительно физическое состояние;

— смысл генетической или наследственной модели теории алкоголизма заключается в том, что сторонники данной теории склонны считать, что алкоголизм передается по наследству от родителей к детям. /4/

Историко-культурологические исследования показывают, что свойства алкоголя и наркотиков были известны людям еще с древнейших времен и использовались для усиления эффекта изменения сознания при богослужениях. Изготавливались они из растений, и их потребление было частью религиозного ритуала, которым сопровождалось празднество. Древние греки даже ставили одно время рядом статуи бога вина Бахуса и богини мудрости Миневры, хотя позже между ними поставили богиню воды Нимфу, вероятно, считая необходимым разбавлять вино водой.

Древние племена Средиземноморья бросали в костер подгнившие гроздья винограда (то есть такие, в которых уже начался процесс брожения) и от запаха сжигаемых плодов приходили в состояние опьянения. /5, 19/ Сравнительно дешевый способ получения крепких напитков был освоен в XVI в. На протяжении долгого времени алкогольные напитки, особенно крепкие, оставались для большинства населения предметом роскоши: они были дороги и малодоступны. Коренные перемены произошли после того, как был открыт промышленный способ получения этилового спирта. Именно это открытие сделало возможным массовое потребление алкоголя, и в XVIII в. пьянство приобрело широкий размах в таких европейских странах, как Англия, Германия, Швеция и др. Примерно в это же время в России быстро входит в употребление водка. Можно сказать, что XIX в. породил, а XX в. усугубил весьма сложную проблему для человеческой цивилизации — проблему алкоголизма.

Фактически алкоголь вошел в нашу жизнь, став элементом социальных ритуалов, обязательным условием официальных церемоний, праздников, некоторых способов времяпрепровождения, решения личных проблем. Однако эта социокультурная ситуация дорого обходится обществу. Как свидетельствует статистика, 90 процентов случаев хулиганства, 9 процентов изнасилований при отягчающих обстоятельствах, почти 40 процентов других преступлений связаны с опьянением. Убийства, грабежи разбойные нападения, нанесение тяжких телесных повреждений в 70 процентах случаев совершаются лицами в нетрезвом состоянии; около 50 процентов всех разводов связано с пьянством.

К сожалению, алкоголь остается предпочтением не только более взрослого и социально устоявшегося общества, но и среди несовершеннолетних, что, конечно же, говорит об удручающих последствиях.

Представления о том, что такое спиртные напитки и как они действуют, у детей возникают рано. Еще в раннем детском возрасте дети, играя в “прем гостей”, устраивают застолье, разливают в стаканы воду, чокаются, а потом изображают подвыпивших гостей, почти полностью копируя их действия, поведение, голос, жесты (например, соседа дядю Ваню, сторожа Кузю и т. д.).

Так, по данным Ю. Ф. Приленского и Н. Д. Иванюженко, в детских садах в такие игры играли 32 процентов мальчиков и 7 процентов девочек. Из них на самом деле пробовали пиво 23—34 процентов девочек и 32—43 процента мальчиков, вино — 13—26 процентов и 21—27 процентов, а водку — 7—13 процентов и 11—16 процентов соответственно. Уже в этом возрасте вино понравилось 13 процентам девочек и 16 процентам мальчиков.

Таким образом, первые впечатления от алкоголя формируются уже в раннем детском возрасте, и почти у трети детей на основании собственного опыта.

Исследование более позднего подросткового периода развития несовершеннолетних склонных к потреблению алкоголя привели Н. Г. Яковлеву к следующим выводам:

— во-первых, более раннее (на два—три года) по сравнению с их ровесниками приобщение к употреблению алкоголя;

— во-вторых, различие мотивов (поводов) употребления алкоголя;

— в-третьих, интенсивное формирование привычки потреблять спиртное в свободное время, а в ряде случаев — и потребности. К этому можно добавить и такой отличительный признак, как неумеренное употребление спиртных напитков в больших дозах.

Данные социологических исследований проведенных нами среди несовершеннолетних также выявляют, любопытную картину. Так, на вопрос о том, какое влияние оказывает потребление спиртного на динамичность жизнедеятельности общества, 89 процентов несовершеннолетних ответили, что пьянство — это большое социальное зло и что с этим злом необходимо бороться на всех уровнях жизнедеятельности общества (государства). Однако, с другой стороны, как это выяснилось в ходе проведенного исследования, то же подавляющее большинство несовершеннолетних либо “выпивает, как все”, либо полностью не препятствует этому.

На вопрос о том, хотели ли вы, что бы вас окружали только непьющие люди, около половины опрошенных несовершеннолетних ответили, что им не хотелось бы иметь среди друзей непьющего человека. Третья часть респондентов считает, что они обиделись бы, в случае, если бы их пригласили в гости и хозяин при встрече гостей не поставил бы на стол спиртное.

Более 40 процентов опрошенных подростков считают, что потребление спиртного в пределах “нормы” безвредно и не сказывается на работоспособности, а каждый пятый подросток вполне допускает появление в пьяном виде на улице, в транспорте, в местах отдыха, лишь бы это не

приводило к скандалам и конфликтам. При этом интересно то, что то же самое количество подростков считает, что появление женщины в нетрезвом состоянии в общественном месте явление не допустимое и позорное.

Распространенность потребления спиртных напитков среди несовершеннолетних правонарушителей, также подтверждается следующими фактами. Так, по данным Комиссии по защите прав несовершеннолетних при акиме Медеуского района города Алматы, с которой мы непосредственно взаимодействуем в решении проблем касающихся социализации несовершеннолетних, за период отработки “Занятость” с 18.09 по 28.09.00 года доставлено 138 несовершеннолетних из них:

- попрошайничество — 16 человек;
- нахождение в нетрезвом состоянии — 122 человека;
- уклоняющиеся от учебы — 12 человек;
- с трудным материальным положением — 4 человека;
- с неблагоприятной обстановкой в семье — 7 человек;

из них поставлено на учет — 17 человек.

Как видно из приведенного примера, только за десять дней, в период которого проводилась отработка “Занятость”, в числе задержанных 122 несовершеннолетних находились в состоянии алкогольного опьянения, что еще раз подтверждает выводы о том, что основная масса правонарушений совершается подростками находящимися в нетрезвом состоянии.

Таким образом, изучение различных аспектов потребления алкоголя и его последствий составляют на сегодняшний день большую сложность и трудно разрешимую проблему и особенно в части изучения мотивов алкоголизации.

В отношении мотивов потребления алкоголя несовершеннолетними необходимо указать на то, что среди несовершеннолетних преступников, реже, чем в контрольной группе, встречаются выпивки исключительно по случаю праздников, дней рождения и по случаю так называемых иных традиционных поводов. При этом закономерно то, что в мотивах употребления спиртных напитков прямо отражаются неблагоприятные социальные условия жизни этой категории подростков. /6, 98/ Поэтому, не является случайным то, что объясняя мотивы, причины совершения преступления в нетрезвом виде подростки, как правило ссылаются на тяжелые условия жизни в семье, жизненные неудачи, на то, что таким образом легче переносить горе, стыд, боль, оскорбление. Так при проведении социологических исследований, В. М. Кормщиков получил следующие результаты: — 30 процентов юношей и 26 процентов девушек объясняли употребление спиртного тем, что “было нечего делать”, пили для “храбрости, для того чтобы веселее проводить время” и т. д. Вообще же непосредственное влияние компании как единственную причину употребления спиртных напитков назвали только 8—10 процентов исследуемых. У остальных уже имелись желания и привычки, хотя и сформированные под влиянием товарищеских компаний, но затем превратившиеся в самостоятельные. /7/

В научной литературе, при исследовании проблем алкоголизации населения, как правило, используются три группы социологических показателей остроты алкогольной проблемы и масштабов распространения пьянства в стране:

- во-первых, уровень потребления алкоголя на душу населения и структура потребления;
- во-вторых, характеристики массового поведения, являющегося следствием потребления

спиртного;

— в-третьих, ущерб, причиненный экономике и обществу пьянством.

Показатель уровня потребления алкоголя имеет смысл только в сочетании с данными о структуре потребления. Следует учитывать и еще целый ряд характеристик, например, регулярность потребления, длительность, связь с приемом пищи.

При этом важны и исследования общих показателей распространенности алкоголизма и показателей особенностей распределения общего объема потребления алкоголя среди населения, а в частности:

— численность и состав пьющих, непьющих и пьющих умеренно;

— распределение потребления алкоголя между мужчинами и женщинами;

— распределение потребления алкоголя по возрастам и другим социально-демографическим признакам;

— поведение при одинаковой степени опьянения и оценки этого поведения также существенно различаются в социокультурных и этнических группах.

Все перечисленные выше характеристики алкоголизации населения входят в понятие модели алкогольного потребления, а при оценке алкогольной ситуации традиционно выделяют три модели потребления алкоголя: винную, пивную и водочную. Эти модели сложились исторически и проявляются в традициях потребления алкоголя у разных народов.

Винная модель получила распространение в таких странах, как Франция, Италия, Португалия, Армения, Грузия, Молдова. Для нее характерно регулярное потребление слабого виноградного вина за обедом и ужином. Сравнительно равномерное распределение объема потребляемого алкоголя между различными группами населения. Этой модели присуще чрезвычайно высокое суммарное потребление алкогольных напитков (к началу 80-х годов во Франции — 15,8 литра абсолютного алкоголя на человека в год, в Италии — 13,9 литра), хотя негативные последствия этого несколько смягчаются некоторыми факторами, но не устраняются полностью. Особую проблему в этих странах представляет такое последствие алкоголизма, как угроза здоровью пьющих и их потомства.

Водочная модель традиционно преобладает в Польше, России, Финляндии, Швеции и других странах, где на крепкие напитки приходится до половины и более суммарного употребления алкоголя. Для этой модели характерны: высокая неравномерность распределения потребляемого алкоголя среди населения, существование групп, резко выделяющихся неумеренностью и асоциальным поведением, сильное опьянение как сознательно достигаемая цель потребления. Страны преимущественно водочной модели, заметно уступая "винным" по суммарному потреблению алкоголя на душу населения в год, зачастую имеют не меньше отрицательных последствий.

Пивная модель близка к винной; по уровню потребления алкоголя "пивные" страны занимают среднее место.

В этом аспекте можно указать на то, что основная часть пьющих несовершеннолетних оказывает предпочтение именно пиву. На улицах нашего города довольно часто можно увидеть подростка свободно распивающего пиво прямо из горлышка бутылки, либо свободно покупающего пиво в магазине или в коммерческом киоске. При исследовании этой проблемы и проведении социологического опроса среди студентов первого курса юридического факультета Алматинского Государственного университета имени Абая на предмет определения, какому же из спиртных

напитков отдают предпочтение несовершеннолетние, 78 процентов опрошенных указали на пиво, объясняя это тем, что оно, во-первых, дешевое по стоимости, во-вторых, никто из окружающих серьезно не относит пиво к алкогольному напитку способному вызвать тяжелые последствия, и в-третьих, при возникновении неприятных для пьющего пиво последствий (нарекание со стороны взрослых, родителей и т. д.) всегда можно оправдаться тем, что ведь фактически выпито всего навсего пиво. При этом парадоксально то, что 95 процентов респондентов согласны с тем, что пиво способствует выработке навыков в систематическом потреблении алкогольных напитков и последующей алкоголизации. Социологический опрос студентов 4—5 курсов указал на то, что большей популярностью в этой среде (78 процентов опрошенных) пользуется водка.

При социологическом опросе несовершеннолетних правонарушителей (353 подростка, находящихся в ВТК и 120 вышедших из них), 15 процентов респондентов на заданный им вопрос: “Как вы раньше, до осуждения, проводили свое свободное время?” ответили, что пьянствовали либо проводили время в поисках спиртного.

Таким образом, уточнить алкогольную ситуацию в среде несовершеннолетних можно, изучая последствия употребления алкоголя:

- деформации личности (сужение мира человека до уровня небольшого мирка собутыльников);
- количество преступлений, связанных с выпивкой, и их долю в общем, объеме преступлений;
- количество и долю несчастных случаев на почве пьянства, число доставленных в медицинский вытрезвитель;
- наличие хронических алкоголиков;
- экономический и материальный ущерб от преступлений и от несчастных случаев, издержки на лечение больных алкоголизмом, то есть весь ущерб являющийся последствиями пьянства и алкоголизма;
- ущерб духовный и нравственный, ущерб отношениям в обществе, семье и т. д.

В рассматриваемом нами аспекте, в работе “Как предупредить алкоголизм и наркоманию у подростков” Д. Д. Еникеева описала и проанализировала различные формы алкоголизма и наркомании у несовершеннолетних. В работе определены группы риска среди школьников, на которые педагоги и родители должны обратить особое внимание. Приведены признаки и описание особенностей поведения учащихся склонных и потребляющих алкогольные напитки. Так, основными симптомами начинающегося алкоголизма несовершеннолетнего являются:

- патологическое влечение к алкоголю;
- утрата количественного контроля;
- угашение защитного рвотного симптома;
- систематический прием алкоголя.

Д. Д. Еникеевой описаны 3 стадии подросткового алкоголизма. Давая подробные медико-физиологические и психологические характеристики каждой из этих стадий, Д. Д. Еникеева отмечает, что алкоголизм у подростков прогрессирует ускоренно (формируется в 2—4 раза быстрее, чем у взрослых) и во многом атипичен. Похмельный синдром (абстинентный) также возникает быстро и с самого начала сопровождается психическими нарушениями: раздражительностью, злобностью, депрессиями, угрюмостью, тревожностью, страхами и ночными кошмарами, галлюцинациями, судорожными припадками.

У подростков отмечается и злокачественное течение алкоголизма, когда тяжелые психические нарушения превалируют над другими проявлениями болезни. Неоднократно в таких случаях отмечается алкогольный делирий или алкогольный галлюциноз, а также алкогольные психозы. Быстро наступают деградация и декомпенсация. Такие подростки перестают учиться, долго не удерживаются на работе из-за нарушений трудовой дисциплины и пьянства, становятся бомжами и попрошайками, многие имеют множество приводов в полицию либо несколько судимостей. /8/

Во всех случаях для профилактики бытового пьянства и алкоголизма школьников педагогам и родителям необходимо изучение причин и симптомов указанного девиантного поведения, знания индивидуально-психологических особенностей детей и подростков, а также достоинств и недостатков различных форм профилактики. В этом контексте различают следующие виды превентивной деятельности:

- первичную профилактику;
- санитарное просвещение;
- выявление групп риска;
- вторичную профилактику.

Алкоголизация и процессы алкоголизации общества, в том числе и несовершеннолетних, всегда являлись условиями вызывающими особую тревогу общества и государства. Государство Республика Казахстан на всех этапах своего развития проводило антиалкогольную политику. В истории борьбы общества с алкоголизмом можно обнаружить два направления:

- во-первых, ограничение доступности спиртных напитков, сокращение их продажи и производства, повышение цен, ужесточение карательных мер за нарушение запретов и ограничений;
- во-вторых, усилия, направленные на уменьшения потребности в алкоголе, улучшение социальных и экономических условий жизни, рост общей культуры и духовности, спокойная, взвешенная информация о вреде алкоголя, формирование у населения безалкогольных стереотипов поведения.

История борьбы с алкоголизмом знала и попытки введения на территории некоторых стран "сухого закона" (Англия, США, Финляндия, Россия). Все они не достигли своей цели, потому что наличие алкоголя — не единственная и не главная причина существования алкоголизма. Проблема преодоления пьянства и алкоголизма является сложнейшей, она включает экономический, социальный, культурный, психологический, демографический, юридический и медицинский аспекты. Только с учетом всех этих аспектов, возможно, ее успешное решение.

Меры специальной превенции направленные на борьбу с алкоголизацией несовершеннолетних традиционно осуществляется в процессе организации и проведения специальных операций по выявлению нарушителей антиалкогольного законодательства. При этом немаловажное значение отводится разработке рекомендаций и соответствующих указаний по расстановке сил и средств, формированию и распространению передового опыта административно-юрисдикционной деятельности различных государственных аппаратов, подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних, комиссий по защите прав несовершеннолетних, в плане предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних, совершаемых на почве пьянства и алкоголизма. В этом аспекте, вышеуказанные органы выполняют следующие антиалкогольные мероприятия:

- выявляют несовершеннолетних, а также вовлекающих их в пьянство родителей и иных лиц, склонных к злоупотреблению спиртными напитками, проведение с ними профилактической

работы с целью формирования здорового образа жизни;

— вносят предложения в соответствующие органы о рациональном размещении строящихся и функционирующих торговых предприятий, кафе, ресторанов и других учреждений, реализующих спиртные напитки, в связи с их потенциальным и негативным влиянием на криминогенную обстановку в конкретном районе населенного пункта;

— регулярно обследуют территории и особенно места концентрации подростков и лиц, склонных к потреблению спиртных напитков (подвалы, чердаки, рынки, магазины, культурно-зрелищные учреждения, станции и остановки общественного транспорта и т. п.);

— привлекают лиц, злостно употребляющих спиртные напитки к различным видам юридической ответственности.

Несовершеннолетние, задержанные за появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, находящиеся в средней и тяжелой степени опьянения, если они утратили способность самостоятельно передвигаться либо могут причинить вред себе или окружающим, могут быть помещены в медицинский вытрезвитель. Однако, при этом необходимо помнить, что доставление несовершеннолетних в медицинский вытрезвитель производится только при невозможности установить их личность, место жительства и передать родителям (лицам их заменяющим) либо представителям учреждений, на которых возложены обязанности по их содержанию и воспитанию.

Законодательством запрещается доставлять в медицинский вытрезвитель несовершеннолетних, имеющих черепно-мозговые травмы или иные опасные для жизни повреждения организма, симптомы острого пищевого отравления или наркотического опьянения, находящихся в состоянии алкогольного психоза. При выявлении таких несовершеннолетних, сотрудники правоохранительных и иных органов обязаны вызвать на место скорую медицинскую помощь.

2.3. Характерные особенности наркомании и токсикомании несовершеннолетних

В условиях сегодняшнего дня наряду с проблемами алкоголизма в научной и популярной литературе широко обсуждаются проблемы наркомании и токсикомании несовершеннолетних. В период “административного социализма” данные проблемы преднамеренно умалчивались. Идеология “ортодоксальных коммунистов” всемерно насаждала в сознание граждан СССР идею о том, что наркомания и токсикомания в советском обществе просто-напросто не существует, и относила данное социальное явление к “западному образу жизни”. Более того, наркоманию и токсикоманию не относили к числу серьезных социальных проблем, а причисляли их к категории “родимых” пятен капитализма, пережитков прошлого и т. д.

Если быть более точным и последовательным в своих суждениях, то необходимо указать, что о проблемах наркомании и токсикомании в Союзе ССР заговорили и стали всесторонне обсуждать в средствах массовой информации только с середины 80-х годов двадцатого столетия. Это был период, который в истории советского государства характеризуется как период перестройки, гласности и радикальных перемен. Касательно рассматриваемой нами проблемы, парадоксом этого периода является то, что наркоманы и токсикоманы страны, к этому времени, по степени информированности о многообразии наркотических и токсикоманических веществ и способах их применения и добычи заметно “обогнали” осведомленность, в указанном контексте, сотрудников правоохранительных органов, призванных бороться с этим социальным злом и даже медицинских работников — профессионалов в этой сфере. Поэтому, проблемы наркомании и токсикомании, сегодня стали еще более острой проблемой для нашего общества.

По самым современным данным среднестатистический возраст Казахстанского наркомана составляет 19 лет, что свидетельствует о том, что в этой сфере наблюдается интенсивная тенденция “омолаживания” наркомании. Указанный факт свидетельствует о том, что сегодня наркотизму подвергается самый активный и работоспособный слой населения нашего государства.

Таким образом, анализ тенденций изменения социально-экономического положения, политических и духовно-нравственных ориентаций молодежи позволяет осуществить социальную диагностику проблем молодежи с наркотиками. Так анкетный опрос среди несовершеннолетних (опрошено 138 подростка и девочек в возрасте от 14 до 18 лет) показал их отношение к наркомании и токсикомании. На вопрос: “Как вы относитесь к употреблению наркотических и токсических веществ?”

- 69,6 респондентов заявили, что они являются принципиальными противниками этого явления;
- 20,4 процента опрошенных пришли к мнению, что это личное дело каждого;
- 1,5 процентов опрошенных ответили, что это их не касается;
- 7,1 процентов респондентов, затруднились дать какой-либо ответ;
- 2,0 процента дали различные, иные ответы.

Мировая практика деятельности медицинских и иных органов, занимающихся изучением данных форм аддиктивного поведения, разработкой мер направленных на борьбу и лечение больных, наглядно иллюстрируют и очерчивают тот социальный фон, в недрах которого проецируется то, что у лиц, систематически употребляющих наркотические, токсикоманические и иные вещества психотропного действия, во много раз быстрее разрушается здоровье нежели у лиц, не страдающих данным недугом, деградируют и снижаются умственные и трудовые способности, теряет остроту восприимчивости память. Лица, склонные к потреблению наркотических и токсикоманических веществ, либо интенсивно потребляющие их, подвергаются деморализации и быстро “опускаются” вниз по социальной лестнице. По наблюдениям специалистов у таких лиц

заметно слабеют волевые качества, утрачивается чувство собственного достоинства, чувство личного “Я”. Стремление во чтобы то и не стало найти материальные, либо денежные средства, на приобретение очередной дозы указанных веществ во многих случаях является основанием совершения различных правонарушений и даже тяжких преступлений. При этом необходимо указать на то, что население нашей республики и в условиях сегодняшнего дня, к сожалению, по-прежнему недостаточно осведомлено об итогах данных видов заболеваний. В тоже время, сегодня уже никто не отрицает факт о том, что наркомания, все таки существует в нашем обществе, все понимают тяжесть ее последствий, как для личности, так и для общества в целом. Поэтому, проблемы эффективности мер борьбы с наркоманией и токсикоманией по-прежнему остаются актуальными, первостепенными и не решенными.

Наукой доказано, что главные мотивы потребления наркотиков и токсикоманических веществ в основном связаны с негативными личными желаниями наркоманов и токсикоманов и заключаются в следующем:

- в жажде получения удовольствий;
- в желание испытать острые, порой даже экстремальные ощущения;
- в желании впасть в состояние эйфории.

А поскольку речь в большинстве случаев идет о молодых людях, эти мотивы усиливаются социальной незрелостью, беспечностью, легкомыслием. Большинство опрошенных наркоманов (77,1 процентов) пристрастились к данному зелью под воздействием других лиц, главным образом потребителей наркотиков из числа друзей, знакомых, причем нередко приобщение происходило в компании гедонистически настроенной молодежи. Потребление наркотиков в молодежной среде очень часто носит именно групповой характер. Многие наркоманы принимают наркотики в общественных местах (на улицах, во дворах, в кинотеатрах, в кафе, на пляжах), некоторые могут это сделать в "любом месте". Обнаруживается, что сегодня население гораздо лучше информировано об опасных последствиях потребления наркотиков. Большая часть наркоманов в какой-то степени осознает угрожающую им опасность и критически относится к своему пристрастию: 12,2 процентов считают его пагубным, 65,5 процентов относятся отрицательно. /9, 156/

Подобного рода суждения подтверждаются и результатами социологического опроса проведенного среди несовершеннолетних. Так, на вопрос: “Пробовали ли вы сами употреблять наркотики?” 79,5 процентов респондентов ответили, нет, ни пробовал и не собираюсь; 8 процентов — пробовал; 6,3 процента — еще нет, но в жизни все надо попробовать, в том числе и наркотики; 0,8 процентов — употребляю периодически; 0,2 процента — употребляю постоянно; 3,3 процента — затруднились дать ответ. /10, 194/

Как правило, не видят в потреблении наркотиков ничего плохого в основном начинающие молодые курильщики гашиша, наряду с которыми возрастающее число несовершеннолетних подростков. К примеру, по данным комиссии по защите прав несовершеннолетних при акиме Медеуского района г. Алматы, общее число совершенных преступлений за 3-й квартал 2000 г. составило 11, из них:

- * убийство — 0;
- * изнасилование — 0;
- * кражи — 4 человека;
- * грабежи — 2 человека;

* наркомания — 5 человек.

Наступающее после приема наркотиков возбуждение, приподнятое настроение многие по неопытности и невежеству принимают за благотворное влияние этого вещества на состояние здоровья. Но на определенной стадии физической и психической деградации большинство наркоманов отчетливо осознают, что ждет их дальше, хотя они уже не в силах отказаться от этой пагубной привычки.

В целом, борьбе с наркоманией и токсикоманией могут способствовать меры социального, экономического, культурного характера, в том числе и те, которые применяются для искоренения алкоголизма. Но, учитывая специфику развития наркомании, в борьбе с этой формой отклоняющегося поведения следует использовать и специальные меры — медицинские, правовые и др.

Таким образом, врачи, юристы и психологи, родители могут достаточно полно представить то, какие последствия ожидают подростка, в случае если у него разовьются пагубные привычки. Поэтому педагоги и психологи должны уметь, на основании внешних признаков поведения, распознавать тех подростков, которые уже начали употреблять наркотические и иные вещества психотропного действия, и самое главное, знать какие меры следует предпринять для коррекции таких отклонений в развитии их личности.

Историко-культурологические исследования данного социального явления показывают, что свойства психотропных веществ и наркотиков были известны человечеству еще с древнейших времен и использовались ими для усиления эффекта изменения сознания при богослужениях. В литературных источниках, датируемых 5 веком до нашей эры, есть упоминание о том, что скифы сыпали коноплю на раскаленные камни с целью получения дыма, вызывающего восторженное состояние. Шаманы использовали наркотические вещества во время ритуальных действий. В древнем Египте, Древней Греции и Риме были известны наркотические свойства опийного мака и индийской конопли. Однако во всех случаях использования данных веществ, их химический и психотропный эффект играл лишь вспомогательную роль; главным фактором изменения сознания были магические ритуалы, маски, символические действия, танцы, заклинания, сильно воздействующие на психику человека.

Таким образом, одним из первичных глубинных факторов употребления человеком психоактивных веществ является желание периодически изменять свое сознание, переживать метаморфозы личности. /11, 19—20/

Как уже указывалось выше, наряду с наркоманией существует токсикомания. Термин “токсикомания” состоит из греческих слов *toxikon* (яд) и *mania* и означает страстное влечение к ядовитым веществам. Токсикоманию могут вызвать химические, растительные или лекарственные средства, которые действуют так же, как и наркотики, но пока не признаны международными конвенциями наркотическими. То есть отличие наркомании от токсикомании чисто терминологическое, и при изменении юридического статуса вещества, вызывающего токсикоманию (то есть при признании его наркотиком), люди, его употребляющие, будут считаться наркоманами.

Среди подростков наиболее распространенной формой токсикомании является вдыхание паров клея, бензина, лакокрасочных растворителей и других химических веществ. Поскольку клиническая картина, причины и последствия токсикомании и наркомании практически одинаковы, целесообразно употреблять эти термины как синонимы.

Данные исследований и результаты работы других авторов (Р. В. Кочеткова, 1984; В. К. Смирнова, 1989; и др.) показали, что практически все подростки, ставшие наркоманами, в свое время злоупотребляли алкоголем. Более того, обычно они начинают с употребления различных психотропных средств как бы совершая поиск “своего” наркотика. /12, 29—30/

Таким образом, можно сделать выводы о том, что наркомания и токсикомания являются лишь разновидностями одного явления — психической и физической зависимости от химического вещества. Обыденное представление о том, что психотропные вещества “лучше” чем наркотики, являются заблуждением. В строго научном смысле употребление крепкого кофе, чая (тем более “чифира”), курение табака также своего рода “слабые” наркомании. Конечно, внешняя картина поведения и субъективное состояние человека после приема того или иного вещества различны, но суть их одна — изменение психического состояния.

Анализируя рассматриваемую нами проблему, Н. Ю Максимова приходит к выводу о том, что “учитывая, что употребление тех или иных из перечисленных веществ во многом определяется степенью сформированности химической зависимости, зарубежная наркология предлагает рассматривать стадии развития наркомании в соответствии с тем, какое вещество принимает человек:

— первая стадия — курение табака;

— вторая — употребление алкоголя;

— третья — курение марихуаны;

— четвертая стадия — употребление собственно наркотических препаратов, запрещенных для немедицинских целей.

Таким образом, наркотик отличается от токсикоманического вещества только с юридической точки зрения. Алкоголь отличается от наркотика и токсикоманического вещества в социальном смысле, то есть он просто более доступен в силу сложившихся культурно-исторических традиций”. /13, 30—31/

Росту наркомании среди детей и подростков, в первую очередь, способствует их социальная неустроенность. Среди детей и подростков, составляющих группу риска на предмет наркозависимости определено, что подавляющая часть таких подростков проживает в неблагополучных семьях, нередко встречаются и те, кто при живых родителях испытывает так называемое “социальное сиротство”. При этом особое беспокойство вызывает именно распространяющееся высокими темпами “социальное сиротство”: если в 1994 году детей лишившихся родительского попечения, было 73,3 тысячи, то в 1997 году их количество составило уже 84 тысячи. При этом 87 процентов из них — это сироты при живых родителях, которые либо отказались от своих детей, либо лишены родительских прав. Постоянно растет число детей-подкидышей, безнадзорных детей, занимающихся попрошайничеством и бродяжничеством, состоящих на учете в подростковых кабинетах наркологических диспансеров.

Конечно же, государственными органами в этом направлении ведется интенсивная работа, создаются школы-интернаты, но к сожалению, функционирующие в республике 498 интернатных учреждений всех типов, в которых воспитывается 50617 детей эту проблему пока решить не могут. Следует отметить, что в числе таковых имеется лишь одна школа-интернат для детей с девиантным поведением, которая локализована в городе Тараз.

В то же время, учитывая, что истинные масштабы, как наркотизма, так и образующих это негативное социальное явление заболеваемости наркоманией и противоправных деяний, связанных с наркотическими средствами, “вуалируется”, как считают криминологи, высокой степенью латентности /85,14/, полагаем, что латентность злоупотребления наркотиками в республике, как и в других странах, на сегодня остается высокой.

Согласно экспертным оценкам, в республике сегодня не менее 200 тысяч человек злоупотребляют наркотическими средствами или психотропными веществами, /14, 110—111/ среди которых значительное место занимают женщины и подростки.

Как видно из вышесказанного: если всегда считалось, что “правом” злоупотреблять наркотиками могли пользоваться только мужчины, то теперь наблюдается наркотизация и женщин Востока, что в прошлом не имело никакого широкого хождения среди женщин, так как подобного рода деяния строго преследовалось и осуждалось нормами морали, нравственности и права.

Предрасположенность к наркотикам включает в себя ряд психологических характеристик. К ним относятся: гедонистическая направленность личности, эгоизм, низкий уровень контроля эмоций и поведения, отсутствие нравственных, ценностных барьеров к асоциальным поступкам, стремление к тунеядству и паразитизму. Включение в наркотизацию с соответствующими изменениями социальных ролей лишь обостряет эти особенности, делает их проявления более открытыми. Наркотизация как бы замыкает систему основных жизненных факторов и делает комплекс психологической, предрасположенности устойчиво функционирующей системой регуляции поведения. /15, 16/

Исследуя проблемы женской наркомании, Корзун И. В. также приходит к аналогичным выводам: “Женская наркомания зачастую связана с тунеядством, преступностью, как правило, сопровождается проституцией и гомосексуализмом. Женщины наркоманы являются группой повышенного риска заболевания СПИДом, иными венерическими заболеваниями, неизбежно подвергая опасности заболевания ими и других лиц.

Исходя из вышесказанного, одним из главных направлений превентивной деятельности по распространению психотропных веществ и наркомании среди женщин мы считаем совершенствование, прежде всего, мер медицинского характера, особенно на стадии выявления признаков ранней деградации личности. /16, 162—163/

Употребление наркотиков несовершеннолетними имеет свои особенности. Хорошо известна тяга несовершеннолетних ко всему неведанному, таинственному, окруженному ореолом романтичности. Любопытство, как свойственное молодым людям, оборачивается порой для них смертельной трагедией. К сожалению, наркоманию многие принимают как своеобразную экзотику, манящую неизвестность, которая будит у молодежи интерес и желание обязательно пережить необыкновенное ощущение. Следующим по значимости в ряду мотивов приобщения несовершеннолетних подростков к наркотическим и другим одурманивающим средствам является снобистская мода и подражание. Специалисты еще это называют “испытание чувства принадлежности с целью быть принятым определенной группой”.

При проведенном социологическом опросе самих несовершеннолетних на предмет выявления значимых (основных), на их взгляд причин употребления подростками наркотических средств, на вопрос: “Назовите основные причины побудившие вас к употреблению наркотических средств?” респонденты, попробовавшие хотя бы один раз в жизни наркотические и токсические вещества, причины “пробования” объяснили следующим образом:

- 4,4 процента — пробовал за компанию;
- 2 процента — угостили в кругу друзей, отказаться было неудобно;
- 6,6 процента — из любопытства;
- 2,9 процента — от нечего делать;
- 0,8 процента — хотел жить по законам этого мира;
- 0,7 процента — не вижу смысла жизни, ищу свой путь;
- 0,6 процента — все остальное — скучно;

- 0,7 процента ищут путь к духовному самосовершенствованию;
- 0,5 процента — пробовал под насильственным нажимом;
- 1,4 процента — другое; 11,3 процента — затруднились ответить.

Кроме того, как ошибочно полагают многие несовершеннолетние, употребление наркотиков как бы повышает уровень социального статуса подростка среди своих друзей, знакомых, что при случае позволяет ему презрительно относиться к “соплякам”.

Вот, что по этому поводу рассказала врачу 15 летняя Оля: “Мы с подругами выпивали чаще всего вино перед дискотекой — для смелости. Но как-то раз в раздевалке мальчики предложили попробовать “особый кайф” — покурить марихуану. Это было мое первое знакомство с наркотиками, Я покурила из-за любопытства. Мне понравилось. С того дня я все чаще и чаще стала курить марихуану. Постепенно школа меня перестала интересовать, а на своих подруг и приятелей я стала смотреть свысока. Я стала все чаще встречаться с парнем, приходила к ним на квартиру. Там у них мне и предложили успокоиться “ханкой”, я и понятия не имела, что это такое. Мне показали и один парень сделал мне укол внутривенно. Через 3 месяца я была в полной зависимости от наркотика. Так прошел год. Болезнь заметила родственница, приехавшая навестить мою мать. Отца у меня не было, он нас бросил. Так я попала в наркологию. При обследовании у меня обнаружили еще и венерическое заболевание”. Вот так праздное любопытство, стремление получить особое ощущение привело Олю, бывшую спортсменку и хорошую ученицу, к наркомании, серьезному венерическому заболеванию.

В возникновении “моды” на получение особых ощущений посредством наркотиков, существенную роль играет, конечно же, противонаркотическая неподготовленность подростков, отсутствие точной и правдивой информации о наркотиках и токсических веществах. Подражая своим кумирам — музыкантам, актерам, они не знают, что многие из них из-за наркотиков бросили совсем творческую деятельность, а некоторые погибли. /17, 69—72/

Таким образом, заболевание наркоманией, токсикоманией никогда не бывает случайным, тем более внезапным. Этому всегда предшествует довольно длительный период социальной дезадаптации подростка, который включает в себя:

- период первых проб психотропных веществ;
- поисковый полинаркотизм, где основную роль играют стандарты группового поведения;
- фоновый полинаркотизм, где все ярче проявляется мотив изменения своего психического состояния с помощью предпочитаемого наркотика.

В период формирования влечения к наркотикам, пока нет психической зависимости, подростку вряд ли может помочь нарколог. Медикаментозное лечение еще применять рано, а убеждение в пагубном влиянии психотропных веществ на организм не воспринимаются, поскольку у подростка уже сформировалась психологическая готовность к употреблению психотропных веществ и наркотиков. В этот период поможет только воздействие, направленное на разрушение отклонений в развитии личности, детерминирующих стремление изменить свое психическое состояние искусственным путем.

Наибольший эффект может дать психологическое (психотерапевтическое) воздействие, базирующееся на знании причин возникновения у подростка потребности в психотропных веществах и наркотиках. /18, 167—168/

Специалисты правы, когда говорят, что проблема лечения наркомании неразрывно связана с вопросами воспитания, с проблемой социальной реабилитации молодого человека. Во всем мире

мероприятия, направленные на предупреждение возникновения наркомании и токсикомании, на уменьшение тяжелых последствий и осложнений, можно условно разделить на три группы:

- медицинскую;
- психолого-педагогическую;
- правовую.

Ввиду невероятной сложности причин психической и физической зависимости от наркотических веществ, фармакологические методы лечения являются частью комплексного лечения, эффективного на первом, коротком этапе лечения. Полный курс терапии включает три этапа:

- ликвидация абсинентного синдрома;
- активный курс лечения;
- длительная восстановительная терапия с социальной реабилитацией.

Кроме того, заслуживает внимания и получившее у нас в Казахстане и России движение, когда церковь берет под свое покровительство лечение молодых наркоманов. В Алматы уже около 6 лет функционирует нетрадиционный центр реабилитации наркоманов. Он работает по программе “Гин-Гэлминджер” и основан подвижником из Австрии Дагласом Бойлом. По этой программе действуют 150 центров в 53 странах мира получающие гуманитарную помощь. Желающие избавиться от наркозависимости проходят строгое тестирование, такой отбор позволяет выявить способных пройти курс лечения. /19, 89—93/

Однако сами несовершеннолетние наркоманы не совсем уверены в том, что кто-либо способен их излечить, либо оказать помощь для избавления от наркозависимости, о чем свидетельствуют итоги проведенного анкетного исследования. Так при анкетировании наркозависимых подростков, особое разделение мнений и множество вариантов ответов последовало на вопрос о том: “Как вы считаете, кто сегодня может оказать реальную помощь лицам, страдающим наркозависимостью?”

- 23,6 процента респондентов ответили, что такую помощь могут оказать только медицинские учреждения;
- 10,1 процента опрошенных указали на различные социальные службы;
- 9,8 процента были уверены, что помощь могут оказать только родители;
- 7,2 процентов участников анкетирования сослались на исправительные учреждения;
- 4,1 процента анкетированных указали на различные религиозные организации и объединения
- 0,2 процента опрошенных были уверены в том, что помощь может оказать себе только сам наркоман;
- 6,1 респондента уверены, что в подобном случае никто не в состоянии оказать помощь больному;
- 3,3 процента — затруднились дать ответ.

Суммируя вышесказанное, следует сказать, что в нашем конкретном случае задача состоит не в том, чтобы “заболтать” проблему, а оказать реальную помощь законодателю в правильном выборе мер правового регулирования, прогнозировании, насколько достижение этих целей способно

решить проблемы наркозависимости несовершеннолетних. То есть, анализируя социальную направленность реформации мер борьбы с наркоманией и токсикоманией несовершеннолетних, необходимо на социологическом и в других уровнях убедиться в достижении указанных целей.

Организация и тактика борьбы с распространением наркомании и токсикомании среди несовершеннолетних является одним из важнейших направлений борьбы с преступностью. В этой связи, важнейшими мерами борьбы с наркоманией и токсикоманией несовершеннолетних является:

— выявление и перекрытие источников и каналов поступления наркотических средств в незаконный оборот;

— предупреждение и раскрытие правонарушений и преступлений, связанных с наркотическими средствами;

— выявление и учет лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических и других влекущих одурманивание средств, и принятие мер воспитательного и медицинского характера;

— выявление и устранение причин и условий, способствующих распространению наркомании;

— комплексное сотрудничество всех органов в реализации целевой программы противодействия употреблению наркотиков и иных веществ психотропного действия и незаконному их обороту. /20, 104/

Таким образом, плодотворная работа по предупреждению и сокращению количества несовершеннолетних склонных и потребляющих наркотические и психотропные вещества и сокращению спроса на указанные средства может проводиться только на основе сочетания и неуклонного проведения в жизнь комплекса воспитательных, медицинских, правовых и других мер, причем не только среди несовершеннолетних и молодежи, но и среди взрослых.

Даже если придерживаться классической идеальной модели суждения о том, что социальное назначение права состоит в регламентации поведения людей, то с учетом этого предназначения не следует допускать ошибки в институционализации отдельных институтов формирования законодательной базы регламентирующей порядок регуляции общественных отношений связанных с наркозависимостью, ибо они в первую очередь связаны с социальным развитием и благополучием детей и подростков. /21, 94/

2.4. Содержание суицидов несовершеннолетних, как намеренного лишения себя жизни

В бытность СССР проблема юношеских суицидов длительное время оставалась запретной темой для проведения различных исследований. Существующая идеология глубоко культивировала мысль о том, что Советский Союз — страна счастливого и беззаботного детства, которое становилась “все счастливей с каждым днем” и естественно при “счастлимом детстве” говорить о суицидах было абсолютно не корректно. Факты наличествующих детско-юношеских суицидов, в средствах массовой информации не освещались и не предавались широкой огласке. Очевидно, именно поэтому, среди широких кругов населения, на предмет суицидов, в то время бытовало два распространенных ошибочных мнения:

— во-первых, о том, что самоубийства вообще и юношеские в особенности совершают только психически больные, ненормальные люди;

— во-вторых, что именно юношеский возраст, в силу его кризисного, почти психопатологического характера, дает максимальный процент самоубийства.

Фактически подростки и юноши совершают самоубийства реже, чем лица старших возрастов. /22, 241/

Суицид (от англ. suicide — самоубийство) — акт самоубийства, совершаемый человеком в состоянии сильного душевного расстройства либо под влиянием психического заболевания; осознанный акт устранения из жизни под воздействием острых психотравмирующих ситуаций, при которых собственная жизнь как высшая ценность теряет смысл.

Таким образом, под понятием суицид понимается намерение человека лишить себя жизни, иначе говоря, это повышенный риск совершения самоубийства. Указанная форма отклоняющегося поведения несовершеннолетних носит пассивный характер и представляет неоправданный собой способ ухода, от каких либо неразрешимых проблем посредством насильственного прекращения собственной жизни.

В историческом аспекте в разные эпохи и в условиях расцвета различных культур существовали свои специфические оценки этого явления: зачастую самоубийство осуждались широкими слоями населения, порицались. Так, с точки зрения как мусульманской, так и христианской морали самоубийство считается тяжким и неисправимым грехом. Поэтому сторонники этих религий лиц, покончивших жизнь самоубийством, дабы не осквернить кладбище, хоронили отдельно от обычных людей погибших насильственно либо умерших естественной смертью.

Однако, в культурах, обычаях и традициях иных народов бытовали правила на основании которых допускалось или обязательно считалось, что при наличии определенных жизненных ситуаций суицид должен быть обязательным и неизбежным (например, самосожжение вдов в Индии, харакири самураев в Японии и т. д.). В подобных случаях суицид гарантировал почетную и достойную “загробную” жизнь, являлся символом доблести, чести, отваги и преданности клану, народу, правителю и государству.

В современных условиях развития психологической науки известными психологами А. Г. Амбрумовой и Л. И. Постоваловой (1987) выделяются пять ведущих мотивов суицидального поведения:

1. протест, месть. Этот мотив возникает у лиц с высокой самооценкой, с активной или агрессивной позицией и связан с трансформацией гетероагрессии в аутоагрессию;
2. непереносимость угрозы, стремление избежать ее путем самоустранения;
3. “самонаказание” — как протест внутри личности при расщеплении “Я” на судью и подсудимого;
4. “отказ” (капитуляция) — в связи с потерей смысла существования (например, в связи с

утратой близкого человека или в связи с неизлечимой тяжелой болезнью);
5. призыв, смысл этого мотива состоит в активизации помощи из вне. /23/

Из сказанного выше следует, что при оценке конкретных суицидальных актов многое зависит от мотивов и обстоятельств, особенностей личности. Проведенные исследования также свидетельствуют и о том, что фактором, провоцирующим суицидное поведение, во многом выступает специфическая комбинация таких характеристик, как пол, возраст, образование, социальное и семейное положение.

На основании изучения мирового опыта исследования самоубийств выявляются основные закономерности генезиса суицидного поведения. Кроме того, на основании данных о количественных параметрах совершенных самоубийств можно сделать выводы о том, что суициды в большей степени характерны для высокоразвитых стран, и сегодня существует тенденция увеличения их числа. Так, например, во Франции в группе 15—19-летних самоубийство является четвертой, а в США — третьей по статистической значимости причиной смерти (после транспортных происшествий, насильственной смерти и рака). Причем в большинстве стран, где ведется статистика, за последние 30 лет количество юношеских самоубийств заметно возросло, в то время как среди взрослых показатели суицидов в значительной степени остались прежними (К. Хоутен, 1986)

По наблюдениям исследователей суицидная активность имеет определенные временные циклы. Факт весенне-летнего цикла и осенне-зимнего спада ее был отмечен еще Э. Дюркгеймом. Количество самоубийств возрастает во вторник и снижается в среду — четверг. Конец недели больше "опасен" для мужчин. Соотношение между мужчинами и женщинами примерно таково: 4:1 при удавшихся самоубийствах и 4:2 при попытках, т. е. суицидное поведение мужчин чаще приводит к трагическому исходу. Отмечено, что вероятность проявления этой формы отклонений зависит и от возрастной группы. Дети, особенно младше 13 лет, редко совершают самоубийства. Это объясняется тем, что они все еще зависят от так необходимых им в этом возрасте объектов любви. У них еще не завершен процесс внутренней идентификации, поэтому мысль о враждебности по отношению к самому себе кажется им слишком болезненной и пугающей. Только когда сделаны первые шаги на пути самоидентификации, дети становятся достаточно независимыми, чтобы совершить самоубийство. /24, 553/

Самоубийства совершаются чаще в возрасте после 55 и до 20 лет, сегодня самоубийцами становятся даже 10—12-летние дети. Мировая статистика свидетельствует, что суицидное поведение чаще проявляется в городах, среди одиноких и на крайних полюсах общественной иерархии. В СССР начала XX в. суицидное поведение не получило такого распространения, как в ряде европейских стран. К 80-м годам ситуация существенно изменилась: СССР по частоте самоубийств, превзошел некоторые из европейских стран (30 на 100 тыс. населения), затем наблюдалось снижение числа самоубийств до 19 на 100 тыс. населения в 1989 г. Однако тот глубокий социально-экономический кризис, в котором находятся сегодня республики бывшего СССР, вызовет, как считают социологи, новую волну самоубийств.

Среди подростков, обследованных А. Е. Личко (1983), 32 процента суицидальных попыток приходится на долю 17-летних, 31 процент — 16-летних, 21 процент — 15-летних, 12 процентов — 14-летних и 4 процента — 12—13-летних. Юноши совершают самоубийства как минимум вдвое чаще девушек; хотя девушки предпринимают такие попытки гораздо чаще, многие из них имеют демонстративный характер. /25/ Неудачные суицидальные попытки большей частью не повторяются; хотя 10 процентов мальчиков и 3 процента девочек от 10 до 20 лет, совершившие неудачные суицидальные попытки, в течение ближайших двух лет все-таки покончили с собой (Г. Отто, 1972).

Исследование суицидного поведения на территории бывшего СССР выявляет целый ряд особенностей. Все бывшие республики Советского Союза можно условно разделить на две группы: первая — республики Европейской части бывшего СССР: Россия, Грузия. В них уровень

самоубийств среди городского населения ниже, чем среди сельского, и составляет около 70 процентов; вторая — республики Средней Азии, Закавказья (кроме Грузии), Казахстан, здесь уровень городских самоубийств выше, чем в сельской местности, в среднем в 2 раза. Первое соотношение можно назвать европейским, а второе — азиатским типом распространения самоубийств. Азиатский тип распространения самоубийств объясняется национально-религиозными традициями, особенностями межличностных отношений, большим количеством многодетных семей, урбанизацией; европейский — неблагоприятной социально-экономической обстановкой на селе, стагнацией деревенской жизни, оттоком работоспособных селян в города, старением сельских жителей. По этим же причинам среди городов по числу самоубийств лидируют малые и средние города.

Наконец, несомненна связь суицидного поведения с другими формами социальных отклонений, например с пьянством. Судебной экспертизой установлено: 68 процентов мужчин и 31 процент женщин покончили с жизнью, находясь в состоянии алкогольного опьянения. На учете, как хронические алкоголики, состояли 12 процентов совершивших самоубийство мужчин, и 20,2 процента всех, покушавшихся на свою жизнь /26, 62/.

У несовершеннолетних в большей степени, чем среди взрослых, наблюдается “эффект Вертера” под которым понимается совершение самоубийства под впечатлением чьего-либо примера. Так например, жители богатых округов к северу от Нью-Йорка были потрясены цепочкой из двенадцати самоубийств. Жители города Клер-Лейк-Сити, штат Техас были шокированы волной самоубийств шести юношей, происшедших в течении двух месяцев. В другом тexasском городе Пиано произошло восемь самоубийств молодых людей, после того как себя задушил один учащийся средней школы. Таким образом, когда случается одно самоубийство, оно становится сигналом к действию для других предрасположенных к этому молодых людей. Небольшие группы подростков даже объединялись с целью создания некоей субкультуры самоубийц. Потенциальные самоубийцы часто имеют покончивших с собой родственников или предков. /27, 556—557/

Несомненный интерес при исследовании проблем суицидов представляет исследование Дюркгейма “Самоубийство”. Автор решительно отвергает попытки объяснения исследователями явления суицида внесоциальными факторами: психическими, психопатологическими, климатическими, сезонными и т. п. По его глубокому убеждению только социология способна объяснить различия в количестве самоубийств, наблюдаемые в разных странах и в разные периоды.

Кроме того, прослеживая связь самоубийств с принадлежностью к определенным социальным группам, Дюркгейм устанавливает зависимость числа самоубийств от степени ценностно-нормативной интеграции общества (группы). Он выделяет 3 основных типа самоубийства, обусловленные различной силой влияния социальных норм на индивида:

— эгоистическое;

— альтруистическое;

— аномическое.

Эгоистическое самоубийство имеет место в случае слабого воздействия социальных (групповых) норм на индивида, остающегося наедине с самим собой и утрачивающего в результате смысл жизни.

Альтруистическое самоубийство, наоборот, вызывается полным поглощением обществом индивида, отдающего ради него свою жизнь, т. е. видящего ее смысл вне ее самой.

Аномическое самоубийство обусловлено состоянием аномии в обществе, когда социальные нормы не просто слабо влияют на индивида (как при эгоистическом самоубийстве), а вообще

практически отсутствуют, когда в обществе наблюдается нормативный вакуум, т. е. аномия. Дюркгейм указывает и на 4 типа самоубийства — фаталистский, который должен служить симметричным антиподом аномического самоубийства, но не рассматривает его специально вследствие его незначительной распространенности.

Резюмируя вышесказанное, считаем необходимым отметить, что наиболее правильными способами предотвращения самоубийств, совершаемых несовершеннолетними, является своевременное распознавание в поведении подростков симптомов указывающих на ближайшее намерение данного лица к покушению либо совершению самоубийства. Приведем наиболее из них часто встречающиеся и традиционные:

— длительное нахождение в состоянии депрессии характеризующееся состоянием тоски, отчаяния, отсутствием аппетита, бессонницей, апатией ко всему окружающему;

— социальная изоляция, “уход в себя”, характеризующаяся бойкотированием окружающих, отсутствием дружеской поддержки со стороны сверстников, родителей и других лиц, в сфере общения которых обычно находится подросток;

— проблемы в учебе выраженные систематическим пропуском занятий без уважительных причин, низкой успеваемостью, академическими задолженностями, опозданиями и т. д.;

— устные и письменные намеки о самоубийстве представленные в виде многократных рассуждений о самоубийствах, рассказы о своих проблемах, предпочтенье мрачных суицидных тем в беседах, литературе, искусстве и т. п.;

— чрезмерное увлечение алкоголем наркотиками и другими веществами психотропного действия;

— излишне вызывающее поведение появляющаяся в виде беспочвенной грубости, дерзости, уходов из дома, сексуальной распущенности и т. д.;

— безразличие к собственному внешнему виду, излишняя неряшливость, небрежность в одежде;

— поведение, характеризующееся излишней возбудимостью, необоснованным беспокойством, нервозностью и т. д.;

— жалобы на здоровье, головные боли;

— особо охотное присоединение к разговорам о смерти, о “загробной жизни”;

— внезапное раздаривание ценных и в недавнем прошлом дорогих ему вещей, составление завещания, предсмертных писем и записок;

— недавнее самоубийство друга или близкого родственника и др.

Однако, не всегда, в соответствии с общими правилами, признаки будущей попытки самоубийства представляются возможным распознать на основании предшествующего поведения несовершеннолетнего. Нередки случаи, когда подросток может говорить о далеко идущих вперед планах на будущее, осуществлять для реализации данных планов какие либо необходимые действия, в то время как, при этом, в душе его зреют помыслы и картины о предполагаемом самоубийстве, которое он может осуществить при первом же подходящем для этого случае и никто из окружающих его людей не в состоянии об этом заранее догадаться, и предпринять предупреждающие суицид меры

2.5. Многофакторная специфика проституции несовершеннолетних

В числе женского девиантного поведения проституция (от латинского слова — *prostituere*, в буквальном смысле “выставлять публично”) представляется как распространенное социальное явление.

Обычно под проституцией понимают внебрачные половые отношения, осуществляющиеся между партнерами за определенную плату, которые не имеют в своей основе взаимного чувственного влечения партнеров. Подобная точка зрения способствует тому, что проституцию нельзя отождествлять ни с корыстными супружескими отношениями, ни с внебрачными сексуальными связями, так как в их основе не заложены личные симпатии мужчины и женщины друг к другу.

Предрасположенность к занятию проституцией включает в себя ряд признаков, в значительной степени характеризующих личность проститутки. К подобным характеристикам относятся: аморальная направленность личности женщины в плане половой распущенности, похоть, эгоизм, низкий уровень контроля собственного поведения, отсутствие моральных, нравственных, ценностных барьеров к асоциальным поступкам, стремление к легкому заработку, паразитизму, игнорирование общественным мнением, бесстыдство, развал и деградация личности и т. д.

Наиболее широкое распространение проституция, в том числе и проституция несовершеннолетних, имеет в крупных городах Казахстана, представленных в виде Алматы, Астаны, Караганды, Павлодара и многих других. Более того, в указанных городах, проституция “широко поставлена на организованную, коммерческую основу с разветвленной и отлаженной сетью конспиративных квартир (а фактически притонов разврата), сутенеров (сводников), подкупом должностных лиц и представителей администрации учреждений социально-бытового и культурного назначения, представителей местных властей и т. д. В проституцию и в неуклонно сопутствующие ей иные формы преступной деятельности вовлекаются несовершеннолетние.

Между тем по самым скромным и приблизительным подсчетам специалистов по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, в настоящее время в одной только Алматы “работает” более тысячи девочек проституток. Достоинством гласности становится информация о законспирированных видео студиях, где осуществляется запись на кассеты сцен детской порнографии в самых извращенных формах, вплоть до актов совокупления с домашними животными. Стоимость одной минуты детского “порно” составляет около 100 долларов США”. /28, 306/

В современных условиях развития общественных отношений, факторов способствующих развитию проституции существует не мало. Так по замечанию Ю. М. Антоняна, одними из таковых являются “особенно неблагоприятное положение молодых женщин из необеспеченных и малообеспеченных семей, которым почти закрыт доступ к модной одежде и другим, престижным и необходимым вещам, обладающим большой притягательной силой. Их информированность о земных благах исключительно велика, поэтому столь значительно у них чувство зависти, ущемленности, неполноценности. Это толкает их на совершение краж и хищений, на занятие проституцией”. /29, 20/

Указанные факторы, стимулирующие динамику развития проституции — это всего лишь видимая часть проблемы, и она не всегда дает объяснения генезису и механизму развития проституции вообще.

По большому счету проституция имеет глубокие корни своего происхождения и многовековую историю развития. Она начала зарождаться вместе с общественным разделением труда, развитием моногамии, появлением городов. Так, например, Геродот повествует, что в Вавилоне все женщины, в нем родившиеся, должны были, по крайней мере, хоть один раз в своей жизни явиться в храм Мелитты, чтобы там отжаться какому-нибудь чужеземцу. Они должны были оставаться в этом храме до тех пор, пока кто-нибудь из этих чужеземцев не бросал им на колени известную

сумму денег и приглашал к совокуплению. Деньги, полученные таким путем, считались священными.

Примечательно, что даже в средневековой Европе церковь была вынуждена мириться с этим явлением, признавая если не полезность, то, во всяком случае, неизбежность существования проституции. Более того, различные религиозные секты, например николаиты проповедовали отсутствие всякого стыда в половых отправлениях и учили, что все страсти, даже самые грубые и низкие, полезны и святы. Они вместе с так называемыми гностиками слились в несколько союзов, называвшихся фибиионитами, в основу учения которых легли их взгляды.

Святой Епифаний описывает в 4 столетии распространенный между ними разврат, не знавший никаких пределов. Секты эти просуществовали тайно до 12 столетия, сделав еще одну попытку привиться к жизни.

Уровень проституции резко вырос с развитием капиталистических отношений, что вызвало серьезное общественное беспокойство. В последней трети XIX в. были разработаны методы регламентации (способы медико-полицейского надзора) с целью упорядочить и по возможности ограничить данного рода отношения. Однако политика запретов оказалась малоэффективной. И все же с начала 20-х годов XX в. происходит заметное сокращение проституции, как в Европе, так и в Северной Америке. Причинами этой тенденции, по мнению исследователей, были улучшение экономического положения женщины, ее нравственная эмансипация. Большинство молодых людей перестали пользоваться услугами проституток, их клиентами остались преимущественно мужчины старших возрастных групп. /30, 66/.

В нашем обществе (СССР) проституция считалась “отсутствующей”. Длительное замалчивание реальной ситуации привело к тому, что обнародование факта существования проституции вызвало у многих “шоковый” эффект. Отсюда и нездоровый интерес, и гневные требования пресечь это явление, и некоторая растерянность перед ее неизбежностью.

Проституция активно изучалась в первые годы Советской власти, однако позже, исследования были прекращены и возобновились лишь в 60-е годы, а первые результаты проведенных исследований стали публиковаться в открытой печати совсем недавно. Они показали, что по сравнению с 20-ми годами существенно изменилась социальная база проституции. В то время на путь порока многих женщин приводили голод и нищета, безработица, низкий жизненный уровень проживания. Основная масса проституток рекрутировалась из числа лиц с низким уровнем образования, выходцев из деревни. Сегодня налицо резкое расширение социальной и возрастной базы. В числе проституток — учащиеся школ, ПТУ, техникумов, вузов. В объятия клиентов “девочек из бара” толкают не голод, а стремление к скорейшему материальному благополучию и “красивой жизни”.

При изучении данной проблемы мы пришли к выводу о том, что современное состояние проституции можно классифицировать на три основных вида:

- на проституцию стационарную (профессиональная);
- на проституцию по вызову;
- на проституцию уличную.

Стационарная (профессиональная) проституция, на наш взгляд представлена в виде оказания услуг клиенту в специально приспособленных для этого квартирах — притонах разврата (сводничества) в условиях которых “штатные” проститутки “обслуживают клиентов”. Как известно, содержание притонов разврата и сводничества требует определенных материальных затрат и представляют собой глубоко аморальное явление. Они во многом способствуют моральному развращению граждан, в особенности несовершеннолетних, так как сопровождаются

циничной демонстрацией высокооплачиваемых развратных действий. Нередко содержание притонов разврата и сводничества с корыстной целью бывают, сопряжены с совершением других половых преступлений (вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, развратные действия в отношении несовершеннолетних, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, изнасилование, мужеложство) и преступлений против общественного порядка (хулиганство, изготовление или сбыт порнографических предметов). При этом, необходимо отметить то, что помимо проституток в этих домах присутствует целый обслуживающий персонал: хозяин притона, сутенеры — посредники, медицинские работники, специализированная охрана, повара, музыканты и т. д. В большинстве случаев притон имеет “крышу” в качестве которой, как правило, выступает, за стабильное и систематическое соответствующее вознаграждение, влиятельное в городе должностное лицо, а во многих случаях — сотрудники правоохранительных органов курирующие данный район. В подобных притонах “обслуживаются” состоятельные и уважаемые в городе люди, занимающие соответствующие посты. Вот как об этом пишет И. В. Корзун: “Правоохранительными органами периодически проводятся разномасштабные операции по проверке деятельности подобны структур... В ходе одного из таких мероприятий, проведенных в городе Алматы, было установлено, что некоторые из арендуемых проверяемой фирмой жилых помещений, саун и так далее предназначались для свиданий проституток, со строго ограниченным кругом постоянных клиентов, в число которых входили весьма высокопоставленные должностные лица и работники крупных коммерческих структур”. /31, 126/

Проституция по вызову так же характеризуется высокой степенью организованности. Сегодня никого не удивят объявления в газете “Караван”, где молодые особы ищут “высокооплачиваемую работу и несостоятельных просят не беспокоить”, в объявлении указывается телефон “ищущей работы” либо иной реквизит. При поступлении “вызова”, проституток на место “работы” доставляют на автомобиле ее представители — сутенеры и их водители, которые ведут переговоры с “клиентом” (о времени, плате, ассортименте услуг и т. д.), демонстрируют “товар”, и гарантируя надлежащее качество услуг получают достигнутую в процессе переговоров плату. Они же гарантируют безо-пасность “работы” как проститутке, так и клиенту, в данном случае, касательно клиента, речь идет о том, что клиенту гарантируются безопасность быть разоблаченным (пойманным) сотрудниками правоохранительных органов. Как правило, вызовы осуществляются в гостиницы, бани — сауны, но нередки случаи вызовов проституток и в частные квартиры, то есть по месту жительства клиента. В данном виде проституции замешены и администраторы (горничные, дежурные) гостиниц, хозяева бань — саун и другие лица. Нередки случаи, когда роль сутенеров, за определенную мзду, выполняют таксисты.

Зачастую проституция по вызову заканчивается для “клиента” кражей его личных вещей, ценностей, денег, ограблением квартиры, легким отравлением чрезмерным количеством добавленных в напитки снотворных (дурманных) веществ и т. д. Кроме того, широкую практику применения приобретают и те случаи, когда по мере опьянения клиента проститутки устраивают скандалы с последующим вызовом полиции и подачей заявления о намерении, попытки или даже ее якобы изнасиловании. Все эти действия осуществляются для того, что бы получить посредством подобного вымогательства больших сумм денег у клиента для закрытия “дела об изнасиловании”. При этом сотрудники полиции, по предварительному сговору с проституткой охотно “подыгрывают” ей и в результате получения денег, предлагаемых клиентом в качестве взятки за оказание услуги по прекращению дела, делятся ими с проституткой. Часты случаи, когда в подобных ситуациях, “на место происшествия” приезжают лица, не имеющие ни какого отношения к органам государственной власти, но переодетые в форму сотрудников полиции имеющие в наличии оружие, специальные средства и фальшивые удостоверения сотрудников правоохранительных органов.

Уличная проституция не столь организована, однако и в этом случае существуют сутенеры, группа охраны, которые обеспечивают безопасность деятельности проституток, оплату за оказанную услугу, зачастую имеется “крыша” представленная в виде патрулирующих сотрудников правоохранительных органов (полиции), участковых инспекторов. Для того, чтобы убедиться в достоверности подобного рода суждений достаточно в вечернее время посетить

улицы Саина, Сейфуллина, территорию гостиницы “Казахстан” и так далее, где за умеренную плату проститутки, без лишней громоздкости услуг, обслуживают своих клиентов (в машинах, в подворотнях и пр.)

Из всех названных видов проституции наибольшей распространенностью среди несовершеннолетних девочек — проституток пользуется уличная проституция. Объясняется это тем, что хозяева притонов, бань, гостиниц, с целью избежания лишних “неприятностей”, ответственности и риска, предпочитают отказываться от услуг несовершеннолетних проституток ограничиваясь эксплуатацией взрослых “жриц любви” и лишь только в редких случаях, за чрезмерную плату, пользуются услугами несовершеннолетних (например, для высокопоставленных особ, так называемых любителей “клубнички”, то есть девочек в возрасте от 13—14 лет и младше).

Характеризуя проституцию, Ч. Ломброзо указывает: “Подобно нравственному помешательству, с проституцией тесно связана преступность... Чаще всего между проститутками распространено воровство и соучастие в нем... Между домами терпимости самого низкого пошиба в Лондоне, Манчестере, Ливерпуле и Глазго нет ни одного, который не был бы в то же время притоном воров и разбойников. В Лондоне связи проституток с ворами — общее правило за весьма немногими исключениями. Их можно всегда видеть вместе целыми толпами в кабаках и харчевнях. Женщины эти посвящены во все воровские предприятия своих приятелей мужчин и нередко принимают участие в кражах их, имея всегда свою часть в добыче”. /32, 336/

П. Н. Тарновская описала особый класс воровок, у которых наблюдается полное смещение черт, свойственных проституткам и воровкам, и которые являются характерной патологической переходной формой от одних к другим.

“Существенные черты проституток и воровок,— пишет она,— своеобразным образом совмещается в этих женщинах, которые составляют особую разновидность воровок-рецидивисток. Проститутки-воровки высказывают, например, больше осторожности в своих поступках, чем обыкновенные проститутки, не так легко поддаются влиянию минуты, умеют хорошо обдумывать свое намерение и сопротивляться моментальному импульсу, какие черты редко наблюдаются у обыкновенных проституток. Но зато они отличаются большею жестокостью и цинизмом, чем эти последние, у которых сказываются порою проблески доброты сердечной, и обнаруживаются меньше склонности к употреблению спиртных напитков. Они понимают, что при своем, вдвойне опасном, образе жизни им нужно быть особенно осмотрительными и осторожными, что несовместимо с пьянством”. /33, 338/

Таким образом, проституция всегда теснейшим образом связана с преступностью и поэтому общество всегда искало пути и средства борьбы с данной формой девиантного поведения женщин.

На этом основании, историческая мировая практика определила три основных подхода в законодательном регулировании борьбы с проституцией:

— прогибиционизм (запретительный);

— регламентарный (регистрация и медицинское наблюдение);

— аболиционизм (профилактическая, разъяснительно-воспитательная работа при отсутствии запретов и регистрации).

В соответствии с политикой прогибиционизма занятие проституцией, в зависимости от соответствующих факторов, характеризующих личность проститутки, злостность ее деятельности и т. д. признается административным правонарушением либо уголовным преступлением и лицо, уличенное в занятии проституцией привлекается к мерам административной и уголовной ответственности в строгом соответствии с действующим законодательством.

Регламентарный подход предполагает терпимое отношение к проституции как “необходимому злу” и обязательность ее регламентации в интересах охраны здоровья населения и общественной нравственности. Он отражается, например, в политике государств, пытающихся ограничить проституцию рамками публичных домов с обязательным медицинским осмотром проститутток и некоторыми другими мерами контроля.

При аболиционистском подходе проституция рассматривается в принципе как занятие, несовместимое с человеческим достоинством, но считается, что это вопрос личного выбора каждого члена общества. Поэтому проституция не запрещается, а преследуется лишь ее эксплуатация. Однако и тут государства вынуждены вводить некоторые ограничения на деятельность проститутток в целях защиты определенных интересов общества (например, запрещение приставания в поисках клиентов в общественных местах, вблизи школ, в отдельных районах города и т. д.). /34, 164/

Как свидетельствует исторический и эмпирический опыт борьбы с проституцией в различных государствах запреты, налагаемые государством, оказались бессильны, репрессии также малоэффективны, проституция продолжает существовать во всех уголках земного шара.

Как показал исторический опыт, ни правовая, ни медицинская, ни социальная регламентация, направленная против представительниц этой древнейшей профессии, не позволяет полностью решить проблему проституции.

Список использованных источников к главе 2:

1. Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие.— Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 21—22.
2. См.: Ильин Е. П. Мотивация и мотивы.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 249.— (Серия “Мастера психологии”).
3. Там же. С. 251.
4. См. например: Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000.— 624 с.— (Серия “Мастера психологии”); Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие.— Ростов-н/Д: Феникс, 2000.— 384; Степанов В. Г. Психология трудных школьников: Учебн. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений.— 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Издательский центр “Академия”, 2001.— 336 с. и др.
5. Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие.— Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 19.
6. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981. С. 98.
7. См.: Кормщиков В. М. Изучение механизмов влияния неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего — важное условие профилактики правонарушений. В сб.: Личность правонарушителя и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних.— М., 1977.
8. См. подробнее: Еникеева Д. Д. Как предупредить алкоголизм и наркоманию у подростков.— М., 1999.
9. Габияни А. А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы.— М., 1990. С. 156.
10. Казахстанская молодежь на рубеже веков /А. С. Сарсенбаев и др.— Астана: Елорда, 2000. С.194.
11. Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 19—20.
12. См. подробнее: Максимова Н. Ю. Указанное сочинение. С. 29—30.
13. См.: Там же. С. 30—31.
14. См. подробнее: Абдиров Н. Концептуальные проблемы борьбы с наркотизмом в Республике Казахстан /криминологическое и уголовно-правовое исследование/ Монография.— Алматы: ТОО “Баспа”, 1999. С. 110—111.

15. Басенко М. С. Психологическая характеристика личности женщины, потребляющей наркотики, и ее учет в воспитательной деятельности в местах лишения свободы /Автореф. канд. дсс.— М., 1991. С 16.
16. См.: Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1998. С. 162—163.
17. Башмаков А. И. Наркомания: истоки трагедии.— Алматы: “Билим”, 1998. С. 69—72.
18. Максимова Н. Ю. Указанное сочинение. С. 167—168.
19. См. подробнее: Башмаков А. И. Указанное сочинение. С. 85—93.
20. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Особенная. Издание третье, исправленное и дополненное. Учебник /Под ред. док. Юрид. наук, проф., академика РАЕН А. П. Коренева.— М.: Московская академия МВД России, “Щит-М”, 2000. С. 104.
21. Жетписбаев Б. А. Ювенальная юстиция: Учебник для вузов.— Алматы: Данекер, 2001. С. 94.
22. Кон И. С. Психология ранней юности: Кн. для учителя.— М.: Просвещение, 1989. С.241.: ил.— (Психол. наука — школе).
23. См.: Амбрумова А. Г., Постовалова Л. И. Мотивы самоубийств.— Социс.— 1987.— № 6.
24. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С.553.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
25. См. подробнее: Личко А. Е. Подростковая психиатрия.— 2-е издание.— Л.: Медицина, 1985; Он же. Психопатии и акцентуации характера у подростков.— 2-е издание.— Л.: Медицина, 1983.
26. Гишинский Я. И., Смолинский Л. Г. Социодинамика самоубийств //Социс. 1988. № 5. С.62.
27. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С.556—557.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
28. Корзун. И. В. Женская преступность. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика современных проявлений преступности в Республике Казахстан.— Алматы: Данекер, 2001. С. 306.
29. См.: Антонян Ю. М. Преступность женщин //Социалисти-ческая законность. 1991. № 7. С. 20.
30. Голод С. И. Проституция в контексте изменений половой морали //Социология преступности.— М., 1988. № 2. С. 66.
31. Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1998. С. 126.
32. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка. В кн. Гениальность и помешательство: Сочинения.— М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во “Фолио”, 1998. С. 336. (Серия “Антология мысли”).
33. Там же. С.338.
34. Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1998. С. 164.

Глава 3 Основные характеристики подростков с акцентуациями в поведении

3.1. Генезис акцентуаций в поведении несовершеннолетних склонных к совершению правонарушений

С позиций современной психологии, личность понимается как социальное явление, как социально-психологическая сущность каждого отдельно взятого человека. Соответственно, личность, определяется главным образом социальными и социально-психологическими свойствами, хотя и биологические (наследственные и другие) качества при этом нельзя игнорировать, поскольку они накладывают определенный отпечаток на различные стороны психических процессов, составляющих основу личности человека. /1/

В формировании личности доминирующее значение имеет фаза ее подросткового периода развития. Объясняется это тем, что подростковый возраст — один из наиболее сложных периодов развития человека. Несмотря на относительную кратковременность (с 14 до 18 лет), он практически во многом определяет всю дальнейшую жизнь индивидуума. Именно в подростковом возрасте преимущественно происходит формирование характера и других основ личности, которые сопровождаются возникновением следующих обстоятельств:

- переход от опекаемого взрослыми детства к самостоятельности;
- смена привычного школьного обучения на другие виды социальной деятельности;
- бурная гормональная перестройка организма.

Все указанные выше обстоятельства в совокупности делают подростка особенно уязвимым и податливым к отрицательным влияниям среды. При этом необходимо учитывать свойственное подросткам стремление высвободиться из-под опеки и контроля родных, учителей и других воспитателей. Нередко это стремление приводит и к отрицанию духовных ценностей и стандартов жизни вообще старшего поколения. /2, 5/

Подростковому возрасту присущи различные типы нарушенного поведения. Нарушенное поведение — это понятие неоднозначное ни в терминологии, ни в содержании самого термина, ни в его отношении к так называемому нормальному поведению. В терминологическом отношении "нарушенное поведение" часто рассматривается как синоним словосочетаний "трудный ребенок", "ненормальное поведение", "ребенок с нарушениями в аффективной сфере", "девиантное поведение", "отклоняющееся поведение", "делинквентное поведение", "противоправное, преступное, криминальное поведение" и другие. Следует помнить, что названные термины несут одностороннюю информацию: бытовую (трудный ребенок), юридическую (преступное поведение) и т. д. /3, 16/

Отклоняющимся поведением называют поведение, в котором устойчиво проявляются отклонения от социальных норм, как отклонения агрессивной или корыстной ориентации, так и социально-пассивного типа. /4, 22/.

Как уже указывалось нами выше, для характеристики отклоняющегося поведения используют специальные термины делинквентность и девиантность.

Если нарушения не достигают уровня уголовно наказуемых действий, то такое поведение у несовершеннолетних принято называть делинквентным (от латинского delinquo — провиниться, совершить проступок). Обычно делинквентное поведение начинается с прогулов — уклонение от учебы и труда и присоединения к асоциальной группе подростков (сверстников или более старших по возрасту). Мелкое хулиганство, отбирание у более младших детей денег, издевательства над ними, а в составе группы и над более старшими подростками — обычный набор делинквентных поступков. Участились и случаи проституции среди подростков. /5, 10/

Кроме того, под определение понятия девиантное поведение попадает как делинквентное, так и другие нарушения поведения (от ранней алкоголизации до суицидных попыток).

В литературе указывается на необходимость различать понятие "отклоняющееся поведение" от терминов "отклонение в развитии", "задержка в развитии", "отставание в развитии". Эти термины обозначают детей с дефектами развития. /6, 13/

Таким образом, попытки практического применения системного анализа нарушенного поведения предпринимались неоднократно на каждом этапе новых научных достижений. Однако отсутствие единого представления о природе девиантного поведения не позволяли найти единого решения поднимаемых проблем.

В числе разнообразных, взаимосвязанных факторов, обуславливающих проявление отклоняющегося поведения, можно выделить такие, как:

— индивидуальный фактор, действующий на уровне психобиологических предпосылок асоциального поведения, которые затрудняют социальную адаптацию индивида;

— психолого-педагогический фактор, проявляющийся в дефектах школьного и семейного воспитания;

— социально-психологический фактор, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия несовершеннолетнего со своим ближайшим окружением в семье, на улице, в учебно-воспитательном коллективе;

— личностный фактор, который, прежде всего, проявляется в активно-избирательном отношении индивида к предпочитаемой среде общения, к нормам и ценностям своего окружения, к педагогическим воздействиям семьи, школы, общественности, а также в личных ценностных ориентациях и личной способности к саморегулированию своего поведения;

— социальный фактор, определяющийся социальными и социально-экономическими условиями существования общества. /7, 19/

В практической деятельности сотрудников правоохранительных и иных органов, комиссий по защите прав несовершеннолетних и других очень часто приходится сталкиваться со своеобразными особенностями личности подростков — акцентуантами, что подразумевает собой те явления, когда обычные черты характера проявляются в виде усиления отдельных черт личности, но не доходящих до патологических форм.

Длительное время понятия "акцентуация" не существовало, и это социальное явление рассматривалось в рамках понятия "психопатия". В современной психиатрии под понятием "психопатия" понимается врожденная или приобретенная патология личности с преобладающей дисгармонией в эмоциональной и волевой сферах.

Понятие "акцентуация" впервые в научный оборот было введено немецким психиатром и психологом, профессором неврологической клиники Берлинского университета Карлом Леонгардом в 1981 году. Им же разработана и описана классификация акцентуаций личности. По мнению К. Леонгарда, в развитых странах более половины подростков относится к акцентуированным личностям.

В работах К. Леонгарда используется как сочетание "акцентуированная личность", так и "акцентуированные черты характера". К. Леонгард заменил термин "психопат" на термин "акцентуированная личность". Акцентуация характера, по К. Леонгарду, это нечто промежуточное между психопатией и нормой. По его мнению, акцентуированные личности — это не больные люди, это здоровые индивиды со своими индивидуальными особенностями. Акцентуированные

характеры зависят не от природно-биологических свойств, а от факторов внешней среды, которые накладывают отпечаток на образ жизни данного человека.

Акцентуация всегда, в общем, предполагает усиление степени определенной черты. Эта черта личности, таким образом, становится акцентуированной. Акцентуированные черты далеко не так многочисленны, как варьирующие индивидуальные. Акцентуация — это, в сущности, те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние. При большей выраженности они накладывают отпечаток на личность как таковую и, наконец, могут приобретать патологический характер, разрушая структуру личности. /8/

В нашей стране и в странах ближнего зарубежья получила распространение иная классификация акцентуаций, которая была предложена известным детским психиатром профессором А. Е. Личко. Он полагает, что акцентуации характера имеют сходство с психопатиями. Главное их отличие от психопатий заключается в отсутствии признака социальной дезадаптации. Они не являются основными причинами патологического формирования личности, но могут стать одним из факторов в развитии пограничных состояний.

Акцентуации характера по А. Е. Личко (1983) — это крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим. Акцентуация характера и ее типы — это определение преморбидного фона, на котором могут возникать расстройства психической деятельности. Поэтому, закрепление некоторых патологических черт характера мешает подростку адаптироваться в окружающей среде и может стать одной из причин его отклоняющегося поведения. Не случайно акцентуации характера рассматриваются в качестве предпосылок отклоняющегося (девиантного) поведения подростков. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что именно акцентуации делают подростковый возраст “трудным”. /9, 372/

По данным И. А. Горьковой акцентуации в 1989 году отмечались у 97 процентов подростков, а в 1994 году — у 96 процентов. Таким образом, за пять лет в принципе не произошло существенных изменений в степени распространенности акцентуаций. Более того, они действительно стали характерной особенностью подросткового возраста. Интересно отметить, что по степени распространенности акцентуаций социально-адаптированные подростки сравнивались с подростками-правонарушителями, среди которых подростков с выраженными акцентуациями в 1989 году было 96 процентов, а в 1994 году — 100 процентов. /10/

По мнению А. Е. Личко акцентуацию можно определить как дисгармоничность развития характера, гипертрофированную выраженность отдельных его черт, что обуславливает повышенную уязвимость личности в отношении определенного рода воздействий и затрудняет ее адаптацию в некоторых специфических ситуациях.

При этом важно отметить, что избирательная уязвимость в отношении определенного рода воздействий, имеющая место при той или иной акцентуации, может сочетаться с хорошей или даже повышенной устойчивостью к другим воздействиям. Точно так же, затруднения с адаптацией личности в некоторых специфических ситуациях (сопряженных с данной акцентуацией) может сочетаться с хорошими или даже повышенными способностями к социальной адаптации в других ситуациях. При этом эти “другие” ситуации сами по себе могут быть объективно и более сложными, но не сопряженными с данной акцентуацией.

Все акцентуации Личко рассматриваются как временные изменения характера, сглаживающиеся при взрослении. В то же время многие из них переходят в психические заболевания или же сохраняются на всю жизнь.

Акцентуации представляют собой хотя и крайние, но варианты нормы. Поэтому “акцентуация характера” не может быть психиатрическим диагнозом.

По исследованиям А. Е. Личко патохарактерологические реакции, выступающие на фоне акцентуаций, как правило, почти 80% из них с возрастом сглаживаются, смягчаются и можно наблюдать удовлетворительную социальную адаптацию. Будет прогноз хороший или плохой зависит от степени и вида акцентуаций — скрытая она или явная, а также от социальных условий.

Явная акцентуация — эта степень относится к крайним вариантам нормы. Однако выраженность черт определенного типа обычно не препятствует социальной адаптации. Занимаемое положение, как правило, соответствует способностям и возможностям. С возрастом особенности характера либо остаются достаточно выраженными, но компенсируются и не мешают адаптации, либо настолько сглаживаются, что явная акцентуация переходит в скрытую.

Скрытая акцентуация — эта степень относится не к крайним, а к обычным вариантам нормы. В обыденных, привычных условиях черты какого-либо типа характера выражены слабо или не проявляются совсем. Даже при продолжительном наблюдении, при разносторонних контактах и детальном знакомстве трудно бывает составить представление об определенном типе. Однако, черты этого типа могут неожиданно и ярко проявиться под влиянием тех ситуаций и психических травм, которые адресованы к месту наименьшего сопротивления. /11/

Анализ степени распространенности акцентуаций у подростков показывает, что наиболее широко они представлены в группе девочек. Если у девочек наиболее распространенными оказываются эмотивный, экзальтированный, гипертимный и циклотимный типы акцентуаций, то у мальчиков — гипертимный, циклотимный и экзальтированный типы.

Наиболее благоприятный прогноз наблюдается при гипертимической акцентуации, наихудший прогноз — при явной неустойчивой акцентуации.

В заключение, следует отметить, что в современной литературе различают несколько видов относительно стойких изменений происходящих в поведении акцентуированных подростков:

1 — переход явной акцентуации в скрытую, когда с возрастом акцентуированные черты стираются или компенсируются, т. е. заменяются другими и только под влиянием некоторых факторов, адресованных уязвимому месту, черты этого типа уже скрытого, замаскированного, вдруг проявятся неожиданно, внезапно, в полной силе;

2 — формирование на почве акцентуаций психопатических развитий. При этом большую роль играет среда, что может в конечном результате привести к тому, что у несовершеннолетнего может наблюдаться предболезненное состояние, а иногда и заболевание;

3 — трансформация видов акцентуаций характера, присоединение к основному типу близких, совместимых с этим типом других акцентуаций;

4 — в некоторых случаях черты вновь приобретенных акцентуаций могут даже доминировать над основной, иногда черты одной акцентуации могут "вытеснить", "заслонить" черты других акцентуаций;

5 — из распространенных практических ошибок является трактовка акцентуации как установленной патологии. Однако это не так. В работах К. Леонгарда специально подчеркивалось, что акцентуированные люди не являются ненормальными. В противном случае нормой следовало бы считать только среднюю посредственность, а любое отклонение от нее рассматривать как патологию. К. Леонгард даже полагал, что человек без намека на акцентуацию, конечно, не склонен развиваться в неблагоприятную сторону, но столь же маловероятно, что он как-нибудь отличается в положительную сторону. Акцентуированным личностям, напротив, присуща готовность к особенному, т. е. как к социально положительному, так и социально отрицательному развитию. Обобщая все сказанное, очевидно, можно заключить, что акцентуация является не патологией, а крайним вариантом нормы;

- 6 — сочетание различных типов акцентуаций и психопатических, и невротических тенденций может приводить к различным исходам. Например, сочетание акцентуированных и психопатических личностных черт, в том или ином человеке не усиливает акцентуацию или психопатию, напротив оно ведет к выравниванию характера, т. е. к норме;
- 7 — психопатии характеризуются как тотальность и относительная стабильность патологических черт характера и их выраженность до степени, нарушающей социальную адаптацию;
- 8 — психопатизация относительно устойчивое личностное свойство и проявляется во всех сферах личности;
- 9 — невротизацию, в свою очередь, можно представить как вариативную личностную переменную, которая отражает как динамически изменяющиеся особенности человека (состояния), так и относительно более статичные (свойства личности);
- 10 — невротизация формируется под влиянием трех классов психических явлений;
- 11 — эмоционально-мотивационные особенности личности;
- 12 — психосоматическая симптоматика;
- 13 — человеческая психика очень ранима, а отрицательных воздействий на психику в течение жизни человека великое множество, начиная от мелких огорчений и обид, связанных с семейными взаимоотношениями, и до тяжелых личностных потрясений и трагедий в жизни человека;
- 14 — помимо отрицательных личных переживаний, которые приходится испытывать каждому человеку, негативное влияние на психику оказывает и непрерывный, стремительно возрастающий поток информации, связанный с научно-техническим прогрессом;
- 15 — сохранение душевного равновесия — важная предпосылка для нормальной жизнедеятельности человека и достаточной продуктивности его работы. Для приспособления к быстро изменяющимся условиям информационно перегруженного мира необходим достаточный резерв душевных сил. /12, 208/.

3.2. Типология акцентуаций в поведении несовершеннолетних правонарушителей

Выбор поведения несовершеннолетнего (правомерного либо противоправного) во многом зависит от возможности выбора тех или иных средств, направленных на достижение определенных целей. Подобные цели подросток ставит перед собой, в зависимости от объективных условий существующей действительности, с наличием которых приходится считаться в процессе реализации собственных устремлений. По большому счету, в случае, если подросток психически здоров, право выбора поведенческого акта (правомерного либо противоправного) всегда остается за ним. Однако, если характер несовершеннолетнегоотягощен какими — либо акцентуациями, то выбор средств и путей достижения намеченных целей у подобных лиц более ограничен, так как подростки не всегда в состоянии справиться с внезапно возникшими впечатлениями, эмоциями, желаниями, чувствами и иными движущими его действиями побочными факторами, что в конечном счете может привести к негативным последствиям, характеризующимися как асоциальные, либо порицаемые обществом.

Вопрос о личности подростка с акцентуациями в поведении издавна привлекает внимание исследователей в плане конструирования, создания и иллюстрации его “типологического портрета”, необходимого для более углубленного и дотошного понимания данного психологического феномена.

Практическое значение получения такого “портрета” очень велико, так как изучение типологии акцентуаций в поведении несовершеннолетних правонарушителей позволит установить:

- связь между акцентуациями и обычным (правомерным) поведением подростка;
- связь между акцентуациями и отклоняющимся (противоправным) поведением подростка;
- связь между возрастом подростка и формами акцентуаций в поведении подростка;
- связь между средой проживания подростка и выработки акцентуированного поведения;
- влияние акцентуаций на стабильность противоправного поведения, их рецидивов, закономерностей совершения правонарушений и т. д.

Таким образом, знание типов акцентуаций и закономерностей их развития во многом поможет в ежедневном общении с лицами, характеризующимися акцентуациями в поведении, в формировании правильных взаимоотношений в любых социальных макро- и микро- группах.

Методологически важно при типологии избегать двух крайностей, отмечающихся в литературе: описание личностных характеристик вне показа их связи с условиями социальной среды и умозрительного конструирования некоего типа. Надо идти от характеристики реальных социальных отношений, процессов, явлений к свойствам типа. Типология имеет в виду не то, что чаще всего встречается, а закономерное, /13/ являющееся логическим итогом особенностей социального развития личностей, зависящее отнюдь не от чисто индивидуальных черт. К. Е. Игошев отмечает, что типология фиксирует то главное, без чего нет и не может быть личности преступника, вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и обнаруженными закономерностями, свойственными преступнику как типу. /14, 55/ В процессе классификации задача выявления закономерного, наиболее существенного и объективно обусловленного, как правило, не становится, а критерием служит статистическая распространенность избранного признака или группы признаков. /15, 67/

Типология акцентуаций в поведении несовершеннолетних должна быть подчинена диагностической, генетической и прогностической задачам, давать представление о степени развития деликтологических качеств личности, об обусловивших эти качества особенностях социального взаимодействия и социальной среды, позволять прогнозировать, в каких условиях

можно ожидать делинквентное поведение личности. Не случайно среди представителей уголовного права и криминологии никогда не пользовались особой поддержкой типологии и классификации, основанные на общих свойствах любой личности, которые, в частности, разрабатывали психологи и психиатры, исследуя контингенты преступников.

По имеющимся в литературе данным, для лиц, характеризующимися акцентуациями в поведении, весьма характерно состояние дезадаптации, вызванной невозможностью удовлетворения актуальных потребностей, самоактуализацией, постоянными конфликтами с окружающими. Следствием этого являются расстройства, внутреннее напряжение, которые сужают возможности адекватно реагировать на возникшую ситуацию, выделение главных, существенных факторов. Такое состояние представляет собой, по существу, фрустрацию, субъективно воспринимается как крайне неблагоприятное, угрожающее целостности и самоидентичности субъекта, приводит к накоплению аффекта и, естественно, порождает потребность освободиться от влияния такого состояния.

Так, например, исследуя данную проблему, А. Е. Личко выделяет 11 типов возможных акцентуаций и показывает, как определенные условия и ситуации приводят к социальной дезадаптации и асоциальному поведению подростков с акцентуированным характером. /16, 10/

Традиционно выделяются следующие типы акцентуаций характера несовершеннолетних:

1. Гипертимный;
2. Циклотимный;
3. Экзальтированный;
4. Эмотивный;
5. Тревожный;
6. Педантичный;
7. Возбудимый;
8. Демонстративный;
9. Неустойчивый;
10. Дистимный.

Дадим краткую характеристику каждому из указанных типов акцентуаций характера несовершеннолетних:

1. Гипертимный тип

Заметной особенностью этого типа является постоянное (или частое) пребывание в приподнятом радостном настроении. Оно может сочетаться с высокой активностью, жадной деятельностью. С ними интересно. Для них характерны высокая степень общительности, повышенная словоохотливость, остроумие и веселый задор. На жизнь смотрят оптимистически, не теряя оптимизма и при возникновении трудностей. Учатся охотно, способны к знаниям, отличаются хорошей приспособляемостью к требованиям окружающих. Временами, нередко случаи легкомысленности, когда по этой причине имеются множество неоконченных дел.

В силу чрезмерной требовательности некоторых педагогов и их стремления жестко регламентировать поведение учащихся случаются конфликты. Для разрешения конфликта достаточно либо устранить причину гнева, либо просто переключить такого подростка на какое-либо интересное для него дело.

2. Циклотимный тип

Важнейшей особенностью этого типа является смена гипертимических и дистимических состояний. При этом такие перемены являются и не редкими, и не случайными. В гипертимической фазе поведение типичное — радостные события вызывают не только радостные

эмоции, но также и жажду деятельности, активность. Печальные события вызывают не только огорчение, но и подавленность. В этом состоянии характерны замедленность реакций и мышления, замедление и снижение эмоционального отклика. Тяготится одиночеством. Смена противоположных психических состояний может происходить без особо видимой причины.

3. Экзальтированный тип

Главной особенностью экзальтированной личности является бурная, экзальтированная реакция на все происходящее вокруг них: сильные эмоциональные переживания возникают по поводу радостных и печальных событий... Они легко приходят в восторг от радостных событий и в отчаяние по поводу печальных событий и фактов. При этом внутренняя впечатлительность и переживание сочетаются с ярким их внешним выражением. Характеризуются сильными перепадами в настроении даже по поводу беспочвенных мелочей (случайно оброненное слово, незначительное происшествие на улице и т. д.)

Сильно привязываются к близким и любимым людям, страдают от их несчастий, готовы оказать им бескорыстную помощь, то есть, способны на глубокие и тонкие чувства. Вступают в конфликт по поводу чьей либо грубости, либо беспардонности.

4. Эмотивный тип

Характерны высокая чувствительность, мягкосердечность и глубокие реакции в области тонких эмоций. Эти люди мягкосердечны, добры, задушевы, эмоционально отзывчивы, высоко развита эмпатия. Чувства эмотивных подростков находят заметное проявление вовне, особенно в мимике. У них большая сострадательность и жалостливость. Все эти особенности, как правило, хорошо видны и постоянно проявляются во внешних реакциях.

5. Тревожный тип

Главной особенностью этого типа является повышенная тревожность, пугливость, беспокойство по поводу возможных неудач, беспокойство за свою судьбу и судьбу близких. При этом объективных поводов к такому беспокойству, как правило, нет. Отличаются робостью, иногда с проявлением покорности. Постоянная настороженность перед внешними обстоятельствами сочетается с неуверенностью в собственных силах. Мальчики избегают компаний сверстников, считая их грубыми, проводя все больше времени среди младших по возрасту или девочек. Бояться конфликтов, но часто в них попадают и в результате бывают биты либо унижены и оскорблены.

6. Педантичный тип

Хорошо заметным внешним проявлением этого типа являются повышенная аккуратность, тяга к порядку, нерешительность и осторожность. Другой их отличительной чертой является чувство повышенной ответственности и добросовестности. Склонны к длительным и бесплодным рассуждениям и впадению в состояние сомнений. Очевидно, за внешней педантичностью стоит нежелание и неспособность к быстрым переменам, к принятию ответственного решения. В их характере наблюдается не способность к выполнению работ, не требующих особой кропотливости и усидчивости, где нет необходимости проявлять сверхакуратность и точность. Лишенные этой возможности они могут вступать в конфликт с окружающими. Педантичность наблюдается у школьников разных возрастов, но у детей она менее выраженная, нежели у подростков и юношей, так как первые более импульсивны и несобранны и поэтому чаще совершают необдуманные поступки.

7. Возбудимый тип

Часто находятся в мрачном и злобном расположении духа. Способны к эмоциональным взрывам, даже по поводу случайных обстоятельств, что в конечном итоге приводит к конфликтным

ситуациям, которое, в свою очередь, являются следствием собственной властности, нетерпимости, эгоизма. Особенностью возбудимой личности является выраженная импульсивность поведения. Вся манера общения и поведения в значительной мере зависят не от логики, не от рационального оценивания своих поступков, а обусловлена импульсом, влечением, инстинктом или неконтролируемыми побуждениями. В области социального взаимодействия, общения для них характерна крайне низкая терпимость, что часто может характеризоваться как отсутствие терпимости вообще. Подвержены тлетворному влиянию алкоголя. Часто у них отмечается повышенная сексуальность. В общении допускают грубость и неуважение к другому лицу. Способны к рукоприкладству.

Возбудимым подросткам часто бывает сложнее, чем другим приспособиться к окружающим. Кроме того, трудно поддаются воспитательному воздействию со стороны окружающих их лиц.

8. Демонстративный тип

Подростки этого типа часто говорят не правду, а то, что выгодно для достижения собственных целей. Не всегда искренни и склонны к преувеличенному выражению своих чувств. Способны отвлекаться от неприятных мыслей и даже забывать о них. Часто обманывают окружающих, но не являются сознательными лжецами. Ко лжи их толкают различные причины: получить материальные блага, стремление добиться успеха, желание уйти от лишних забот, проблем и т. д.

Центральной особенностью этого типа является потребность и постоянное стремление произвести впечатление, привлечь к себе внимание, быть в центре внимания. Это проявляется в тщеславном поведении, часто нарочито демонстративном. Элементом этого поведения является самовосхваление, рассказы о себе или событиях, в которых эта личность занимает центральное место. Свое поведение строят с учетом индивидуальных особенностей лиц, с которыми им приходится им общаться, что позволяет им без особых усилий расположить их к себе, вызвать симпатию и расположение указанных лиц. Часто становятся участниками интриг, в которых “сталкивают лбами” своих соперников, извлекая из этого собственную выгоду. С помощью выдумки и хитрости легко выходят из затруднительного для них положения. Подчас бывают враждебны, ведут себя эгоистично, не останавливаются ни перед чем, чтобы любыми способами очернить своих товарищей перед взрослыми или перед иными авторитетными для них лицами.

9. Неустойчивый тип

Застревающий тип личности характеризуется высокой устойчивостью аффекта, длительностью эмоционального отклика, переживаний. Оскорбление личных интересов и достоинства, как правило, долго не забывается и никогда просто не прощается. В связи с этим, окружающие часто характеризуют их как злопамятных и мстительных людей. К этому есть основания: переживания аффекта часто сочетаются с фантазированием, вынашиванием плана ответа обидчику, мести. Болезненная обидчивость этих людей, как правило, хорошо заметна. Их также можно назвать чувствительными и легкоуязвимыми, но в сочетании и в контексте вышесказанного.

Другой их характерной чертой является честолюбие: стремление к самоутверждению; стремление к достижению высокого положения, но проблема в том, что при указанных видах поведения они способны при этом быть нечистоплотными в отношении к своим соперникам. Подозрительны и враждебны.

10. Дистимный тип

Дистимическая личность есть прямая противоположность гипертима. Дистимики обычно сконцентрированы на мрачных, печальных сторонах жизни, и как говорится смотрят на мир преимущественно “через темные очки”, то есть пессимистически. Это проявляется во всем: и в поведении, и в общении, и в особенностях восприятия жизни, событий и других людей (социально-перцептивные особенности). Обычно эти люди по натуре серьезны. Активность, а тем

более гиперактивность им совершенно не свойственны. Радуются они мало. Плохо входят в контакт с окружающими их людьми. В общении малоразговорчивы, при беседе ограничиваются отдельными замечаниями, либо репликами.

Знание вышеназванных черт акцентуированных подростков позволяет проследить степень их сочетаемости. Сочетание демонстративных и педантических черт у акцентуированных личностей не встречается, т. к. демонстративные и педантичные личности противопоставлены друг другу в одной и той же сфере реакций. Для демонстративной личности в состоянии аффекта показательны внезапные действия по типу короткого замыкания, в то время как педантичные личности медлительны, нерешительны. Способность вытеснять из сознания эмоциональные вопросы, не сразу поддающиеся психологическому решению, у демонстративных личностей повышена, у педантичных — резко понижена.

В современной психолого-правовой литературе, типы выраженности и распространенности акцентуаций характера традиционно выделяются с помощью опросника Х. Смишека. Данная методика была разработана Х. Смишеком в 1970 году на основе концепции К. Леонгарда акцентуированных личностей. По форме она представляет собой опросник, состоящий из 88 вопросов и предлагающий два варианта ответов "да" и "нет". После проведенного среди несовершеннолетних тестирования ответы обрабатываются с помощью ключа. В результате получаются показатели по каждому из типов акцентуации, которые принято называть "сырые баллы". Полученные в результате тестирования показатели преобразуются с помощью соответствующих коэффициентов по формуле:

СЫРЫЕ БАЛЛЫ * КОЭФФИЦИЕНТ = ИТОГОВЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ

При этом каждый тип акцентуации имеет следующие коэффициенты:

1. Гипертимный — 32;
2. Циклотимный — 33;
3. Экзальтированный — 64;
4. Эмотивный — 35;
5. Тревожный — 36;
6. Педантичный — 27;
7. Возбудимый — 38;
8. Демонстративный — 29;
9. Неустойчивый — 210;
10. Дистимный — 3.

Оценка результатов по опроснику Х. Смишека осуществляется следующим образом: итоговый показатель сравнивается со средними значениями по данному типу акцентуации и выносится соответствующее диагностическое решение.

Результаты изучения степени распространенности и выраженности акцентуаций характера 14—15 летних подростков (мальчиков и девочек) с помощью опросника Х. Смишека, предпринятого В. А. Авериним в 1995—1997 годах выявил следующие результаты:

— между мальчиками и девочками существуют различия по степени выраженности шести акцентуаций из десяти. Девочки в сравнении с мальчиками более эмоциональны, экзальтированнее, проявляют большую демонстративность в поведении, а мальчики более тревожны, неустойчивы и дистимны;

— качественный анализ показывает, что большинство акцентуаций — эмотивная, экзальтированная, тревожная и дистимная — относятся к темпераменту и только две — демонстративная и неуравновешенная — к характеру. Таким образом, в основе межполовых различий по степени выраженности у подростков акцентуаций доминируют различия,

обусловленные типом темперамента, и в меньшей степени — типом характера;

— анализ степени распространенности акцентуаций у подростков показывает, что наиболее широко они представлены в группе девочек;

— если у девочек наиболее распространенными оказываются эмотивный, экзальтированный, гипертимный и циклотимный типы акцентуаций, то у мальчиков — гипертимный, циклотимный и экзальтированный типы;

— общим является связь акцентуаций с темпераментом, а так же то, что в подростковом возрасте наиболее распространенными, независимо от пола, являются гипертимный, циклотимный и экзальтированный типы акцентуаций;

— типично женскими акцентуациями в подростковом возрасте можно назвать эмотивный, экзальтированный и гипертимный типы, так как они наиболее распространены и выражены, а типично мужскими — гипертимный, циклотимный, возбудимый и тревожные типы. Интересно отметить, что в 14—15-летнем возрасте уровень тревожности и неуравновешенности мальчиков значимо выше, чем у девочек;

— нетипичными для подросткового возраста оказываются дистимный, неустойчивый и педантичный типы акцентуаций. Это означает, что в целом для подростков не характерны ни депрессия, ни пессимизм, ни апатия (дистимный тип), ни “застревание” на какой-то сверхценной идее, ни принципиальность или развитое чувство долга (неустойчивый, застревающий тип);

— не обнаружены значимые различия между законопослушными подростками и подростками-девиантами по степени выраженности у них акцентуаций характера. Наряду с этим среди девиантов в сравнении с законопослушными значительно меньше представлены гипертимный, тревожный и эмотивный типы акцентуаций. То есть среди девиантов гораздо меньше подростков общительных, энергичных и оптимистичных (гипертимный тип), робких, тревожных, пугливых (тревожный тип), эмоционально чувствительный, мягких и участливых (эмотивный тип). Сами по себе эти личностные особенности вряд ли следует рассматривать в качестве детерминант девиантного поведения. Но в сочетании с другими личностными параметрами (например, самосознания) они могут стать предпосылками и для формирования агрессивного, противоправного поведения и закрепления девиантных черт личности. /17, 374—376/

Выборочное изучение нервно-психического здоровья подростков, состоящих на учете ИДН города Тюмени, проведенное А.В. Лебедевым, показало, что среди исследуемых у 12 процентов диагностирована психопатия, у 50 процентов — акцентуация характера. Свыше 60 процентов всех случаев встречается акцентуация по неустойчивому типу, характеризующаяся расторможенностью, затем по гипертимному типу (около 20 процентов), которая близка по своим поведенческим проявлениям к неустойчивому типу.

Главное, что их отличает,— это затруднение выработки любых тормозов, “бестормозность”, шумливость, подвижность, поведенческая неустойчивость.

Остальные типы акцентуаций, согласно этому исследованию, встречаются у подростков-правонарушителей значительно реже. /18/

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что причины, приводящие к психологическим расстройствам, акцентуациям характера, связывают как с органическим повреждением мозга (асфикция при рождении, черепно-мозговые травмы, тяжелые интоксикации), так и с социальными факторами, на первом месте, среди которых стоят условия семейного воспитания. Чаще всего эти факторы настолько тесно связаны, что вызывают серьезные затруднения у исследователей при определении первопричинности девиаций у подростков.

Поэтому эффективная профилактика правонарушений среди несовершеннолетних предполагает комплекс мероприятий как социально-педагогического, так и медико-педагогического характера, направленных на оздоровление среды, на лечение и коррекцию поведения несовершеннолетних правонарушителей.

Педагогическая коррекция поведения акцентуированных подростков требует строго индивидуального подхода, в основе которого лежат специфические особенности данной акцентуации. Так, например, гипертимный, расторможенный подросток требует особых мер педагогической коррекции, в которых наибольшее внимание оказывается социально организованному выходу неумной энергии, шумливости, подвижности этих ребят путем вовлечения их в занятия спортом, активные виды деятельности, требующие повышенного расхода энергии.

Если в воспитательной работе игнорировать особенности личности акцентуированных детей и подростков, вместо индивидуального подхода применять авторитарные методы, становятся неизбежны различные нервные срывы и различные асоциальные проявления в поведении несовершеннолетнего. /19, 425/

3.3. Агрессивность несовершеннолетних с акцентуациями в характере

Одним из распространенных форм девиантного поведения является агрессивность несовершеннолетних.

Для того, чтобы адекватно понять сущность агрессии необходимо найти ясную и точную формулировку понятия данного социального явления. Несмотря на значительные разногласия, относительно определений агрессии, многие специалисты в области социальных наук склоняются к принятию следующего определения.

Агрессия — это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения.

В это определение входит как категория намерения, так и актуальное причинение оскорбления или вреда другим. На первый взгляд, это определение кажется простым и откровенным, а также тесно связанным с пониманием агрессии с позиции обыденного сознания. Однако при более внимательном изучении оказывается, что оно включает в себя некоторые особенности, требующие более глубокого анализа. /20, 26—27/

Термин агрессия, предполагает действия, посредством которых агрессор намеренно причиняет ущерб своей жертве. Подтверждением подобного рода суждений является повторяющееся антисоциальное поведение подростков, характеризующееся крайней агрессивностью, то есть попыткой каждый раз причинить другому лицу физическую боль, довести до дискомфортного состояния, неловкости и т. д.

Принятое нами определение агрессии предполагает, что ее следует рассматривать как модель поведения, а не как эмоцию, мотив или установку. Объясняется это тем, что термин “агрессия” часто ассоциируется с негативными эмоциями — такими как злость; с мотивами — такими как стремление оскорбить или навредить; и даже с негативными установками — такими как расовые или этнические предрассудки. Несмотря на то, что эти факторы, несомненно, играют важную роль в поведении несовершеннолетних, результатом которого становится причинение ущерба, их наличие не является необходимым условием нападения на других; агрессия разворачивается как в состоянии полнейшего хладнокровья, так и чрезвычайно эмоционального возбуждения.

Совершенно не обязательно, чтобы агрессоры ненавидели или даже не симпатизировали тем, на кого направлены их действия. /21, 27/

Согласно определению, только те действия, которые причиняют вред или ущерб живым существам, могут рассматриваться как агрессивные по своей природе. Агрессия имеет место, если результатом действий являются какие-либо негативные последствия. Таким образом, помимо оскорблений действием, такие проявления, как выставления кого-либо в невыгодном свете, очернение или публичное осмеяние, лишение чего-либо необходимого и даже отказ от любви и нежности могут быть при определенных обстоятельствах быть названы агрессивными.

По данным И. А. Горьковой за период с 1989 по 1996 годы рост числа подростков с повышенной агрессивностью среди их сверстников с асоциальным поведением составил 26 процентов: с 35 процентов в 1989 году до 61 процентов в 1996 года. В целом агрессивный тип акцентуации характера обнаруживают 75 процентов 12—14 летних подростков с асоциальным поведением. /22/

По данным другой группы исследователей у 35 процентов обследованных подростков, отличающихся девиантным поведением, отмечена повышенная агрессивность. Проявлялось это и в том, что у них нет жалости к другим, наоборот, они старались нанести увечья окружающим. У 85 процентов из них зарегистрированы случаи садистских действий. /23, 12—13/. Стихийно складывающиеся компании сверстников объединяют подростков, близких по уровню развития, интересам. Группа закрепляет и даже культивирует девиантные ценности и способы поведения,

оказывает сильное влияние на личностное развитие подростков, становясь регулятором их поведения. Утрачиваемое подростками чувство дистанции, ощущение допустимого и недопустимого приводит к непредсказуемым событиям и выражаются во всевозможных агрессивных деяниях.

Существуют особые группы подростков, для которых характерна установка на немедленное удовлетворение желаний, на пассивную защиту от трудностей, стремление перекладывать ответственность на других. Подростков в этих группах отличает пренебрежительное отношение к обучению, плохая успеваемость, невыполнение обязанностей: всячески избегая выполнять какие-либо обязанности и поручения по дому, готовить домашние задания, а то и посещать занятия, подобные подростки оказываются перед лицом большого количества "лишнего времени". Но для этих подростков характерно именно неумение содержательно проводить досуг. У подавляющего большинства таких подростков отсутствуют какие-либо индивидуальные увлечения, они не занимаются в секциях и кружках. Они не посещают выставки и театры, крайне мало читают, а содержание прочитанных книг обычно не выходит за рамки приключенческо-детективного жанра. Бессодержательно проводимое время толкает подростков на поиск новых "острых ощущений". Алкоголизация и наркотизация теснейшим образом вплетаются в структуру девиантного образа жизни подростков. Часто подростки распитием спиртного как бы отмечают свои "заслуги": удачные похождения, хулиганские поступки, драки, мелкие кражи. /24, 16/ Во многих случаях, находясь в состоянии алкогольного, либо наркотического опьянения такие подростки учиняют драки, оскорбляют окружающих, всячески нарушают общественный порядок. Объясняя свои плохие поступки, в подобных случаях, подростки имеют неправильное представление о нравственности, справедливости, смелости, храбрости.

Установлено, что среди подростков, осужденных за агрессивные преступления, 90% совершили преступления в нетрезвом состоянии. /25, 29/

Ввиду того, что проявления агрессии у людей бесконечны и многообразны, весьма полезным, оказывается, ограничить изучение подобного поведения концептуальными рамками, предложенными Бассом.

По его мнению, агрессивные действия можно описать на основании трех шкал:

физическая — вербальная;

активная — пассивная;

прямая — непрямая.

Различные комбинации данных шкал дают восемь возможных категорий, под которые попадает большинство агрессивных действий. Например, избиение, смысл которого заключается в том, что один человек осуществляет физическое насилие над другим. Распространение слухов или пренебрежительное высказывание о ком-либо за глаза можно охарактеризовать как вербальные, активные и не прямые агрессивные действия.

Категории агрессии по Бассу располагаются следующим образом:

— физическая — активная — прямая (нанесение другому человеку ударов холодным оружием; избиение или ранение при помощи огнестрельного оружия);

— физическая — активная — не прямая (закладка мин — ловушек; сговор с наемными убийцами с целью уничтожения врага);

— физическая — пассивная — прямая (стремление физически не позволить другому человеку достичь желаемой цели или заняться желаемой деятельностью);

— физическая — пассивная — непрямая (отказ от выполнения необходимых задач);

— вербальная — активная — прямая (словесное оскорбление или унижение другого человека);

— вербальная — активная — непрямая (распространение злостной клеветы или сплетен о другом человеке);

— вербальная — пассивная — прямая (отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т. д.);

— вербальная — пассивная — прямая (отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения). /26, 29/

А. Басс попытался определить агрессию дескриптивным способом, не используя субъективные идеи, такие, как “намерение”. Намерение было бы трудно оценить объективно, так как, нападая на кого-либо, агрессоры представляют свои цели ложными. С этой точки зрения агрессия лучше всего определяется просто как “применение вреда другому человеку”. /27, 25—26/ Подобные определения порождают проблему: невозможно отрицать, что “причинение вреда другому человеку” совсем не равнозначно умышленной попытке причинить кому-то вред.

Другой способ дать определение агрессии, игнорируя понятие намерение, состоит в том, чтобы описывать агрессивное поведение как нарушение социальных норм. Многие профессиональные психологи и даже неспециалисты, называют человека агрессивным, если им совершено действие, нарушающее принятые в данном обществе правила поведения. Выдающийся психолог Альберт Бандура отмечал, что многие из нас обозначают поведение как “агрессивное”, когда оно противоречит социально одобряемой роли.

Большинство исследователей настаивают на том, что подлинно адекватное определение агрессии должно соотноситься с намерением нападающего. Однако, все теоретики согласны, что агрессия — это намеренное действие, где отсутствует общее понимание целей, которые преследуют агрессоры, когда стремятся причинить вред другим людям./28, 28—29/

Большинство агрессивных действий мотивировано не только желанием нанести вред жертве агрессии, а агрессоры действуют расчетливо, рационально, сторонники данного подхода утверждают, что нападающие имеют и другие цели, которые могут быть для них более важными, чем желание причинить ущерб своим жертвам: желание влиять на ситуацию, осуществлять власть над другой личностью или сформировать благоприятную (предпочитаемую) идентичность. Разумеется, иногда поведение определяется одновременным действием различных факторов. Агрессоры могут стремиться добиться своего или утвердить свою власть с тем, чтобы повысить чувство собственной ценности.

Анализ различных исследований свидетельствует о том, что у 10—11-летних детей преобладают физические формы агрессивности. Особенно быстрыми темпами с возрастом растет негативизм. По мере взросления у подростков все сильнее проявляется вербальная агрессия.

Психологи Джеральд Патерсон и Джейнс Тедеси особо подчеркивали тот факт, что агрессия часто бывает ни чем иным, как грубой попыткой принуждения. Идеи Д. Патерсона основываются главным образом на его исследованиях внутрисемейных интеракций. Психологи сравнивали интеракции в нормальных семьях с интеракциями в семьях, которые имеют проблемы детей (подростков, имеющих трудности в общении обычно из-за своей высокой агрессивности). Выяснилось, что проблемные подростки располагают широким диапазоном поведенческих стратегий, используемых для того, чтобы контролировать других членов семьи. Они часто демонстрируют негативизм и критицизм, отказываются делать то, о чем их просят, и даже при случаи могут применить силу, стараясь заставить делать то, что им хочется.

Как упоминалось выше, дети подросткового возраста особенно зависимы от микросреды и конкретной ситуации. Одним из определяющих элементов микросреды в отношениях, формирующих личность, является семья. При этом решающим является не ее состав — полная, неполная, распавшаяся, а нравственная атмосфера, взаимоотношения, которые складываются между взрослыми членами семьи, между взрослыми и детьми. Установлено, что уровень физической формы агрессивного поведения наиболее выражен у детей из рабочей среды, а наиболее агрессивными являются дети из среды сельских механизаторов. Менее всего выражено агрессивное поведение у подростков из среды торговых работников. Видимо в этом случае сказывается не только материальное благосостояние, но и выработанное в этой среде стремление избегать конфликтов, сглаживать возникающие противоречия, не обострять ситуацию.

Приведенные данные проявлений разных форм агрессивного поведения подростков из разных социальных слоев населения и их анализ имеют не только психолого-теоретическое, но и практическое значение, позволяя ориентироваться в характере личности подростка, учитывая особенности влияния социальной ситуации, воздействия семьи.

Как видно из вышесказанного, при характеристике агрессии чаще всего используют два основных понятия — агрессивное поведение и агрессивность. Вот как об этом пишет Аверин В. А.: “Кажущаяся близость этих терминов нередко затрудняет правильное понимание природы самой агрессии.

В жизни бывает так, что, характеризуя того или иного человека, мы говорим: это агрессивная личность. Тем самым мы стараемся подчеркнуть наличие вполне определенного качества, присущего ему — агрессивности. В то же время иногда мы с удивлением вынуждены констатировать факт агрессивного поведения человека, которого было невозможно заподозрить в агрессивности. Таким образом, сама жизнь подсказывает нам наличие двух разных феноменов — агрессивности как качества личности и агрессивного поведения как целенаправленного действия”. /29, 363/ Поэтому верно утверждение А. А. Реана о том, что не за всяким агрессивным поведением стоит агрессивная личность, равно как не каждая агрессивная личность должна демонстрировать агрессивное поведение. /30/

Вышесказанное свидетельствует о том, что отклоняющееся поведение детей и подростков имеет сложную многофакторную природу и поэтому его изучение требует:

- во-первых, реализации системного подхода, выявляющего иерархию и взаимосвязь неблагоприятных факторов;
- во-вторых,— применение сравнительного анализа, сопоставляющего условия благоприятного социального развития;
- в-третьих, реализации междисциплинарного подхода, который не позволяет замыкаться в рамках одной специализации, а напротив, предполагает использование достижений таких отраслей психологии, как возрастная, социальная, педагогическая, медицинская. /31, 19/.

Теоретики Финкельхор, Джеллес идя в глубь, считали, что агрессия включает не только принуждение. С их точки зрения, агрессивное поведение часто бывает направлено на поддержание и усиление власти, и доминирование нападающего. Агрессор может нападать на жертву, стремясь добиться выполнения своих желаний, но как считают сторонники данного подхода, его главная цель — утвердить в отношениях с жертвой собственные доминирующие позиции. Данная интерпретация агрессивного поведения часто встречается в литературе, посвященной проблемам насилия в семье.

При рассмотрении агрессии в семье существует два подхода. Первый (предпочитаемый Финкельхором) предполагает, что разница в силе сама по себе ведет к применению насилия. Сильные бьют слабых, например родители бьют детей, потому что, как формулирует Джеллес, “...

они могут делать это...(люди) будут применять насилие в семье, если те или иные минусы не перевешивают преимуществ или выгод, которые они в результате получают”. Второй поход к рассмотрению феномена агрессии в значительной степени сложный, но более адекватный вариант анализа: объяснение насилия не просто разницей сил, но борьбой за власть и доминирование, когда, например супруги ссорятся, они соперничают за контроль и влияние и агрессия может возникать из-за этой борьбы. /32, 30—31/ Несовершеннолетние видят это и стремятся в своем кругу с помощью подобных средств доминировать над другими.

Таким образом, агрессия в какой бы форме она не проявлялась, представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания избегать подобного собой обращения.

В дополнение к вышесказанному следует добавить, что известные психологи Р. Бэрн и Д. Ричардсон считают, что комплексное определение агрессии включает в себя следующие частные положения:

— агрессия обязательно подразумевает преднамеренное, целенаправленное, причинение вреда жертве;

— в качестве агрессии может рассматриваться только такое поведение, которое подразумевает причинение вреда или ущерба живым организмам;

— жертвы должны обладать мотивацией избегания подобного собой обращения. /33, 53/

Между тем, по мере развития и взросления личности несовершеннолетнего, формирования и становления его характера, а в частности ее самосознания агрессивность становится все более контролируемым параметром. Это свидетельствует о том, что агрессия не является неизбежным атрибутом поведения и в достаточной степени поддается контролю. Более того, при правильной организации процессов воспитания и социализации личности от агрессии можно вполне благополучно избавиться.

3.4. Специфика характера трудных подростков

Как показывает изучение правонарушений несовершеннолетних, подросток чаще всего может совершить преступление под непосредственным воздействием сверстников или взрослых лиц, подчиняясь давлению толпы. У большинства таких подростков в структуре личности доминируют отрицательные качества: лень, безволие, безответственность, конформизм, агрессивность. Важнейшим условием формирования личности трудного подростка в большинстве случаев являются отрицательные семейные условия, алкоголизм родителей или родственников, их аморальное поведение. Однако нередки случаи, когда искаженную нравственную атмосферу вокруг несовершеннолетнего создают любящие его и желающие ему всякого добра, но не обладающие достаточной педагогической культурой родители.

Для трудновоспитуемых подростков, как правило, характерно отрицательное отношение к учебе, которое, в конечном счете, противопоставляет их коллективу класса, школы, училища и т. п. В подавляющем большинстве случаев в число подростков — правонарушителей попадают те, которые не нашли себя в школьном коллективе в связи с отрицательными отношениями с ним.

Исследование трудновоспитуемых школьников показало, что разрыв сознания и поведения типичная их особенность, которая проявляется устойчиво во многих видах деятельности, а потому неизбежно приводит к разочарованию, неуспеху, неудачам, потере веры в себя, свои силы и возможности, к постоянному и необоснованному критиканству, самооправданию своих безнравственных действий и поступков. При этом, первоначально вступают в противоречия установки, которые учащиеся получают в школе и которые воспринимают от окружающих в семье, на улице, родственников и просто от посторонних людей. Получается так, что поведение подростков в школе совершенно иное, чем с родственниками и сверстниками. Неустойчивость нравственных убеждений порождает двойственность в поведении. Бывает и наоборот: нравственное поведение, искаженное негативным опытом ведет к неправильному формированию сознания. Разрыв сознания и поведения возникает из-за несформированности социального жизненного опыта и нравственной незрелости.

Важным звеном единства сознания и поведения должна быть жизнь ребенка в семье. Механизм воздействия семьи на нравственную жизнь подростка можно определить следующим образом.: социальная направленность семьи должна определять общественную направленность ребенка, отношение родителей к труду, этике межличностных отношений, вызывают стремление детей следовать положительному примеру. Образ жизни родителей является школой единства сознания и поведения ребенка. Семья должна формировать с детства ответственность подростка за последствия своего поведения, самому исправлять допущенные ошибки или безответственные действия. Так, приведем пример из жизни ученика 10 класса одной из Алматинской средней школы. Несовершеннолетний Н. имел особое пристрастие к азартным играм и уделял много времени на шлифования так называемого “карточного мастерства”, то есть постоянно имел при себе колоду карт, при каждом удобном случае перетасовывал их, подражая карточным шулерам из китайских видеофильмов, пытался делать различные карточные “фокусы” и среди своих соклассников прослыл как непревзойденный “карточный мастер”, за что не раз подвергался различным порицаниям со стороны учителей. Однажды, привычно тасуя карты он возвращался из школы домой. По дороге от встретил ребят, старше его по возрасту, из соседней улицы. На предложение “перекинуться в картишки” он не смог отказать. В результате игры “на интерес” он проиграл 800 тенге, которых у него не оказалось и ему был назначен срок возврата карточного долга. По мере приближения сроков возврата долга он все больше терял уверенность в возможности изыскания денег для расчета. Долго мучился, не зная как отдать долг. Наконец ему подвернулся случай: мать отправила его на базар для покупки мяса. Получив деньги от матери и сделав вид, что отправляется на базар, он пролез во двор дома соседей и украл у них две курицы. Странный вид неумело очищенных от перьев куриных тушек, которые принес сын с “базара” вызвали у матери подозрения. К тому же неоднократно приходила соседка, которая рассказала о том, что у нее пропали две курицы. Подлог был обнаружен и сын признался матери в совершении кражи. Тогда отец подростка привел его к соседям, сам попросил у них прощения за деяния сына и заставил сына сделать тоже самое. Возместив нанесенный убыток, отец потребовал, чтобы сын

пошел трудиться на станцию по разгрузке вагонов и отменил предполагаемую сыном поездку к родственникам.

Урок запомнился на всю жизнь: подросток никогда больше не играл в карты, не брал чужого.

Таким образом, при правильной постановке проблемы, меры примененной ответственности за свои поступки выполняют воспитательную функцию: ребенок самолично устраняет свои ошибки, имеет возможность сделать соответствующие выводы и оценить значение собственных поступков.

Антисоциальное поведение несовершеннолетнего, таким образом, взаимообусловлено влиянием факторов, в первую очередь внешней социальной среды (в особенности микросреды), а также индивидуальными особенностями личности подростка, которые обуславливают его индивидуальное реагирование на жизненные различные неудачи.

Подростковый возраст (11—15 лет) является переходным главным образом в биологическом смысле, это возраст полового созревания, параллельно в основном достигают зрелости и другие биологически системы организма. В плане социальном, подростковая фаза — это продолжение первичной социализации. Как правило, все подростки этого возраста, школьники. В этот период развития социальный статус подростка мало чем отличается от детского. И как правило, психологически этот возраст крайне противоречив. Отсюда — типичные возрастные конфликты и их преломление в самосознании подростка. Юношеский возраст (14—18 лет) представляет собой как бы “третий мир”, существующий между детством и взрослостью. В биологическом плане этот этап — период полного физического созревания. Юность — это завершающий этап первичной социализации. Промежуточность общественного положения и статуса юношества определяет и особенности его психики.

Перед ними стоит задача социального и личного самоопределения, которая означает отнюдь не автономию от взрослых, а четкую ориентировку и определение своего места во взрослом мире.

Издавна известно, что формирование личности трудных подростков прочно связано с нашей социальной действительностью, и в первую очередь со школой, с учителями, с психологическими аспектами воспитания. Одна из задач учителя состоит в том, чтобы в каждом трудном подростке выявить те присущие ему особенности, которые при негативных жизненных обстоятельствах могут служить предпосылкой формирования антиобщественного поведения. Для большинства трудных подростков с точки зрения их перевоспитания необходим индивидуальный психолого-педагогический подход обоснованных мер воспитательного воздействия. Любой грамотно построенный воспитательный процесс далеко не исчерпывает всего многообразия влияния окружающей жизни, активно воздействующей на личность таких детей. Мы все еще недостаточно знаем о механизме человеческого поведения, его мотивах, о тех движущих силах, которые являются основным источником поведения людей. Например: данные современной психологии показывают, что отчуждение ребенка в течении первых трех лет жизни чрезвычайно опасно. Советский психолог В. П. Симонов пояснял: “Изоляция в раннем детстве ведет к снижению интеллекта, аномалиям социального поведения, повышенной уязвимости, к нервному напряжению, усилению агрессивности. /34, 32/

Серьезное внимание следует обратить на поиск в воспитательной работе с трудными учащимися системе действенных практических методов формирования их личности, исключив при этом антипедагогические методы воспитания, используемые отдельными низко квалифицированными учителями.

Казахстанский ученый, занимающийся изучением проблем трудных подростков и профессиональной подготовки учителей к работе с трудными подростками, профессор В. В. Трифонов отмечает, что “Важнейшим условием формирования общественно полезной направленности личности трудных учащихся, является повышение профессионально-педагогического уровня самих учителей, их личностных качеств, выработки или

совершенствовании у будущих учителей специальных знаний, умений и навыков, необходимых для воспитательной работы с данной категорией подростков”. /35, 60/

Негативная роль семьи, непонимание и игнорирование в школе, задержка психического и физического развития в результате воздействия различных неблагоприятных факторов приводят к появлению трудных детей. На данном этапе развития девиантного поведения необходимо поднимать вопрос о перевоспитании и эффективных средствах и методах его осуществления. Вот как об этом пишет профессор В. В. Трифонов: “Учителю важно суметь переключить их силы, умения и способности на общественно-полезные и в тоже время лично-значимые для самих подростков дела. С педагогической точки зрения учителю важно вернуть трудных подростков к нормальному образу жизни, восстановить утраченные психологические свойства их личности. При этом трудным учащимся безусловно легче будет найти социально-полезные связи, укрепить свой авторитет в ученическом коллективе, во дворе, в спортивной секции, в окружающей жизни”. /36, 62/

Процессы усвоения моральных и правовых норм поведения заканчиваются в подростковом возрасте к 14—16 годам. Личность трудного подростка, как правило, характеризуется низким уровнем социализации и отражает пробелы и недостатки в трех основных сферах его воспитания: в семье, в школе и на производстве. С другой стороны, на личность трудного подростка излишне большое влияние оказывает особая сфера — улица, двор, уличные группы, склонные к совершению правонарушений. Под трудновоспитуемостью прежде всего понимают негативизм и сопротивление педагогическим воздействиям, которое может быть обусловлено самыми разнообразными причинами, выходящими за рамки педагогической и социальной запущенности.

Поскольку вся деятельность несовершеннолетних протекает в условиях межличностного взаимодействия в официальных и неофициальных кругах, то, с одной стороны, они живут в условиях открытой, непосредственной коллективности, являясь членами учебных, трудовых, спортивных и других коллективов, а с другой стороны, их антиобщественная деятельность протекает в условиях различных неформальных групп. Подростки собираются в группы часто не для совершения правонарушения. Они стремятся к общению, к дружбе, а случайные встречи возникают на основе отчуждения их от первичных социальных групп: семьи, классного или производственного коллектива, общественных организаций. Это нарушение межличностных отношений со взрослыми и сверстниками, переживание дискомфорта приводит к тому, что у подростков парализуются основные механизмы социализации, ведущие к неправильному формированию представлений о себе, своем “Я — образе”. Идет процесс асоциального формирования личности, и закладываются предпосылки для возникновения асоциальной группы. /37, 76/

Таким образом, усиливающееся чувство социальной неполноценности, неспособности, изолированности и оторванности подростков от других людей приводит их к уходу от реального преодоления трудностей. Это влечет появление у них повышенной тревожности, пассивности, социальной подавленности и, в конечном итоге к формированию заниженной или завышенной самооценки, уходу из своего круга и поиску оптимальных для них круга общения.

Мотивы объединения всех этих отверженных в группы самые разнообразные. Возникают такие группы сначала на игровой основе в процессе пустого времяпрепровождения, которая не контролируется ни родителями, ни учителями, ни другими лицами. Свободное от учебы и работы время, у подростков с девиантным поведением, в будние дни составляет от двух до четырех часов, в выходные и праздничные от пяти до десяти часов. Именно в эти дни и совершается большая часть проступков и правонарушений. Один из первых практических психологов в колониях для несовершеннолетних, академик И. П. Башкатов проведя наблюдение и опрос среди подростков различных неформальных групп пришел к следующим выводам, что больше всего времени подростки тратят на “бесцельное хождение” по улицам, разговоры с друзьями и выпивку — 26 процентов, а также посещение развлекательно-зрелищных мероприятий — 25,2 процента, просмотр телепередач — 14 процентов. Результаты исследования показывают, что контроль за

проведением свободного времени, контроль за деятельностью стихийных групп подростков практически тоже никто не осуществляет. Среди причин, способствующих возникновению неформальных групп, подростки и эксперты на первое место ставят неблагополучие в семье — 85 процентов, затем идут плохая организация досуга — 65 процентов, “разочарование подростков в идеалах взрослых” — 64 процента, “социальная несправедливость” — 60,5 процентов и имеющийся бюрократизм и формализм в работе государственных органов — 56,5 процента, молодежных общественных организаций — 55 процентов. /38, 79/

Необходимость в таких группах подростки испытывают потому, что в них они могут свободно общаться с теми лицами, которые им симпатичны, которые им нравятся. Отношение членов группы друг к другу здесь определяется не системой ответственности деловой зависимости, а личностными качествами каждого, системой межличностной психологической зависимости.

Говоря о мерах по переориентации или разобщению групп несовершеннолетних правонарушителей, необходимо прежде всего воспитательное воздействие направить на вхождение воспитателя или другого доверительного лица в контактные отношения с членами группы. Выбрать правомерный и наиболее эффективный способ воздействия на группу. Обратить ее внимание и энергию на другие общественно-полезные ценности, восстановить педагогику сотрудничества, помочь ее членам создать благоприятные возможности для улучшения своего положения в социально-полезных группах и изменение их микросреды.

Социальную адаптацию детей и подростков могут затруднять различные нервно-психические заболевания и отклонения. Поэтому в данном случае недостаточно мер педагогической коррекции, необходимо вмешательство и помощь психиатров, невропатологов, психотерапевтов, наряду с мерами воспитательного характера, осуществляющих медицинскую коррекцию, а также проводящих специальные консультации для педагогов и родителей.

Практика показывает, что знание психологических особенностей подростков способствует правильному решению задач расследования преступлений и перевоспитания несовершеннолетних преступников. Работники правоохранительных органов, используя эти знания, обеспечивают правильную диагностику личности несовершеннолетнего, индивидуальный подход к нему, выбор и применение наиболее соответствующих ситуации тактических приемов и т. д. Изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя на предварительном следствии, как правило, проводится по схеме:

- 1) *наследственно* — биологические факторы: предрасположение к нервным или психическим заболеваниям одного из родителей, патологическая беременность, ненормальные роды, отрицательное влияние алкоголизма, употребление наркотиков и др.;
- 2) ближайшее социальное окружение подростка: семья, социально-экономический статус родителей, братьев, сестер, особенности воспитания подростков, школа, отношение к учебе, отношение с учителями, положение подростка в классе, ценностные ориентации одноклассников, друзья, и их социальное положение, статус подростка в группе друзей;
- 3) личностные характеристики подростка: особенности характера и темперамента, ценностно-мотивационный блок, ценностные ориентации подростка, уровень притязаний, самооценка и возможные конфликты в области самооценки, отношение к профессии: сознательность выбора, место профессии в системе ценностей подростка, планы на будущее;
- 4) правосознание подростка.

Для познания условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого необходимо также изучить и другие сферы — семью, место работы и учебы. Необходимо выяснить условия жизни несовершеннолетнего до и после совершения преступления, состав семьи, выяснить, замечалось ли негативное поведение несовершеннолетнего, какие

применялись меры к нему за нарушения требований норм, например, в случаях распития спиртных напитков, драк и т. д.

Следует помнить, что в подростковом возрасте отмечаются снижение порога возбудимости центральной нервной системы, ослабление в ней процессов торможения и преобладания процессов возбуждения, неадекватность реакций подростков на воздействие внешних раздражений, повышенный интерес к событиям жизни, стремление участию в них, различная самооценка своих сил и возможностей. Все это имеет место на фоне повышенной эмоциональности. Поэтому-то и важна психологическая экспертиза по делам несовершеннолетних, потому, что психолог при анализе причин антиобщественной ориентации личности подростка исследует особенности формирования его правосознания, реальных жизненных ценностей, нравственно-нормативных установок. /39, 193—197/

Поведение индивида определяется тем, что он себе запрещает и позволяет, то есть особенностями его психической саморегуляции. При низком уровне нравственного, социально-психологического развития у него преобладают спонтанно возникающие влечения. Психические структуры такого индивида недостаточно интегрированы, его эмоции могут преобладать над разумом, низкие потребности над высшими.

Каждый человек обладает своим набором “значений для себя”, индивидуальным классификационно-оценочным механизмом — личностным конструктором, определяющим меру возможных его отклонений от норм в различных типовых ситуациях. В острых конфликтных ситуациях, в обстановке конфликта норм, условиях сложного взаимодействия сознания и подсознания возможна регрессия поведения — переход индивида на предшествующие уровни его развития. Регрессия может распространиться на отдельные регуляционные компоненты: потребностно-мотивационные, смысловые, целевые или операциональные. Дефекты психической саморегуляции наиболее возможны в кризисные периоды жизни индивида. Особенно “хрупок” подростковый возраст.

Критический перелом в этом возрасте проявляется во всем — в изменении лица, голоса, строения тела, новых способах взаимодействия со средой. Проснувшиеся половые инстинкты создают значительные внутренние напряжения, повышена возбудимость, ослаблены тормозные процессы, возросшие силы не находят в ряде случаев применения. Отношение же к подростку, как правило, еще как к ребенку. Отсюда — подростковый протест, негативизм, искаженные формы самоутверждения. В отдельных случаях возможны и обольщение преступной романтикой. Не правы те, кто утверждает, что подростки — правонарушители отличаются несформированностью интересов. Напротив, их интересы уже сформированы, но это социально отрицательные интересы: ранее приобретение сексуального опыта, половые извращения, наркомания, асоциальность.

Первоначальная разновидность отклоняющегося поведения — делинквентное поведение — система незначительных правонарушений, провинностей, проступков. Делинквентность может быть обусловлена как педагогической запущенностью, невоспитанностью, мало культурностью, так и психическими аномалиями, неадекватностью реакций, ригидностью (негибкостью) поведения, склонностью к эффектным реакциям. Делинквентное поведение в значительной мере обусловлено неблагоприятием семейного воспитания, крайне жестким обращением, неблагоприятным влиянием микросреды, низкой педагогической квалификацией отдельных педагогов. Первые проявления делинквентного поведения — прогулы, драки со сверстниками, мелкое хулиганство, терроризированное слабых сверстников, шантаж, угон велосипедов, мотоциклов, вызывающее поведение в общественных местах.

Своевременно непресеченные, эти формы предпреступного поведения закрепляются в соответствующие поведенческие стереотипы, формируется асоциальный стиль поведения, который при соответствующих условиях может перерасти в устойчивый антисоциальный тип поведения. Отвержение базовых социальных ценностей — такова первопричина социально-дезадаптивного поведения. /40/

Список использованных источников к главе 3:

1. См.: Зейгарник Б. В. Патопсихология. 2-е издание.— М.: Издательство МГУ, 1986.— 252 с.
2. Личко А. Е., Попов Ю. В. Делинквентное поведение, алкоголизм и токсикомания у подростков.— М., 1988. С. 5.
3. Шипицына Л. М., Иванов Е. С. Нарушения поведения учеников вспомогательной школы. Уэлс, Великобритания, 1992. С. 16.
4. Беличева С. А. Основы превентивной психологии.— М., 1993. С. 22.
5. Личко А. Е., Попов Ю. В. Указанное сочинение. С. 10.
6. Степанов В. Г. Психология трудного школьника.— М., 1988. С. 10.
7. Беличева С. А. Указанное сочинение. С. 19.
8. См.: Леонгард К. Акцентуированные личности.— Киев, 1981.
9. Аверин В. А. Психология детей и подростков: Учебн. пособие. 2-е изд., перераб.— СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1998. С. 372.
10. См.: Горьковая И. А. Медико и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков /Дисс. на соиск. уч. степени доктора психол. наук.— СПб., 1998.
11. См. подробнее: Личко А. Е. Подростковая психиатрия.— М., 1998.
12. Королев В. В. Психическое отклонение у подростков правонарушителей.— М.: Медицина, 1992. С. 208.
13. См.: Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981.— 160 с.
14. См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивации преступного поведения. Горький, 1974. С.55.
15. См.: Урланис Б. Ц. Общая теория статистики.— М., 1973. С. 67.
16. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков.— Л., 1983. С. 10.
17. Аверин В. А. Психология детей и подростков: Учебное пособие.— 2-е издание, переработанное.— СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1998. С. 374—376.
18. Лебедев А. В. Оценка нервно-психического состояния подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних //Психология и профилактика асоциального поведения несовершеннолетних /Под редакцией С. А. Беличевой. Тюмень, 1985.
19. Васильев В. Л. Юридическая психология — СПб.: Питер-Пресс, 1997. С. 425.: ил. (Серия “Мастера психологии”).
20. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия.— СПб.: Питер, 2001. С. 26—27.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
21. Там же. С. 27.
22. См.: Горьковая И.А. Медико- и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков /Дисс. на соиск. уч. степени доктора психол. наук.— СПб., 1998
23. Горьковая И. А. Медико-психологическое исследование формирования характера делинквентных подростков /Автореферат дисс. канд. псих. наук.— СПб., 1992. С. 12—13.
24. Исаев Д. Д., Журавлев И. И., Дементьев В. В. Озерецковский С. Д. Типологические модели поведения подростков с различными формами аддиктивного поведения.— СПб, 1997. С. 16.
25. Лановенко И. П. Борьба с групповыми правонарушениями.— Киев, 1981. С. 29.
26. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия.— СПб.: Питер, 2001. С. 27.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
27. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль.— СПб.: прайм — ЕВРОЗНАК, 2001. С. 25—26.
28. См.: Там же. С.28—29.
29. Аверин В. А. Психология детей и подростков: Учебн. пособие.— 2-е изд., перераб.— СПб.: Издательство Михайлова В. А., 1998. С. 363.
30. См.: Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности.— СПб., 1996.
31. См.: Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции.— М., 1996.
32. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль.— СПб.: прайм — ЕВРОЗНАК, 2001. С. 30—31.

33. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия.— СПб.: Питер, 2001. С. 53.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
34. Симонов В. П. Высшая нервная деятельность человека.— М.: Наука, 1975. С. 32.
35. Трифонов В. В. Подготовка будущих учителей к работе с трудными учащимися.— Алма-Ата: Гылым, 1991. С.60.
36. Там же. С. 62.
37. Башкатов И. П. Психология неформальных подростков — молодежных групп.— М.: Издательство Информпечать, 2000. С. 76.
38. Там же. С. 79.
39. См. подробнее: Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология.— М., 1997. С.193—197.
40. См. подробнее: Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология.— М., 1997.

Раздел II

Деликтологические и криминологические проблемы делинквентного и преступного поведения несовершеннолетних

Глава 1 Деликтологическая характеристика административной правонарушаемости несовершеннолетних

1.1. Административная деликтология как наука, формирующая основные институты правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей

Анализ деятельности правоохранительных органов и органов исполнительной власти свидетельствуют о том, что указанные органы не в состоянии в достаточной степени эффективно противостоять интенсивной динамике преступности и иным видам противоправной деятельности, затрагивающим жизненно важные интересы общества, государства и отдельных граждан. /1/

Значительное место в среде противоправной деятельности несовершеннолетних приходится и на долю совершаемых ими административных правонарушений. Поэтому, проблемы изучения административных деликтов, совершенных нарушителями административных запретов, не утрачивают эффекта притягательности и на современном этапе своего развития, они по — прежнему, находятся в поле внимания многих исследователей — административистов. Так, например, изучению проблем административной деликтологии посвятили свои исследования выдающиеся ученые-юристы Е. В. Додин, В. П. Лозбяков, Л. Л. Попов, В. И. Ремнев, Д. Н. Бахрах, А. А. Таранов, В. Ф. Фефилова и другие. Однако, необходимого логического завершения в своих исследованиях эти ученые в своих работах не достигли, так как до сих пор в литературе остается неосвещенной роль и значение административной деликтологии в процессе правовой социализации несовершеннолетних. Между тем, как это нам представляется, этому, существуют свои объяснения:

— во-первых, административная деликтология, как самостоятельная наука о состоянии, динамике, причинах административной деликтности и мерах борьбы с нею в Республике Казахстан разрабатывается только с середины 70-х годов двадцатого столетия, и поэтому эта наука является достаточно молодой, развивающейся и требующей своего теоретического и методологического обоснования. В то же время, в недалеком прошлом, административная деликтология претерпевала те же карательные и уничтожающие воздействия со стороны государственных органов и идеологии, какие были оказаны в эти же годы и на криминологию. И если активное развитие отечественной криминологии приходится на 60-е годы двадцатого столетия, то административная деликтология в этом аспекте значительно отстала в своем развитии. И несмотря на то, что, начиная с 70-х годов, административную деликтологию как науку, государственные и идеологические органы не запрещали, она своего должного развития так и не получила;

— во-вторых, ученые и специалисты — практики освещая и анализируя события, связанные скажем, с организованной преступностью, терроризмом и иными общественно опасными видами преступлений имеющими глобальный характер, упускали проблемы охраны общественного правопорядка и борьбы с различного рода административными правонарушениями, которые обычно рассматривались как малозначительные. "Следовательно, борьба с ними в большинстве случаев носит ведомственный или местный характер, а ее результаты, как правило, не учитываются при разработке стратегических вопросов, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства." /2, 3/;

— в-третьих, необходимо так же учитывать высокую латентность административных правонарушений, что способствует возникновению у значительной части населения чувства уверенности в безнаказанности противоправного поведения и это порождает новые административные правонарушения, делает их как бы привычными, социально одобряемыми или, по крайней мере, не осуждаемыми. /3, 15/;

— в-четвертых, административные правонарушения тесно связаны с совершением различного рода преступлений, особенно экономических, в результате чего существовало устойчивое мнение о том, что государственные органы, осуществляя борьбу с преступлениями, одновременно осуществляют меры и по борьбе с административными деликтами, что само по себе уже не верно, так как искоренение правонарушаемости достигается только путем специального и целенаправленного подхода. Следовательно, в этом случае, следует согласиться с мнением Е. В. Додина, который считает, что никакие организационно — управленческие решения (активизация работы административно — юрисдикционных органов, создание новых административно — юрисдикционных структур) не смогут приостановить роста числа административных правонарушений, приобретающих в последнее время все более опасный характер. В данном случае необходим поиск новых путей, приемов, средств, используя которые, общество могло бы впоследствии создать условия для возникновения устойчивой тенденции к их снижению. Эти пути, приемы и средства должны быть адекватны объекту своего воздействия — не отдельному, конкретно взятому административному правонарушению и даже не механической их сумме, а целостному явлению, образуемому устойчивой совокупностью всех совершенных в стране проступков. /4, 32/

Таким образом, необходимость разработки административной деликтологии как самостоятельной науки приобретает еще более актуальные формы. По образному выражению Д. Н. Бахраха: "Административная деликтология — "младшая сестра" криминологии, которая использует ее методы, ее выводы и вообще все ее достижения." /5, 52/

В силу существующих объективных и субъективных факторов административную деликтологию очень трудно отнести к категории правовых наук. Скорее всего, она представляет собой часть социологии, хотя и связана с административно — правовыми нормами, так как в большинстве случаев административная деликтология уделяет огромное значение закономерностям реальной жизни: правонарушениям, их субъектам, причинам и условиям совершения правонарушений, мерам борьбы с ними, урегулированными нормами этой отрасли права.

Как видно из вышесказанного, административная деликтология — наука о состоянии, динамике, причинах административной деликтности и мерах борьбы с ней. Такая борьба предполагает, прежде всего, профилактику нарушений законности, а также их предупреждение, пресечение, раскрытие и наказание виновных. Разработка проблем административной деликтологии порождает необходимость введения соответствующих понятий и специальной терминологии, отражающей сущность данной науки. Таковыми являются понятие административного деликта, административного делинквента, административной деликтности и так далее.

Под административной деликтностью несовершеннолетних, понимается сумма различных административных правонарушений, совершенных лицами не достигшими 18-летнего возраста и проживающих на определенной территории в период определенного отрезка времени (*delictum* — правонарушение).

Традиционно, административная деликтность несовершеннолетних представляется, как явление антисоциальное и нарушающее общественный правопорядок. В условиях сегодняшнего дня она характеризуется интенсивной динамикой роста и различными вариациями. Так, по статистическим данным МВД Республики Казахстан только за 1997 год было задержано несовершеннолетних за совершение административных правонарушений 97474 человека, из числа доставленных наказано в административном порядке 93452 человека, /6, 3/ в том же году несовершеннолетними совершено 6622 преступления. На первое полугодие 2000 года, несовершеннолетними правонарушителями совершено 3773 уголовных преступления и, как правило, всем совершенным преступлениям предшествовали административные проступки. Указанные фактические данные красноречиво подтверждают вышеуказанные предложения и свидетельствуют о том, что процессы роста правонарушаемости в республике изменчивы, зачастую не прогнозируемые и, безусловно, связаны с другими видами правонарушений, представленных в виде уголовных преступлений, дисциплинарных и гражданско-правовых проступков и т. д.

Опыт изучения причин административной деликтности свидетельствует о том, что одной из основных причин столь интенсивной динамики роста правонарушений является смена общественно — экономической формации, когда Республика Казахстан в своем развитии из фазы "административного социализма" переходит в другую фазу развития — к рыночным отношениям.

Исторически прослеживается, что любая смена общественного строя, государственной власти, нравов и ценностей сопровождается всплеском и ростом преступности и правонарушений. Поэтому, являясь наукой социальной, административная деликтология во многом характеризуется состоянием общественного строя.

Учитывая непреходящее значение ценности изучения административной деликтологии как науки, на базе которой можно построить ряд организационно — правовых мероприятий, направленных на борьбу с административной деликтностью, необходимо подчеркнуть, что теоретические постулаты основ, содержащихся в этой отрасли науки могут в процессе дальнейших разработок стать определяющими критериями правовой социализации несовершеннолетних, которые способны координировать всю профилактическую деятельность и политику государства в вопросах искоренения административных правонарушений несовершеннолетних. В этом аспекте, опираясь на достижения административной деликтологии, выделяется возможность в формулировке научных и практических рекомендаций, положений и выводов, способствующих повышению эффективности борьбы с правонарушениями, их профилактики и предупреждения, причем, на наш взгляд, наиболее главенствующей и актуальной представляется профилактическая функция, выполняемая данной наукой, то есть проблема их правовой социализации.

Административные правонарушения и деятельность по противодействию им характеризуют различные стороны данного юридического феномена: социальные, правовые, психологические, организационные и др. Данная особенность обуславливается необходимостью создания предпосылок в обеспечении своевременности научных изысканий с помощью комплексных, междисциплинарных подходов, направленных на совместное исследование закономерностей, совершаемых административных правонарушений, специалистами различного профиля и направленности: педагогами, правоведами, психологами, социологами и так далее.

Исходя из того, что генезис и природа административных правонарушений несовершеннолетних очень обширна (бесконечна) и разнообразна, можно предположить, что ведущее место в исследовании этих проблем должны занимать исследователи административисты, при этом усилия ученых должны быть, направлены в первую очередь на исследование указанных обстоятельств. К тому же появлению подобного рода суждениям способствует обстоятельство констатирующее то, что нормы об административной ответственности и практика их применения разрабатываются в недрах науки административного права, то есть возникает объективная возможность формирования новой отрасли права — административно — деликтного.

Таким образом, в связи с формированием самостоятельной отрасли права — административно — деликтного, эти проблемы являются предметом изучения науки административно — деликтного права. Причем, по мнению профессора А. П. Шергина "данная наука сможет удовлетворительно решать свои задачи, если нормативно-догматические исследования будут тесно увязаны с социальными аспектами борьбы с административными правонарушениями".

Результаты подобных исследований представляются ценностными, так как они могут быть использованы для деятельности правоохранительных и иных государственных органов в профилактике административных правонарушений несовершеннолетних и их правовой социализации. Исходя из этого в административной деликтологии, следует выделить два основных направления в проведении исследовательских работ:

во-первых, в направлении способствующей созданию концептуальной базы и методологии данной науки;

во-вторых, в направлении конкретно-социологических исследований причин правонарушений и условий совершения отдельных видов административных правонарушений. /7, 53/

Продemonстрируем данные суждения на примере. Так, если взять в качестве примера девиантное поведение несовершеннолетних правонарушителей, то надо указать, что в бытность СССР, правонарушения, совершаемые несовершеннолетними деликвентами, исследовались, как правило, в рамках педагогики и криминологии, которые интересовались ими как первоначальными условиями социальных отклонений с последующей детерминацией в преступления. В конечном итоге, изучение закономерностей правонарушений продолжалось в сфере уголовного, либо уголовно — процессуального права. При этом, в системе превентивных мероприятий, проводимых педагогами, а так же сотрудниками правоохранительных органов и органов исполнительной власти, возникала невосполнимая брешь, вызванная тем, что из поля зрения исследователей выпадала огромная проблема — проблема, представленная в виде изучения административно-правовых аспектов возникновения, развития и динамики правонарушений несовершеннолетних, то есть тот промежуток превентивной деятельности, который существует между педагогикой и криминологией, уголовным и уголовно — процессуальным правом, а значит меры, которые содержит в себе наука административного права. Такое игнорирование достижениями административного права вызывает недоумение и создает впечатление о том, что органы государственной власти, предоставив полностью воспитание трудных подростков педагогам, в то же время допускают, что у педагогов не все в этом аспекте может получиться и дожидаются того, чтобы трудный подросток в своих девиациях "дозрел", то есть совершил деяние, квалифицируемое как уголовное преступление и только в этом случае в отношении последних будут приняты радикальные меры государственного воздействия с полной демонстрацией всей мощи государственно — правового принуждения, обрушенного на данного делинквента: арест, привлечение к уголовной ответственности, лишение свободы и так далее. Исходя из вышесказанного, можно сделать выводы о том, что сегодня в Республике Казахстан назрела настоятельная необходимость в изучении проблем правонарушаемости среди несовершеннолетних сквозь точку зрения административно — деликтного права. Такая позиция в значительной степени оправдана, поскольку по данным исследователей — "совершенно подростком преступления, как правило, предшествуют неоднократные нарушения моральных и административно — правовых норм". Поэтому несовершеннолетние преступники — это в большинстве своем одновременно и нарушители административных запретов. Это же касается и взрослых правонарушителей. Таким образом, ранняя профилактика преступлений таких лиц — "это чаще всего, борьба с их административно — правовыми деликтами". /8, 6—7/

Однако, подобная трактовка не должна приводить нас и к определенной крайности, так как далеко не каждый несовершеннолетний нарушитель административных запретов в последующем становится преступником.

Как бы то ни было, административный деликт — "есть элементарная форма массового социального явления — административной деликтности и одновременно характерна для определенной стадии общественного развития, формы правления, противоречий между личностью и обществом". /9, 9/ Следовательно, административный деликт — это сознательный человеческий поступок, совершенный вменяемым лицом, достигшим деликтоспособного возраста и причиняющий вред личным и общественным интересам.

Как это было указано выше, в этой связи, необходимость развития административной деликтологии представляется неоспоримой, тем более, как науки которая "имела бы целью анализ явлений, порождающих не преступные правонарушения, разработку мер предупреждения и ликвидации проступков... в сфере административного и других отраслей права"./10, 5/ Приведенные воззрения ученого, еще раз констатируют тот факт, что данные причины и условия совершения административных деликтов и мер борьбы с ними должны исследовать специалисты по административному праву и теории государственного управления.

Опираясь на вклад различных ученых в юридическую науку и практику, а так же на анализ

степени изученности и разработанности административной деликтологии как самостоятельной отрасли науки, можно прийти к мысли о том, что основное развитие административная деликтология должна находить в решении следующих проблем:

— в изучении личности правонарушителя, в воссоздании его типо-логического портрета и выявления механизма совершенного конкретного правонарушения;

— в изучении конфликтов и социальных отклонений (девиаций), предшествующих совершенному правонарушению и препятствующих социализации личности;

— в изучении механизма правовой социализации правонарушителей;

— в изучении демографических характеристик правонарушений, влияющих на состояние, уровень, динамику и структуру правонарушений, рассматриваемых в историческом и системном аспектах;

— в изучении причин и условий административной деликтности в целом и отдельных групп правонарушений, вызванных правовой безграмотностью, нигилизмом, эгоизмом, недостатками в работе государственных, частных предприятий и учреждений, недостатками в работе правоохранительных органов, несовершенством существующего законодательства и т. д.;

— в определении основных направлений по совершенствованию профилактики правонарушений, создании комплексных социальных программ, разработанных с помощью междисциплинарных подходов и выполняющих превентивные функции, улучшении правоохранительной деятельности, рекомендации по совершенствованию законодательства.

Чтобы составить правильное и полное представление об административной деликтологии, как новой развивающейся и социализирующей личност наукой, необходимо ее сопоставить с другими науками и на базе сравнения окончательно определить ее место в системе существующих социальных и правовых наук, основная цель которых заключается в том, чтобы посредством административно — правовых мер достичь искоренения административной правонарушаемости, где применение административных санкций будет органично способствовать воспитанию несовершеннолетних в духе уважения закона и его непоколебимого соблюдения, а так же достаточно ясного понимания того, что нарушение административно — правовых норм влечет за собой юридическую ответственность, которая всегда выступает в качестве меры государственного принуждения, а так же сопровождается государственным и общественным осуждением и порицанием деяния и личности правонарушителя.

1.2. Деликты — как социальный и юридический антипод правомерного поведения

На современном этапе развития правовой науки существуют твердо устоявшиеся мнения о том, что основанием применения административно-правовых мер принудительного характера зачастую является правонарушение, как противоправное, общественно-опасное, виновное и наказуемое деяние, и на этом сегодня сосредоточено внимание многих ученых, занимающихся изучением и разработкой проблем преступности и правонарушаемости. Причины столь обостренного внимания и непроходящего интереса исследователей к феномену правонарушения объясняются тем, что многие проблемы института правонарушения, в правовой литературе, остаются по прежнему дискуссионными и не до конца изученными. К тому же, проблемы изучения механизма возникновения и развития правонарушений в социальной жизни государства становятся все более злободневными и актуальными. Как известно, степень делинквентности и ее распространенности среди населения государства и, в особенности, в среде несовершеннолетних, всегда является определяющим показателем степени благополучия государства, действенности проводимых государством мер по ликвидации данного асоциального явления, характеристикой состоятельности системы государственных органов, компетенция которых определяется противостоянием данному негативному явлению.

Сложность и противоречивость условий, в которых находится в настоящее время страна, вызывает различные отклики и суждения в среде ученых и в этом контексте, в юридической литературе сложилась интересная ситуация в оценке неправомерного поведения индивидов, в результате которых складываются различные правонарушения:

— в одних случаях возможные коллизии и конфликты в поведении несовершеннолетних, в последующем перерастающие в правонарушения, рассматриваются в соотношении проблем: личность, свобода, право (В. А. Кучинский, Ф. М. Орзих и др.);

— в другом — анализируется генезис поведения несовершеннолетнего и условия использования ценностных качеств в правовом воздействии на неправомерные, преступные действия (В. Н. Кудрявцев, О. Л. Дубовик и др.);

— в иных, модели (теологическая, рационалистическая, антропологическая, психологическая) в контексте пресечения преступного поведения (А. М. Яковлев, У. С. Джекебаев и др.);

— в-четвертых — динамику правонарушений рассматривают в контексте социальных, экономических условий жизни общества, уровня культуры, традиций, присущих государству и народу его населяющему, национальных особенностей и даже религиозных воззрений;

— наконец, многие ученые проблемы коллизий, конфликтов и правонарушений видят в биологических, физиологических истоках поведения личности (Б. С. Волков, Н. П. Дубинин, Н. А. Стручков и др.). /11, 7—8/

Специалистами насчитывается более 200 зон конфликтов, в связи с чем и выдвигаются различные версии в исследовании правонарушений. /12, 52/ По их утверждению, правонарушение это социальный и юридический антипод правомерного поведения и поэтому их социальные и юридические признаки противоположны. Правонарушение есть разновидность антисоциального, противоправного поведения, которое противоречит и приносит вред правам и интересам граждан, их коллективам и обществу в целом, оно затрудняет и дезорганизует развитие общественных интересов. /13, 407/ Правонарушение есть поведение лица, которое противоречит велениям права, является несогласным с налагаемыми правом обязанностями. Так как все нормы права, если даже не установлены государством, снабжены, однако, санкцией государственной власти, то развитое государство берет на себя заботу, как о возможном предотвращении правонарушений, так и о восстановлении нарушенного права. В этом и состоит функция государственной власти.

Правонарушение — это виновное, общественно-опасное, противоправное деяние, совершаемое

лицом вменяемым и достигшим к моменту совершения правонарушения деликтоспособного возраста, то есть, такого возраста, по достижению которого лицо, совершившее правонарушение, в соответствии с существующим законодательством привлекается к юридической ответственности. По общему правилу в административном и уголовном праве деликтоспособность наступает по достижению 16-летнего возраста. Кроме того, в уголовном праве предусмотрены случаи привлечения лица к уголовной ответственности по достижению 14 лет.

В современных условиях наблюдается интенсивная динамика роста правонарушений несовершеннолетних и особенно, наиболее социально опасной ее формы — преступлений. Это создает серьезную угрозу благополучию и стабильности государства и общества, а также жизни, здоровью и сохранности имущества граждан. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что сегодня в стране увеличиваются количества правонарушений совершаемых несовершеннолетними в состоянии алкогольного, наркотического и иного опьянения, что можно вполне достоверно проиллюстрировать на следующих, весьма значительных примерах. Так, например, в соответствии со сведениями о преступлениях, совершаемых взрослыми потребителями наркотиков (по законченным делам) в Республике Казахстан сложилась крайне серьезная криминогенная ситуация. Всего по республике, на этой почве, в период с 1991 по 1997 годы было совершено преступлений: в 1991 году — 460; в 1992 году — 6174; в 1993 году — 1124; в 1994 году — 1109; в 1995 году — 1462; в 1996 году — 1970; в 1997 году — 1785. /14, 116/

Каким же образом, в этом аспекте, складывается ситуация, характеризующая явление делинквентности в среде несовершеннолетних правонарушителей, обстоятельно продемонстрируют следующие официальные данные. Так, по официальным данным МВД Республики Казахстан, в 1999 году выявлено 7524 случая, когда несовершеннолетние преступили закон, из них 73% или 5505 совершили преступления против собственности, причем большая часть этих преступлений совершено подростками в возрасте 14—15 лет. Рост общей преступности среди несовершеннолетних в 1999 году по отношению к 1998 году увеличился на 6,4% , при этом наметилась тенденция к увеличению умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, грабежей, проявлений хулиганства, преступлений, связанных с наркотиками, угоном транспортных средств. При этом, из 7524 несовершеннолетних, совершивших преступления в 1999 году, более половины — 3882 подростка оказались полностью не заняты, то есть нигде не работали и не учились. Наблюдается тенденция устойчивого роста количества преступлений совершенных несовершеннолетними в группе, так, если в 1998 году количество преступлений совершенных в группе составило 4124 случая, то в 1999 году такие преступления возросли на 212 раз, а за 6 месяцев 2000 года составили уже 2262 случая. Типичными становятся случаи, когда преступления совершаются несовершеннолетними в состоянии алкогольного, либо наркотического опьянения. Так, из общего количества преступлений совершенных в 1999 году, 855 преступлений совершено в состоянии алкогольного, а 21 преступление в состоянии наркотического опьянения.

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что динамика роста количества совершаемых в состоянии различного рода опьянения, преступлений среди несовершеннолетних, является настолько интенсивной, стремительной и угрожающей, что создается ощущение надвигающейся всеобщей катастрофы, в результате приближения которой подвергаются деформации не только все общесоциальные ценности, но и возникает реальная угроза нанесения существенного дефекта благосостоянию наличествующего государственного строя и общественного правопорядка. Следует понимать, что правонарушения всегда совершаются ради достижения известных целей; к совершению их человека побуждают его интересы, стесняемые велениями юридических норм. Если бы правонарушения не приводили к более полному осуществлению этих интересов, не было бы побуждения их совершать. Поэтому первое средство обеспечить действительное соблюдение юридических норм — это сделать действия, их нарушающие, не достигающими своей цели. Небезинтересна и такая ситуация, когда в среде преступников наблюдается явно выраженная деформация сознания. Например, профессиональный вор в основном ворует не потому, что он голоден, либо находится в ином безысходном состоянии и поэтому вынужден воровать, а потому, что искренне верит и считает, что именно в этом и заключается его предназначение в этой жизни, поэтому он и признает за собой право воровать.

Взяточники, принимая взятки за “оказанные услуги” так же верят в то, что они оказываются обращаясь к ним лицам “бескорыстную помощь” и за это соответственно вознаграждены. Многие убийцы тоже признают за собой право на убийства, либо не признают за собой вины за совершенное убийство. Вот как об этом пишет бывший председатель рабочей комиссии по помилованию при Президенте Республики Казахстан, профессор С. С. Сартаев в работе “Слово перед совестью и эшафотом”: “7 мая 1931 года Нью-Йорк стал свидетелем совершения самого бесчеловечного преступления. Некий Кроули Два Пистолета (это его прозвище) убивал абсолютно невиновных людей. Полицейские долго следили за ним и наконец его обнаружили в квартире его возлюбленной... Когда Кроули схватили, комиссар полиции Малруни заявил, что этот головорез — один из самых опасных преступников во всей истории Нью-Йорка. “Он убивает,— сказал комиссар,— ни за что ни про что”. Но каким видел себя Кроули Два Пистолета? Мы это знаем, ибо в те минуты, когда полиция вела стрельбу по его укрытию, он написал письмо... В письме Кроули говорил: “В моей груди бьется усталое, но доброе сердце, которое никому не причиняло зла”. Известный всему миру американский гангстер Аль Капоне считал, что “Лучшие годы своей жизни я потратил на то, чтобы доставлять людям веселые развлечения и помогать им хорошо проводить время. И какова же была награда за все это? Одни лишь оскорбления и жизнь человека, за которым охотятся”. Как известно, Аль Капоне в свое время считался самым социально опасным преступником США. И самое удивительное, Аль Капоне не осуждал себя — фактически он считал себя благодетелем общества.

Анализируя результаты проведенной работы в качестве председателя рабочей комиссии по помилованию, профессор С. С. Сартаев с горечью констатирует: “Из сотни и сотни дел, рассмотренных в Комиссии по помилованию, всего лишь двое искренне осознали тяжесть своих преступлений и не просили помиловать и сами пришли к выводу, что в интересах общества и осужденного следует привести приговор в исполнение как можно быстрее”.

В среде представителей преступного мира, суждения о своей невиновности либо собственной исключительности (типа “я же не такой как все остальные, меня можно понять, простить”), имеют очень широкое хождение. Более того, основная масса преступников считает существующее официальное право не справедливым и приходит к мнению о необходимости борьбы с ним, что и выражается, в конечном счете, в совершенных ими правонарушениях и преступлениях. Поэтому, для более успешной борьбы с правонарушениями представляется наиболее важными проблемами, проблемы изучения личности правонарушителя, генезиса и особенностей развития правонарушений, выявление этиологии и мотивации преступного поведения, условий и механизма их реализации, совершенствования общих закономерностей механизма превентивного воздействия на правонарушителя. Своевременное осуществление всех выше указанных мер, на наш взгляд, вполне способно создать объективные предпосылки для определения наиболее оптимальных путей осуществления государственных мероприятий направленных на искоренение либо сокращения числа совершаемых правонарушений.

Таким образом, правовые нарушения препятствуют нормальному функционированию общества, осуществлению прав и обязанностей, справедливому распределению материальных и духовных благ. Они наносят вред обществу и потому всегда для него нежелательны, они осуждаются не только нормами права, но и нормами нравственности. Более того, правонарушения, охватывая все стороны жизнедеятельности общества, посягают в первую очередь, на устоявшиеся нормы морали. “Мораль и нравственность употребляются как синонимы только в дурных философских словарях,— пишет философ Н. И. Козлов, мораль — это принятые каким-то кругом для себя или другого круга людей готовые мнения о том, как людям жить надо... если бы морали не было, ее следовало бы выдумать. Это не самое гуманное изобретение, но управление массой и нормальная социальная жизнь иначе невозможны. В моральных нормах есть, как правило, глубокий смысл, они выверены столетиями, и даже у абсурдных установок есть непререкаемое достоинство — они работают. Единственно рушить мораль так же опасно, как подкапывать гору, которая может на тебя же свалиться...Самое смешное, что освобождение от гнета морали не требует практически никаких усилий: ведь в мире ее нет. Кто ее видел? Она живет только в душе, и только пока к ней прислушиваются... Нравственность же — это другое. В нравственности нет готовых формул. Это поиск, это путь, где известно только направление: забота о людях, об их здоровье и счастье.” /15,

270—271/ Неоспоримы в этом контексте и суждения И. Канта, который, рассматривая проблемы нравственности приходит к следующему умозаключению: “С нравственными законами дело обстоит иначе. Лишь в том случае, если они могут быть основаны априорно и осознаны как необходимые, они имеют силу законов; даже понятия и суждения о нас самих и нашем поведении не означает ничего нравственного, если они содержат лишь то, что может быть познано из опыта; и если поддаются искушению взять что-то из этого источника в качестве морального основоположения, рискуют впасть в грубейшие и пагубнейшие ошибки”./16, 22/

Однако мораль и право могут расходиться в своих требованиях, и тогда возникают вопросы: морально ли соблюдать закон и законно ли следовать морали? Риторичность поставленного вопроса настолько очевидна, что порождает различные раздумья и воззрения, так как мораль положительно оценивает право, если его содержание соответствует нравственным ценностям, и порицает нарушения правопорядка, и в особенности нарушение прав и свобод граждан. Это порицание относится и к тем случаям, когда нарушаются так называемые морально безразличные правовые нормы. Некоторые юридические дела невозможно решить без учета моральных норм, конкретизирующих правовые нормы. Таковы, например, нормы уголовного права, определяющие ответственность за хулиганство, за оскорбление личности или за клевету, а так же нормы гражданского права, определяющие ответственность нанимателя жилого помещения, систематически нарушающего правила общежития и делающего невозможным для других проживание с ним в одной квартире или в одном доме. Соответствующие нормы “бланкетны” в том смысле, что их содержание может быть раскрыто лишь с помощью норм морали. Именно нарушение моральных норм в форме и при обстоятельствах, указанных в этих нормах права, образуют состав правонарушения, вопрос о котором должен быть решен судом. Поэтому нужно помнить, что нравственные и моральные твердо, устоявшиеся в обществе правила поведения в состоянии органично вписываться и сосуществовать с общегосударственными установлениями, выраженными в форме законов только в тех случаях, когда они официально не признаны противоправными самой законодательной властью, которая издала соответствующий закон. Только в этом случае исполнительная ветвь власти легитимно реализует данные законодательные нормы в собственной исполнительно-распорядительной деятельности. Таким образом, и право и мораль обладают способностью проникать в самые различные области общественной жизни. Ни право, ни мораль не ограничиваются предметно обособленной сферой социальных отношений. Они связаны с поведением людей в широких областях их социального взаимодействия. Учитывая это, а также принимая во внимание “универсальность” морали, ее “вездесущий”, “всепроницающий” характер /17, 283/ можно сделать вывод о том, что нельзя разграничивать право и мораль по предметным сферам их действия. Они действуют в едином “поле” социальных связей. Отсюда общность, тесное взаимодействие норм права и морали. /18,206/ Однако, нормативный или нормоустановительный факт предполагает известную направленность на установление правовых отношений, имеет в виду создание правовых связей тогда как понятие правонарушения не только не содержит этих предположений, но предполагает даже нечто противное, правонарушение направлено не на создание права, но на его отрицание: оно есть поэтому не нормоустановительный, но скорее норморазрушительный факт. Отсюда следует, что, если из правонарушения и могут вытекать какие-либо права, они вытекают из него только “посредственно”, как рефлекс какого-то иного источника./19, 305/

Всякое правонарушение является актом поведения, представленного в виде деяния, то есть действия и бездействия. Действие, это акт активного поведения, это волевое устремление лица направленное на достижение каких либо результатов и целей. Действия, по своей юридической природе могут классифицироваться на правомерные, то есть не противоречащие нормам права и законодательству в целом, и на не правомерные, то есть нарушающие и противоречащие нормам права и законодательству. Такие действия классифицируются как правонарушения. Помимо того, что правонарушениями несовершеннолетних являются действия, в ряде случаев в качестве правонарушения, признаваясь деянием, может быть воспринято и бездействие. Бездействие признается деянием, если по ситуации или по служебному долгу лицо обязано было что-то сделать, но не сделало (прогул, бесхозяйственность руководителя, халатность, безбилетный проезд в общественном транспорте и так далее). /20, 46/

Не считаются правонарушениями мысли, чувства, различные воззрения, не выраженные в действиях. Также не считаются правонарушениями качества, свойства личности, национальность, родственные связи и так далее. /21, 14/

Таким образом, согласно существующему законодательству, правонарушениями признаются деяния, совершаемые противоправно, то есть в нарушение законодательства с целью причинения ущерба существующим общественным отношениям, интересам, правам и свободам граждан. Однако, законодательством, регулирующим уголовные и административно-правовые отношения, определены такие ситуации, при которых деяния, обладающие всеми признаками противоправности, признаются правомерными. Таковыми являются необходимая оборона, крайняя необходимость, малозначительность совершенного правонарушения, исполнение профессиональных либо служебных обязанностей. В данном случае уместны высказывания известного правоведа Г. Ф. Шершеневича, который отмечает, что “если правонарушение есть действие противоправное, то правонарушения нет там, где действие человека не остается в пределах дозволенного объективным правом, хотя бы при этом нарушены законные интересы другого человека, обеспеченные предоставленным ему субъективным правом. Нет правонарушения за отсутствием противоправности, в случаях исполнения служебной обязанности, осуществления своего права, согласия потерпевшего, необходимой обороны, состояния крайней необходимости. С точки зрения того, чьи интересы страдают при этом, происходит как бы нарушение его права, потому что вторгаются в сферу его интересов, которые он привык считать охраняемыми его субъективным правом, но с точки зрения объективного права, допускающего такое нарушение и отнимающего на этот случай свою защиту, правонарушения нет, а имеется только нарушение интересов. Правонарушения нет, когда интересы человека, охраняемые правом вообще от посягательства со стороны других лиц, нарушаются лицом, выполняющим свою служебную обязанность...”. /22, 920/ Поэтому данные обстоятельства должны быть строго учтены компетентными органами при рассмотрении подобных категорий дел и при вынесении соответствующих решений. Кроме того, при вынесении решения по рассмотренному делу, уполномоченные на то органы и должностные лица обязаны придерживаться определенных принципов. Например, таких, как принцип адекватности, выраженного в соразмерности тяжести совершенного правонарушения с применяемым взысканием, который определяется размером причиненного вреда и его последствиями, характером содеянного, формой вины причинителя вреда, повторностью совершенного и тому подобного.

Правонарушение всегда является социально опасным виновным деянием, при котором вина, представляясь как психическое отношение лица, к содеянному, определяет характер правонарушения. О виновном характере деяния можно говорить только в том случае, когда от воли человека зависело право выбора, как поступить: правомерно либо противоправно, и при этом сознательно избран второй вариант с явным ущербом первому. С этой точки зрения понятно, почему за правонарушением следует обязанность ответственности и право на производство санкции. Вина и принуждение суть следствия правонарушения, вытекающие из последнего с логической необходимостью. Так смотрел на преступление Гегель один из наиболее последовательных сторонников теории принуждения в праве. Для Гегеля преступление, как отрицание права, является логическим моментом правовой идеи. Именно оно есть выражение отрицательного момента этой идеи,— момента ничтожества, выявляющегося на всей отрицательной ступени логического развития. Ничтожество это должно внутренне обнаруживаться посредством нового отрицания — таким образом отрицанием преступления является наказание. /23, 82/

Правонарушение как основание юридической ответственности характеризуется четырьмя элементами, в совокупности образующими состав правонарушения. Таковыми элементами являются: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона:

— объект — нарушенное материальное или нематериальное благо, защищаемое правом;

— объективная сторона — само противоправное деяние, наступивший вредоносный результат и

причинная связь между деянием и результатом;

— субъект — дееспособное лицо, совершившее правонарушение;

— субъективная сторона — вина, то есть отношение правонарушителя к деянию и его результату в форме умысла или неосторожности. /24, 74/

Отсюда следует, что юридическая ответственность может быть наложена на несовершеннолетнего лишь при наличии, а практически при режиме законности — установлении всех элементов (сторон) состава правонарушения. Это требование является обязательным, безусловным и неоспоримым при возложении, на лицо, любого вида юридической ответственности выраженного в форме определенного правового принуждения со стороны государственных органов либо его должностных лиц.

1.3. Конфликты и социальные отклонения в поведении субъектов административных правонарушений

Политические, экономические и социальные преобразования, переход к гражданскому обществу и строительству правового государства характеризуются двумя масштабными тенденциями — с одной стороны, это либерализация и демократизация всех сфер общественной жизни и соответствующие правовые реформы, а с другой — обострение социальных противоречий, межэтнических, межгрупповых, межличностных конфликтов. Они проявляются в актах насильственного противостояния, эскалации насилия, агрессии. При этом отмечается нарастание деструктивности, жестокости, брутальности данных форм конфронтационного взаимодействия, а так же рост и распространенность насильственных деяний, с которыми приходится сталкиваться в повседневной нашей жизни, как говорится, буквально “на каждом шагу”, (на улице, в местах массового отдыха, на рынке, в подъезде собственного дома, в кинотеатре и так далее). Сказанное определяет общую значимость исследования проблем административной конфликтологии и теоретического обоснования мер по устранению причин и условий конфликтов, а также принятия радикальных мер борьбы с этим асоциальным проявлением наличествующего бытия. Определенно, что при исследовании проблем конфликтов необходимо исходить из общего тезиса о том, что гносеологические корни исследования проблематики конфликтов имеют междисциплинарный многоаспектный характер предполагающий комплексный подход к их изучению и решению с использованием научных достижений криминологии, социологии, права, психологии, психиатрии и так далее. Так, например, среди различных направлений правовой социологии в последние годы выделяется еще одно: правовая (юридическая) конфликтология, которая изучает правовые отношения, нормы и институты под углом зрения использования их для предотвращения, предупреждения и разрешения конфликтов./25, 212/ Данная проблематика для правовой науки является новой по двум причинам:

— во-первых, в силу недостаточности развития общей конфликтологии как комплексной социально-психологической дисциплины; /26/

— во-вторых, догматическое изучение права не способствовало более широкому его пониманию, в том числе и как инструмента обращения с социальными и психологическим конфликтами. /27, 212/

Опираясь на вклад различных ученых в юридическую науку и практику можно сделать предварительные выводы о том, что сложившиеся понятия “административные правонарушения” и другие не способны адекватно отражать природу действий и поступков несовершеннолетних. Объясняется это тем, что до совершения действия противоправного характера несовершеннолетний правонарушитель, как правило, совершает такие действия, которые могут быть подвергнуты не только оценке, но и упорядочены в процедуру их рассмотрения специальными органами и службами. Данное суждение вполне достоверно и аргументировано, возможно проиллюстрировать на примере следующего международного опыта. В ряде зарубежных стран (Дания, Швеция, Польша и др.) существует так называемая социальная служба “медиации” смысл деятельности которой заключается в том, чтобы всесторонне разобраться в создавшемся между сторонами конфликте либо конфликтной ситуации и подвести стороны, к перемирию не доводя дело до судебного разбирательства.

Если говорить о теоретических разработках отдельных авторов по проблемам изучения теоретических проблем конфликтов то следует указать, что они, рассматривая основные понятия коллизионного права, выделяют следующий логический ряд правовых категорий:

— “разногласие”, когда налицо расхождение интересов, оценок и позиций сторон;

— “коллизия” — противоречия между нормами правовых актов различной юридической силы;

— “коллизионная ситуация” — момент или период возникновения и развития юридических

коллизий;

— “конфликтная ситуация” — антиконституционное противоборство субъектов, сопровождаемое нарушениями общественного правопорядка;

— “спор” — разбирательство в установленном порядке и так далее. /28, 721/

Можно в данном случае соглашаться или нет с указанным автором по приведенным им отдельным содержательным моментам, но в целом эти понятия в динамике помогают понять природу отклоняющегося поведения, и обуславливают возможность применения к правонарушителю отдельных мер социализации либо ресоциализации.

Согласно, подобного рода теоретическим разработкам различных авторов практически каждому правонарушению, как правило, предшествует конфликт (групповой, межличностный, внутри личностный и так далее). В тоже время любое совершенное правонарушение также является конфликтом, но конфликтом, за который в соответствии с законодательством предусматривается определенный вид юридической ответственности. Правомерна ли подобная постановка проблемы? Ведь конфликты, которые предшествуют правонарушениям так же вызывают дискомфорт в системе общественных отношений, вызывают всеобщее негодование, осуждаются нормами морали и нравственности, хотя внешне казалось бы, что они не нарушают норм права, не вызывают такого резонанса общественного мнения, какое может возникнуть в результате нарушения нормы права и привлечения правонарушителя к определенному виду юридической ответственности. В то же время они, так же как и правонарушения наносят ущерб устоявшимся и существующим в социуме общественным отношениям, подвергают их деформации. Общеизвестно, что во многих случаях справедливое наказание “снимает груз” с души правонарушителя, приносит ему моральное облегчение. В повседневной жизни определено, что личность правонарушителя не имеет устоявшихся стереотипов, она многогранна и многоаспектна, наделена нравственной автономией. В одних случаях совершенное правонарушение, не смотря на ее не особую значительность, воспринимается несовершеннолетним правонарушителем, прежде всего, как огромная душевная травма, нанесенная как лично себе так и окружающим его людям, поэтому оно вызывает многочисленные внутренние переживания несовершеннолетнего правонарушителя, чувство раскаяния в содеянном правонарушении. В другом же случае, не смотря на тяжесть совершенного правонарушения для несовершеннолетнего правонарушителя оно не вызывает таких моральных терзаний и последний уповает на то, что со стороны общественности, должностных лиц либо органов, рассматривающих его дело, будет проявлено определенное снисхождение, а само дело в последующем очень скоро забудется.

Указанные тенденции, вызванные различными последствиями кон-фликтов, заводят исследователей, в определенной степени, в “исследовательский тупик”, демонстрируют бесконечную природу конфликта, но в тоже время, позволяют сделать выводы о том, что необходимо для решения этих задач провести хотя бы самую общую систематизацию уже имеющихся знаний о конфликтах, определить методологические и теоретические основы, очертить контуры сложившейся парадигмы конфликтологических исследований, наметить алгоритмы перспектив и путей их развития.

К сожалению, разработкой отдельных аспектов целостной системы проблем административной конфликтологии Казахстанские административисты занимались только фрагментарно. В тоже время среди них можно выделить различных авторов и их работы, которые внесли значительный вклад в деле разработки проблем конфликтов. В частности, заслуживают внимания исследователей, работы Таранова А. А, в научных трудах “Административная ответственность в Республике Казахстан” (1997 г.), “Административное право Республики Казахстан (академический курс)” (2000 г.) и других; Бейбитова М. С, в работе “Некоторые организационно-правовые проблемы самоуправления в высших учебных заведениях” (1998 г.); Жетписбаева Б. А и Бахралинова А. С. “Генезис административных правонарушений несовершеннолетних и меры борьбы с ними” (2001 г.); Ахметова Р. И и Ибрагимова Х. Ю в работе “Меры административного

принуждения, применяемые органами внутренних дел”, (1998 г.).

Более детальное изучение проблем административной конфликтологии осуществлены Б. А. Жетписбаевым в работах “Административно-правовые меры профилактики и пресечения правонарушений несовершеннолетних” (1998 г.); “Административная ответственность в Республике Казахстан” (2000 г.); “Ювенальная юстиция” (2001 г.); “Теоретические проблемы административно-правового принуждения в Республике Казахстан” (2001 г.)

В правовой литературе стран СНГ проблемы конфликтов и конфликтологии также начали разрабатываться сравнительно недавно. В числе лучших исследований давшим теоретическое обоснование проблемам конфликтов признаются работы В. Н. Кудрявцева, В. П. Казимирчука, А. В. Дмитриева, С. В. Кудрявцева, А. Г. Здравомыслова, Д. Н. Зеркина, Ю. Г. Запрудского, А. Я. Анцупова, А. И. Шпилова и других.

Эти разработки и составляют отправной пункт актуализации исследуемой проблемы в контексте раскрытия их внутреннего психологического содержания, генезиса, этиологии, динамики, момента окончания конфликта, результата и последствий конфликта, общим знаменателем которого, как правило, является совершенное правонарушение, представленное и как следствие конфликта, и как сам состоявшийся конфликт.

В научной литературе общее понятие конфликта является неоднозначным и поэтому существует множество определений термина “конфликт”. В литературе советского периода традиционно конфликты воспринимались как определенные противоречия либо противоположности. Однако, на наш взгляд, устоявшиеся стереотипные убеждения, касающиеся такого рода понимания конфликтов, основательно пошатнулись в результате наиболее глубоко проведенных исследований В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука, у которых в соответствии с собственными выводами зародилась следующая идея: “Между тем, противоречия и конфликт не могут рассматриваться как синонимы. Противоречия, противоположности, различия — это необходимые, но достаточные условия конфликта. Противоположности и противоречия превращаются в конфликт только тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями”. /29, 213/

Под предметом конфликта мы понимаем объективно существующую или мыслимую (воображаемую) проблему, служащую причиной раздора между сторонами. Каждая из этих сторон заинтересована в разрешении этой проблемы в свою пользу. Предмет конфликта — это и есть то основное противоречие, из-за которого субъекты выступают в противоборство. Это, для подростка, может быть проблема лидерства в группе, проблема личных, общественных и групповых отношений.

Объект конфликта — та конкретная материальная или духовная ценность, к обладанию или использованию которой стремятся обе стороны конфликта. Объектом конфликта, по сути дела, может выступать любой элемент материального мира и социальной реальности, способный служить предметом различных интересов.

По замечанию академика В. Н. Кудрявцева: “конфликт, однако, может и не иметь явного объекта. Наряду с “объектными” конфликтами мы выделяем категорию “безобъектных”, не базирующихся на взаимных стремлениях, контролю над чем либо. Начнем с примера. Типичным для практики судопроизводства является случай, когда конфликт разгорается из-за того, что случайный прохожий делает замечание несовершеннолетнему хулигану. Здесь нет того объекта, обладать или пользоваться которым хотели оба субъекта. Просто один нарушает нравственные представления другого.¹

Конфликт, как процесс столкновения двух различных сторон на уровне индивидуальных переживаний и влечений свидетельствует о психологической природе его проявления. Возникновение конфликта на уровне межличностных или групповых отношений различного

уровня и сложности, как правило, рассматривается с позиции социальной его природы. В различных источниках эти подходы противопоставляются друг другу, абсолютизируются какой — либо из них как определяющий. Все это порождает существенную сложность в понимании истинной природы конфликта. Эта сложность еще более усиливается в силу того, что социально-средовое проявление конфликта исключительно многообразно, что и порождает представление о принципиальной неразрешенности проблем.

Следовательно, проблема конфликта и ее разрешение представляет интерес для понимания поведения, как отдельного индивидуума, так и обеспечения эффективного управления процессами на любом социальном уровне.

Обобщая многообразие дефиниций конфликта, встречающихся в литературе, Д. П. Зеркин предлагает следующее определение конфликта: “конфликт (столкновение) — это противоборство общественных субъектов с целью реализации их противоречивых интересов, позиций, ценностей и взглядов”. /30,38/ С точки зрения А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова: “Под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями. /31, 80/ В ряде случаев в понятие конфликт вкладывается понятие противостояние взаимоисключающих основ в развитии того или иного процесса либо явления. В равнозначном смысле используются термины, как “амбивалентность”, “антиномия”, “девиация”, “дихотомия”. Конфликт в абсолютном смысловом понимании — неотъемлемая особенность самоорганизующегося процесса. /32, 12/

Юридический конфликт — разновидность социального конфликта. Для последнего всегда необходимы, по меньшей мере, две стороны, которые, соприкасаясь, взаимодействуют. При этом взаимодействии действия сторон направлены на достижение взаимоисключающих целей и, следовательно, сталкиваются. Всем конфликтам свойственно сильное напряжение, которое побуждает людей изменить данную ситуацию, либо приспособиться к ней, либо оградиться от нее. /33, 213/

В данных и во многих других определениях и суждениях, принадлежащих различным авторам, представляющим различные направления в науке, конфликт, прежде всего связан с противоречием или одним из его моментов — борьбы противоположностей. Например, в трактовке американского конфликтолога Козера Л., конфликт есть борьба за ценности и претензии на определенный статус, власть, ресурсы. Согласно другому американскому автору Боулдингу К., конфликт знаменует собой осознанные и созревшие противоречия и столкновения интересов. Дарендорф Р., под конфликтом понимал все структурно — произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп.

В “Кратком словаре по социологии”, конфликт характеризуется “как высшая стадия развития противоречий в системе отношений людей, социальных групп, социальных институтов, общества в целом, которое определяется усилением противоположных тенденций и интересов социальных общностей и индивидов”.

Итак, понятие конфликта неразрывно связано с философским понятием противоречия, а вернее с содержанием философского закона “единства и борьбы противоположностей”.

Специалистами насчитывается более 200 зон конфликтов. На этом основании предлагаются различные комбинации в их исследовании.

Не претендуя на бесспорность положений в анализе гносеологических и логических аспектов конфликтологии, ограничимся на этой проблеме с учетом особенностей социальной природы нарушителей административно-правовых запретов. Как представляется, в данном случае важнее акцентировать внимание не столько на нарушение правовых норм, сколько на создание административно-правовых и иных условий и процедур разрешения проблем отклоняющегося

поведения. Акцентация на противоречия между сознанием и действием правонарушителя и правовой нормой требует тщательного анализа.

Поверхностные суждения, подпитываемые обыденным сознанием, как правило, не персонифицируют личность, и неизбежно побуждают желание не столько объяснить причины такого поведения, сколько искать меры их пресечения либо наказания правонарушителя. Гносеологический порок обнаруживается тогда, когда исходное выдается за венец познания, объяснение причин правонарушаемости сводится к указанию несовершенства частного свойства. /34, 29/ Отдельные недостатки, скажем, “якобы пороки воспитания” и то, выявленные непонятно с чьих слов, либо “слова когда-то якобы произнесенные кем-то в недозволенном месте”, опять таки непонятно в чей адрес и тому подобное в этом аспекте, выдаются за то действительное сущее, которое в последующем, неумолимо может повлиять или даже предопределить судьбу личности, оценку его поведения. Словом, те случаи, когда набор обстоятельств фактически подменяет анализ природы явления. В итоге не только отдельные исследователи, но и работники правоохранительных, судебных и иных органов, не прилагая особых интеллектуальных усилий, отдельному, частному (условию, пороку, обстоятельству и т. д.) придают значимость совершенного целого. При этом, поверхностная индукция, скользящая от одних факторов к другим снабжает науку различного рода обобщениями, выражающими корреляции между правонарушаемостью и многообразными социальными факторами: “алкоголизм — причина многих правонарушений”, “немало правонарушителей выходят из неблагополучных и неполных семей”, “усиление социального контроля способствует снижению преступности” и так далее./35, 30/ Словом, тот обывательский бред, искусно выдаваемый за высшую степень компетенции и добродетели, в облики “утонченного знания” всех человеческих пороков, в странном сочетании с желанием оказания “неимоверной, почти сверхчеловеческой помощи”, “оступившемуся” подростку. В этой связи, вполне становятся объяснимыми факты роста судимости и повышения интенсивности динамики совершаемых административных правонарушений. Чаще всего это происходит потому, что с правонарушителями работают “полупрофессионалы” и даже “случайные” специалисты и наиболее часто подобное явление встречается в среде сотрудников правоохранительных органов, работающих с несовершеннолетними правонарушителями. Почему именно в качестве примера берутся несовершеннолетние правонарушители? Объясняется это тем, что правонарушаемость в среде несовершеннолетних является своего рода “лакмусовой бумажкой”, определяющей состоятельность, совершенство, динамизм существующих в государстве общественных отношений. Что же мы видим на практике в отношении деятельности правоохранительных органов, работающих с несовершеннолетними правонарушителями? Так, в ходе обобщения статистических данных подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел города Алматы, выявлена следующая тенденция: в целом по городу, только за совершение административных правонарушений за 9 месяцев 2000 года, наказано в административном порядке 9022 подростка, в то время как за этот же период 1999 года, меры административного воздействия были восприняты в отношении 6410 несовершеннолетних правонарушителей. При этом, в 1999 году по городу Алматы было выявлено 232 группы несовершеннолетних антиобщественной направленности, а в 2000 году количество таких групп составило 272. Если в 1999 году раскрыто 513 уголовных преступлений, то в 2000 году количество таковых составило 680. Образование групп антиобщественной направленности в подростковой среде должно вызывать особую тревогу сотрудников правоохранительных органов занимающихся несовершеннолетними правонарушителями. Эти отклонения существенны и выражают потребности, детерминирующие девиантный поведенческий акт.

В этой связи нельзя не согласиться с В. Н. Кудрявцевым, который, иллюстрируя процесс формирования личности подростка, делает следующее существенное замечание: “Без большого труда мы замечаем, что существует определенная связь между возрастом подростков и уровнем их интеллектуального развития. Чем старше школьники, дети, тем больше они знают и лучше мыслят. Можно ли на этом основании считать, что причина повышения уровня знаний школьников — их возраст? Видимо такое суждение было бы несколько поверхностным. Ведь не само по себе количество прожитых лет делает человека умнее, культурнее и образованнее”. /36, 12/

Даже в контексте свободы выбора (о свободе и несвободе воли) поведения личности, основное внимание следует уделять не столько результатам решения, а структуре мотивов, целей, лежащих в основе волевого акта, /37, 102/ то есть необходимы системные характеристики поведения личности в единстве рациональных и эмоциональных компонентов.

Данный вывод подтверждается самыми различными исследованиями: Г. С. Миньковского (данные за 1966 год), Вайсберга Л. М. (данные за 1970—75 годы), Таранова А. А (данные за 1993—95 годы) и собственными (данные за 1995—2002 годы), которые подтверждают, что далеко не всегда неправомерное поведение можно объяснить ближайшими факторами (семейно-бытовыми, социальным окружением и др.), то есть не всегда “яблоко от яблони” действует с неизбежной категоричностью социальной доминанты. /38, 9/

Динамика социальных отклонений у правонарушителей зависит от различных факторов, но исследуя их не следует упускать из вида, что право воздействует не на все сознание личности. /39, 35/

Соглашаясь с тем, что в этом случае непосредственным объектом выступает правосознание, важно не забывать и о том, насколько в личности развита его нравственная автономия. Если она (нравственная автономия) отсутствует, то возможна нравственная капитуляция личности перед обстоятельствами, корпоративными правилами. Само правонарушение — открытое выражение морального кризиса личности. /40, 138—139/ Неслучайно древние утверждали, что “законы слабы без нравов”.

Внутренняя свобода личности, вытекающая из автономии воли, создает условия для формулирования таких всеобщих законов (нравственных законов), которые имеют объективную значимость, делающую их независимыми от естественных законов, от законов причинности./41, 122/ Подобные этические выводы приоткрывают нам не только величие свободной воли, но и предоставляют нам ключ к пониманию взаимосвязи нравственных убеждений и правовых предписаний. В наиболее академической формуле эти положения нашли обобщение опять таки в высказываниях И. Канта, его императив применительно к морали выражается в правиле: “поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом”, /42, 260/ а применительно к праву этот императив звучит так: “поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом”. /43, 140/

Известный правовед С. С. Алексеев считает, что историческая линия права в жизни общества напрямую, непосредственно продиктована ее глубинными требованиями, а именно: “внести в остросложную ситуацию, вызванную различными конфликтами (личностными, групповыми и другими) постоянные и твердые начала, построенные на принципах гражданского мира, умиротворения, согласия, учета различных взаимных, скоординированных интересов обеспечить и защитить статус автономной личности, предоставить ему надежный и гарантированный простор и меру свободного поведения. /44, 54/ Эти требования в полной мере относятся и к административному праву. Именно административное право обеспечивает институциональное оформление взаимодействия гражданина и государства, личности и административных органов. И именно здесь создаются определенные предпосылки обеспечения защиты правового статуса личности и применения к нему мер воспитательного и административного воздействия, так как, совершая административные проступки, не представляющие собой большой общественной опасности, правонарушители впервые сталкиваются с императивными требованиями закона. Вот почему так важно проследить природу отклоняющегося поведения с тем, чтобы не допустить дальнейшей криминализации сознания нарушителя административно-правовых запретов и не быть вынужденным прибегать к более суровым мерам воздействия (наказания).

Ведущую роль в возникновении и развитии отклонений характера, по мнению Ю. М. Антонына и В. В. Юстицкого играет комплекс следующих факторов:

- накопление характерологических последствий неудовлетворительных жизненных проблем;
- погрешности в воспитании, препятствующие социализации личности;
- процессы одностороннего развития личности, особенно активно протекающие по достижении акцентированной черты определенного уровня качественной выраженности;
- нарушение психических и социально — психологических процессов, обеспечивающих социальный контроль и регулирование количественной выраженности черты характера. /45, 50/

Типологические признаки факторов, влияющих на проявление противоправных действий не всегда позволяет выделить индивидуальные особенности правонарушения, но этим самым признаки характеризуют фон социальных отклонений и содержат ответы на вопросы, почему оно (правонарушение) имело место. Поэтому важно знать и учитывать в какой мере и каким образом акцентуации характера способствовали правонарушению. Важно выявить, а имели ли место сильное душевное волнение, вызванное неправильными действиями потерпевшего, были ли угрозы и другие формы принуждения по отношению к личности, наличие и степень его материальной или иной зависимости от лиц, толкнувших его на правонарушение. И, конечно же вполне объяснимы и причины возникновения вопроса: “Существовали ли иные мотивы и антиобщественные потребности в совершении личностью правонарушения”?

Глубоко проникая в природу генезиса девиантного поведенческого акта, В. В. Лунеев отмечает: “Мы придерживаемся мнения, что антиобщественных потребностей и мотивов как таковых не существует, как, впрочем, видимо, нельзя говорить о социально полезных и даже социально нейтральных побуждениях применительно к преступному поведению. По одному и тому же внешне сходному побуждению могут быть, совершены как преступление, так и благородный поступок. Мечь соседу за причиненную обиду, реализованная в нанесении телесного повреждения — антисоциальна, а мечь врагу нашей Родины — священна.

Попытки некоторых авторов раз и навсегда зачислить одни мотивы в антисоциальные, другие — в социально нейтральные, третьи — в социально полезные, непродуктивны. Социальная оценка мотива зависит не от его абстрактного содержания, а от того, в систему каких общественных отношений он включен и каким общественным отношениям противопоставлен. Вне связи с конкретными общественными отношениями мотивы, как и потребности, социально нейтральны. Их нельзя правильно оценить с точки зрения социальной полезности или вредности. Последние заключены не в характере мотивов как таковых, а в их функции, которая раскрывается через соотношение мотива с другими элементами преступного поведения (с целью, выбором средств ее достижения, наступившими последствиями), через соотношение с теми социальными ценностями, которыми пренебрег субъект, реализуя свое желание”. /46, 30—31/

В литературе правильно отмечается, что процессы жизни, складывающиеся под влиянием сознания людей и коллективов должны восприниматься критически. Возникновение конфликтов и социальных девиаций не всегда имеют одинаковую природу происхождения, но в то же время содержат в себе очень много факторов, способствующих их органичному объединению и “совместными усилиями” оказывают влияние:

- на формирование характера несовершеннолетнего;
- провоцируют несовершеннолетнего на общение вне дома и посещение “злочных” мест, заведений;
- на игнорирование несовершеннолетним сложившихся в обществе социальных ценностей, святости семейных отношений, родственных связей;
- на попираание прав и свобод окружающих лиц, если они находятся в зависимом от него

положении (детей, престарелых родителей и так далее);

— на создание обстановки напряженности, нервозности взаимной нетерпимости и прочее.

Конечно же, делать категоричный вывод о том, что указанные обстоятельства окончательно “калечат” личность, независимо от их существенной значимости было бы преждевременным и препятствующим попытке проникнуть в истинную природу данных явлений. Ведь не величина колебания показателей обстоятельств дает возможность судить о степени устойчивости их влияния на поведение личности. Исследователи отмечают, что несмотря на деформации в сознании личности, все-таки у значительной части лиц, склонных к совершению правонарушений ценятся, возможно, даже подсознательно, такие качества как честность и порядочность. Хотя, возможно, именно эти качества и являются той конфликтной средой, формирующей отклоняющее поведение личности, несмотря на их положительную направленность. Если личность воспроизводит в своих деяниях собственное представление о нравственных категориях, которые сформированы в результате влияния его окружения, то можно, достаточно утвердительно говорить о том, что эти нравственные начала — социальная маска, за которой скрываются корпоративные установки, продиктованные надеждой самосохранения. Поэтому исходная установка зачастую содержит в себе ошибочные версии в силу следующих причин:

— во-первых, требования законопослушного поведения у девиантной личности воспроизводят модель сознательного приспособления личности к наличному миру;

— во-вторых, заведомое переподчинение другим нормам и ценностям призывает к покорному подчинению реальности;

— в-третьих, подобные установки не создают условия для развития несовершеннолетнего как личности, способной улучшать себя и окружающую его действительность.

И хотя в юридической литературе подчеркивается, что право закрепляет в своих принципах, институтах и нормах наиболее рациональные, научно обоснованные, прогрессивные варианты (модели) человеческого поведения, выгодные как обществу в целом, исходя из задачи совершенствования общественных отношений, так и самой личности при правильном понимании ее объективных интересов. Следует понимать, что какими бы не были обоснованными модели человеческого поведения, закрепленные в нормах права, но процесс правообразования не может только детерминироваться властной волей институтов государства, а генезис юридических норм выходит за рамки деятельности законодателя, поскольку фактические образцы типичного массовидного поведения и правовых отношений по природе он (законодатель) черпает не из каких-то категорических императивов, заложенных в самом разуме, а из самой жизни. /47, 118—119/

Таким образом, принудительное формирование законопослушного поведения не должно выступать самоцелью. Носитель такой морали понимает под воспитанием нравственности сознательное приспособление несовершеннолетнего к наличному миру, вживание ее в социальную ткань общественного организма. При этом общество в лучшем случае получает конформистов./48, 108/ Поэтому есть все основания полагать, что внутреннее усвоение правовых требований и должно составлять установку для несовершеннолетнего в деле формирования ее правовой ориентации и социализации./49, 11/

Социальные отклонения несовершеннолетнего можно рассматривать в контексте следующих составляющих:

— как определенных действий, образующих процесс;

— как процесс, вносящий дисфункции в систему установленных правил поведения.

Вникнуть в природу социальных отклонений — значит попытаться определить содержание противоречий между запретом правовых предписаний (норм административного права) и реальным социальным поведением несовершеннолетнего.

Любое социальное отклонение в поведении личности, по существу является неуважением к действующему праву. Более крайняя форма такого неуважения и игнорирования права — совершенное правонарушение. Основываясь на подобном понимании сути социальных отклонений, их можно классифицировать на:

— существенные отклонения, когда установлено расхождение между требованием права и поведением;

— возмущающее отклонение — понятие достаточно распространенное в научном понимании, но требующее новой переоценки и нового понимания

В этой связи уместно привести такие примеры. По существу, в возмущающем отклонении налицо противоречия между требованием нормы права и реальностью. Вместе с тем, многие нормы административного права в силу морального “старения” норм, сами провоцируют возмущающее отклонение. Например, нарушение правил торговли (торговля в не установленных местах) или мелкое хищение государственного имущества. В данном случае, с точки зрения формального права, имеются все признаки административных правонарушений, но с другой стороны — при недостаточном количестве или даже при отсутствии средств проживания (зарплаты, стипендии, социальных пособий) очень проблематично надеяться на модель правомерного поведения. Поэтому ситуации возмущающего отклонения нуждаются в тщательном анализе и правовой оценке, где недопустимы безоглядные решения. То есть, явления подобного процесса приобретают свойства, которые связаны с искажениями и деформацией социальных ценностей, норм, отношений и даже целых социальных институтов.

Для адекватной оценки ценностей, под которыми понимают предметы, вещи, явления с полезными для потребителей свойствами, нужно помнить, что они нередко выступают ориентирующим идеалом для поведения.

Проблемы искажения в системе человеческих ценностей в литературе достаточно исследованы психологами, философами и юристами. Но дело в том, что подобные проблемы исследовались в контексте критики западных ценностей и догматического восприятия неизменности ценностей. Поэтому и эта проблематика нуждается в новом прочтении.

Достаточно напомнить, что правомерное или противоправное поведение традиционно рассматривалось через призму интересов несовершеннолетнего, группы. /50, 239/ Но при этом нередко либо отождествлялись, либо противопоставлялись социальные и материальные интересы и ценности.

Для обыденного сознания личности достаточно сложно различать социальную или материальную природу явления вещи или услуги. Тем более, что до недавнего времени дух предпринимательства, как правило, вызывал отрицательную оценку. Сегодня имеются и другие крайности, например, поощряя отношения к труду, нельзя не видеть, что наряду с трудом, который вызывает действительно неподдельное уважение, можно увидеть тех, кто мешает этому предпринимательству или тех, кто пытается прожить за счет работающих. Это не просто констатация реальности. Нельзя не замечать, как эта реальность искажает обновляемые ценности.

По мнению криминолога А.М. Яковлева, отождествляя социальный факт с фактом материальным, игнорируя познавательную специфику социального факта, мы тем самым реинфицируем социальный факт, предписываем ему свойства вещи, предмета. /51, 241/

Безусловно, нельзя рассматривать социальный факт за пределами, как критического анализа, так и

обожествления его. При изучении социальных отклонений очень важно не только следовать букве закона и требованиям логики, но и выявлять реальную роль (факторы влияния) как социальных, так и материальных фактов. Социологами отмечается, что материальные вещи имеют двойственную природу:

— во-первых, сами вещи имеют ценность и способны влиять на интересы несовершеннолетнего;

— во-вторых, вещиизм как явление — ни что иное, как форма отчуждения, когда вещи начинают вытеснять из сферы личностного формирования сознания несовершеннолетнего, социальные ценности.

В подобных случаях очень важны меры социальной коррекции поведения и поддержки личности. Но реальная практика демонстрирует иные примеры. Фактически следует признать тот факт, что деформация ценностей ведет к социальным отклонениям и в поведении сотрудников правоохранительных органов, постоянно взаимодействующих с правонарушителями. Так, действия престижного характера для достижения материального благополучия могут достигаться различными противоправными действиями (агрессия, насилия, жестокость и др.)

Драматизм социальных отклонений в лице служб и органов государства сопряжен с деформацией социальных институтов, которые как правило, перестают обеспечивать потребности в социальном развитии, особенно детей и подростков, семьи, досуга, нормального обеспечения необходимыми социальными услугами (образовательными, медицинскими и др.). Например, если правовым актом Правительства Республики Казахстан устанавливаются задачи по созданию условий, обеспечивающих стабилизацию и развитие системы отдыха и оздоровления детей. Но в то же время эта система фактически разрушена, содержит все признаки дисфункции данного института.¹ Об этом свидетельствуют как фактические данные, так и факт признания Правительством в “Комплексной программе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в Республике Казахстан на 1998—2000 годы” (п. 3) отклонений, набирающих нежелательную тенденцию. Подобные социальные отклонения выражены в таких видах, как бродяжничество, попрошайничество, уход из семьи. /52, 181/

И хотя диагностические оценки подобных деформаций социальных институтов не вызывают нареканий, но среди них выделяются факторы:

— юридические;

— экономические;

— организационные;

— интеллектуальные;

— социально-психологические. /53, 169/

Следует отметить, что в свете ранее принимаемых программ и их, “успешных” провалах и достаточно квалифицированных оценок специалистов, возникают далеко не риторический вопрос: почему “все валится из рук?”

Для приведения в необходимое эффективное положение юридических факторов нет проблем в случае, если под этим понимать неурегулированность общественных отношений, неточное определение компетенции органов.

Безусловно, появились серьезные проблемы с экономическими факторами, недостаточно эффективной организационной работой. Но, в то же время, сохранились интеллектуальные резервы, накопленные за многие прошедшие годы и в этой связи уместно напомнить, что

государства постсоветского пространства сегодня и, тем более, в прошлом имеют ценнейший капитал по проблемам изучения и исследования личности, его психологии, проблем воспитания.

Очевидно, что основные корни социальной проблематики, связанных с социализацией личности находятся не на “поверхности”. Комбинация текущих мероприятий по профилактике отклонения в поведении правонарушителей наглядно свидетельствует не столько об отсутствии материальных или иных средств, сколько об отсутствии целостной концепции. И это невольно проявляется в постоянных попытках найти оправдание, а так же в попытках “сокрытия” фактов признания, что на рецидивный беспредел расходуется и требуется гораздо больше средств и усилий, чем на профилактику правонарушений.

Из анализа сложившихся в Республике Казахстан, криминогенных обстоятельств среди несовершеннолетних видно, что по существу указанных проблем до настоящего времени не было осуществлено объективной их переоценки с учетом действительной, реальной ситуации. Компетентные органы и должностные лица, в лучшем случае ограничиваются констатацией негативных отклонений, что и без того не новость не только для специалистов, но и для широкого круга субъектов.

Поэтому и появляется смысл в новом прочтении сложившейся ситуации и формировании реальных рычагов преодоления негативных проявлений в поведении личности.

1.4. Причины конфликтов и социальных отклонений в неправомерном поведении административных делинквентов

В отличие от традиционных подходов в определении личности правонарушителя, как совокупности социально-политических, психологических и физических признаков лица, В. Н. Кудрявцев и другие специалисты, исследующие данную проблему, выделяют следующие элементы структуры личности:

- 1) социально-демографическая и правовая характеристика;
- 2) нравственно-психологическая характеристика;
- 3) социальное поведение.

С подобной структурой личности можно согласиться лишь с той вероятностью, что она (характеристика) исходит из сложившегося типологического портрета правонарушителя. Возможно, такая типология уместна при социальной коррекции сформировавшегося стереотипа, а как быть с личностью, совершающей административные проступки незначительной общественной опасности: неслучайно педагоги и криминологи, исследующие причины, уголовных преступлений, находятся в состоянии постоянных попыток разобраться в коллизиях, отклонениях обыденного сознания.

Причинные объяснения негативных явлений постоянно привлекали внимание исследователей. Но трудность заключалась в том, что в анализе и объяснении такого сложного явления как социальные отклонения и конфликт, авторы ориентировались или отдавали предпочтение какой-либо одной версии. В результате получили широкое хождение идеалистические, религиозные, монистические представления о причинах социальных отклонений и конфликтов. Среди научных данных, но недостаточно выверенных суждений, особое место занимает концепция материалистического объяснения причинности, как объективной формы всеобщего взаимодействия явлений. Такой подход, как отмечается в литературе, давал возможность намечать все осуществимые меры по предупреждению антиобщественных проступков. /54, 226/ Правда, вскоре обнаружилось, что детерминистская модель объяснения подобных явлений не способны учесть особенности внутреннего механизма поведения отдельной личности и целостных групп правонарушителей. Налицо выявлялось несоответствие между всеобщим и индивидуальным, т. е. между общественной и индивидуальной формами суждения.

Пытаться игнорировать имеющиеся расхождения между общественным и обыденным сознанием нет смысла. Обыденное сознание в своей непосредственности открывает реальный мир, в котором находится человек и его действия. Но эта обыденность (картины бытия) не есть ее зеркальное отражение, ее презентация в сознании.

Главная проблема заключается в том, чтобы понять сознание как субъективный продукт, как преобразованную форму проявления тех общественных по своей природе отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире. /55, 128/ Но в последние годы палитра общественного сознания резко изменилась, что подтверждается различными специалистами. /56/ Такая социальная переориентация необходима и применительна к обыденному сознанию. Категория интереса и политический штамп "пережитки в сознании людей" нуждаются в оценке более бескорыстной и лишенной классово-мифологических пристрастий.

Социологический портрет, выведенный на основании опроса несовершеннолетних правонарушителей, показал, что 60,6 процента из числа опрошенных хотели бы самоутвердиться и иметь все необходимое для нормальной жизни, но 38, 2 процента респондентов готовы достичь этого благополучия преступным путем. Пытаться это объяснить родимыми пятнами капитализма, значит не сказать ничего по существу. Ибо в мотивации поведения и в действия человека вплетаются преимущественно не устремленности, а потребности и своецентричные и

своевременные интересы. /57, 57/ Так как отношения вещной зависимости и типичное капиталистическое родимое пятно в определенной степени родственны, поэтому именно в период капитализации эти отношения захватили не только результаты деятельности, но и саму деятельность, из чего следует, что отношения вещной зависимости, формируют такое видение мира, в котором исчезает всякое принципиальное различие между природой и культурой, между миром вне человека и миром самого человека. /58, 159/

На основании указанных методологических выводов можно подчеркнуть, что:

1) личность не только возникает, но и сохраняет себя лишь в постоянном расширении сферы своих взаимоотношений с другими людьми и вещами, эти отношения опосредствующими; /59, 159/

2) но, в отличие от личности право ограничено в своих возможностях отзываться не только на социальные отклонения, но и на высоконравственные поступки.

Изложенное ставит перед исследователем дилемму: либо формировать основные положения административной деликтологии опираясь на кредо релятивистской этики (внутренней несвободы личности), либо попытаться сформировать такие институты административного права, которые способны обеспечить общественную сущность нравственной личности. Подобная неизбежность в исследовании объясняется тем, что теоретическое мышление не может отправиться в свой творческий путь, начиная с самого себя... оно вынуждено предварительно фиксировать свой предмет идеально как "мыслительную вещь", ...понимая ее как эмпирическую данную, как описание. /60/

Сами по себе подобные суждения не отвечают на сакраментальный вопрос: в чем причины неправомерного поведения? Они лишь характеризуют социальный фон, проецирующий возможные конфликты и их влияние на формирование несовершеннолетнего или же указывают на деформированность волевой сферы. /61/ Подобный социальный фон можно иллюстрировать различными примерами, например, отсутствием условий для творческого досуга, системы качественного образования и воспитания, профессиональной подготовки и условий для развития малых форм различного предпринимательства в процессе наблюдения за развитием которого выявляется не только игнорирование многих положений действующего законодательства по обеспечению создания организационных, правовых, финансовых условий занятости населения и предпринимательства, но и выявляется высокий удельный вес правонарушений среди органов, призванных способствовать развитию данного направления в деятельности нашего общества, что само по себе способствует повышению правонарушаемости со стороны предпринимателей. К сожалению, эти проявления в отклонениях поведения у предпринимателей, среди которых могут быть и несовершеннолетние, приобретают черты устойчивой тенденции и представляются в виде неуплаты налогов, предоставления недостоверных деклараций о доходах и так далее.

Нетрудно заметить, что устойчивость роста подобных явлений весьма динамична, что и предоставляет возможность с уверенностью констатировать, что неисполнение и ненадлежащее исполнение законодательных требований "поставило" данную ситуацию вне конструктивного контроля. Но как бы мы не "эксплуатировали" опыт, жизненные обстоятельства, они не могут быть причинами правонарушений. Тем более, неуместно "примерять" общую типологию личности преступников, совершающих уголовные преступления к правонарушителям, совершившим административные проступки.

В этом отношении криминология разделяет судьбу других гуманитарных наук: создание причин преступности прямо зависит от усвоения криминологией философской проблематики человека. /62, 128/

Авторы, исследующие проблемы развития личности, отмечают, что в каждом периоде жизни человека можно выделить не только типы "воспроизводящей" линии развития (Л. С. Выгодский,

А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), но и возрастные границы, связанные с переходами от предметно — манипулятивной к учебной, и общественно-полезной деятельности (в основании человеческой деятельности лежат отношения соподчиненности человеческой деятельности, порождаемые ходом их развития) /63, 188/, и психолого-возрастные закономерности перехода от одних типов и форм деятельности к другим. Возможности и особенности деятельности несовершеннолетнего в том или ином периоде жизни определяются характером его взаимоотношений с другими людьми. То есть, критически воспринимая условия жизни, временные рубежи и психологические изменения в сознании личности, возникающие в результате социальных условий, можно преодолеть конфликтность личности, если удастся добиться доминирования созидательных начал. Но для того, чтобы добиться этого, необходимо соответствующим образом оформить общественно-значимые эталоны, т. е. воссоздания той идеальной формы общения, которая именуется культурой.

При этом феномен культуры понимается в широком социальном смысле. Именно на рубежах указанных обстоятельств могут проявляться конфликты, которые криминологи относят к деформации эмоционально-волевых характеристик (**несдержанность, грубость, лживость, жажда незаконной наживы в предпринимательстве** и т. п.) Эти конфликты, несмотря на разные формы их проявления, имеют свои "корни". Они связаны с культурно-всеобщим уровнем развития личности и универсально-бытийственным благополучием личности. Например, этические установки развития несовершеннолетнего, как правило, формируются под влиянием социальных институтов (школа, сферы жизнедеятельности и др.) и могут вступать в конфликты с экономическим эгоизмом, характерным для предпринимательства. В этом случае, если этические начала пытаются удержать личность в рамках всеобщих требований, то стремление в обеспечении собственного материального благополучия может быть реализовано путем удовлетворения потребностей, "выхода" за рамки требований, причем не всегда правомерным путем.

То есть, в одном случае личность, включаясь в предметно-чувственную деятельность, может оценивать свою деятельность и ее результаты как условие собственного развития, совершенствования и получать от этого моральное удовлетворение, то в другом случае, его утилитарно-потребительской взгляд ограничен адекватностью псевдосубъективного бытия. В первом случае соединяются сознание и деятельность, во втором — сознательность и "голый" активизм, где нет места саморазвитию. /64, 131—132/

Подобные социальные издержки могут быть основами не только типологических признаков несовершеннолетнего, склонных совершать административные проступки, но и условиями формирующими негативные привычки и навыки антиобщественного поведения. Социологические и криминологические исследования показывают, что деформации в образе жизни человека могут отрицательно повлиять на его поведение, по меньшей мере, в следующих направлениях:

- а) оказаться источником конфликтов;
- б) вызвать отклонение от тех нравственных социальных ценностей, которые характерны для общества;
- в) ослабить социальный контроль;
- г) затруднить реализацию законных возможностей, которые отвечают интересам субъекта. /65, 236/

Если, например, материально слабо развитые предприниматели с незначительными финансовыми и другими ресурсными возможностями, "куражась", пытаются приспособиться к требованиям эталонной группы "крутых" предпринимателей и следовать их групповой морали, что на наш взгляд имеет свои объяснения, поскольку речь идет о формирующемся "криминальном предпринимательском" сознании, когда законодательные запреты рассматриваются как формальные, а групповые нормы рассматриваются как нормы закона, вызывающее неподдельное

уважение и обязанность подчинения им, то возникает “необузданное” стремление добиться своего признания, во что бы то и не стало, в качестве “делового” партнера в эталонной группе. И это стремление зачастую и является той конфликтной средой, порождающей отклоняющее поведение. Безусловно, подобные оценки неуместны применительно к правонарушителям, совершившим административные проступки, но они столь существенны, что игнорирование ими создало бы трудности в исследовании подобных девиаций. И причина не столько в том, что проступок как противоправное, виновное действие (бездействие) имеет меньшую общественную опасность и нет необходимости “криминализировать” административную ответственность.

Тем более, что не все члены общества имеют четкое представления об объектах и границах административного правонарушения. Очень часто, в обыденном сознании, понятие “правонарушение” ассоциируется с понятием “преступление”. К тому же, для многих субъектов различных отношений порядок управления — это явление, имеющее отношение к чиновникам, служащим, государственным органам. Объясняется это тем, что в целом по республике, среди широких слоев населения, очень незначительна степень правового образования, низка правовая культура. Поэтому, сегодня существует настоятельная необходимость в культивации правовых знаний и их внедрения во все сферы человеческой деятельности, необходима подробная информация о разного рода административных распоряжениях, особенно о запретах, о которых должен знать каждый. Если такие нормы известны, скажем, только полиции, можно ли требовать от граждан их соблюдения?

И хотя в литературе проводится различие между “информационно-идеологическим” и “регулятивным” действием права (М. Ф. Орзих, Л. С. Явич), однако более убедительной представляется точка зрения, согласно которой право способно регулировать поведение только тогда, когда адресуется информация воспринятая и усвоенная личностью, мало того, когда она превращена в элемент правового сознания, ценностно-правовую ориентацию личности (Ю. В. Кудрявцев, М. Т. Баймаханов). /66, 62/

Не менее существенно и то, что административная ответственность устанавливается за нарушение правил, содержание которых многим обывателям неизвестно. Но если мы исходим из традиционного представления о правонарушении как посягательстве на те общественные отношения, которые закрепляются и охраняются законом и другими нормативными правовыми актами, то перед обществом и государством актуальна проблема по формированию правосознания несовершеннолетнего, начиная с первых классов получаемого им образования.

Однако значительная часть несовершеннолетних правонарушителей рассматривается окружающими как проявление незрелости, озорства и по этой причине о них не сообщается в правоохранительные органы, /67, 200/ но из этого не следует, что правонарушитель, его окружение, семья, должны оставаться вне поля зрения социальных служб.

Не думаю, что найдется оппонент, который станет утверждать, что правосознание следует формировать с деликтоспособного возраста с акцентом восприятия принудительного назначения права.

Формирование правосознания несовершеннолетнего очень сложный процесс. Причем эти сложности предопределяются возрастными социально-психическими уровнями и многоаспектностью правосознания. М. Т. Баймаханов рассматривает в этой связи отражение существующих общественных отношений и указание на способ воздействия на эти отношения, т. е. отражение правовых требований, позитивного права./68, 63—65/ В этой связи замечание Л. Р. Сюкиянена о природе правовой конфликтологии как возникающих противоречий между нормой, правосознанием и правоотношением уместно, так как данные конфликты подчеркивают процесс формирования правосознания./ 69, 22/ Эти конфликты могут быть обусловлены характером выполняемой функции (трудовой, учебной, административной). Исполняя эту функцию индивид переходит из гражданского общества в пространство официально — общественное. Или как подчеркивают психологи: “отображение социальной действительности в содержании сознания

всегда опосредствуются различными формами общественного сознания и его продуктами, усвоенными индивидуальным сознанием". / 70, 104/ В юридической литературе относительно недавно стали обращать внимание на проблемы юридических коллизий. Наиболее интересные суждения высказаны Н. А. Власенко, Ю. Кудрявцевым, В. Кудрявцевым, Ю. Тихомировым. Последний на основе собственных разработок отстаивает возможное формирование коллизионного права, которое хотя и сравнивается с административно-процессуальным законодательством, но несет ряд новых моментов.

Во-первых, коллизионное право рассматривается с позиции расхождения интересов, оценок участников правоотношений

Во-вторых, коллизионная ситуация может быть связана с углублением конфликта между сторонами, доходящая до противоборства. В нашем случае такие факторы как безответственное поведение личности, криминализация его сознания и отсутствие готовности строго следовать требованиям закона могут неизбежно привести к открытому противостоянию личности и правоохранительных структур существующей власти. /71, 721/

Но наш взгляд, подобная констатация — это лишь видная часть проблемы. Ценность правового нововведения и заключается в том, что оно не только фиксирует, констатирует события (поведение лица), но и дает возможность вникнуть в природу такого поведения. Суть конфликтности заключается в том, что общество, государственные институты, группы общения, семья и т. п. “предъявляют” сознанию несовершеннолетнего различные правовые требования и предписания, но проблема в том, что при этом никто не учитывает другую существенную проблему: насколько подготовлена к этому личность, и вообще готов ли он их воспринять и “включить” в индивидуальное сознание? А ведь это можно определить только на личностном уровне. Важно отметить, что у многих правонарушителей, как правило существует значительный интервал между осознанием (пониманием), адресуемых правовых требований и выбором реального поведения. При этом право наиболее реально может влиять лишь на правосознание, т. е. оно обладает действенной “силой”, когда личность развивается, осмысливая процессы правового регулирования. Нельзя также забывать и о том, что Конституция Республики Казахстан в статье 1 провозглашает положение о том, что “Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы”. В этой связи, учитывая социальные характеристики, важно выделить несколько принципиальных моментов:

— во-первых, право и другие институты в условиях утверждения правового государства лишь начинают способствовать формированию и освоению личностью новых правовых идей и воззрений;

— во-вторых, для того, чтобы правосознание личности стало носить социальный характер, личность должна реально, почувствовать заботу окружающих, в том числе и правоохранительных органов, осознавая при этом, что именно человек, его жизнь, права и свободы действительно для государства являются высшими ценностями;

— в-третьих, вся правоприменительная деятельность компетентных органов должна содействовать выработке восприимчивости к правовым требованиям и использованию последних в процессе выбора варианта поведения.

Очевидно, что представление о социальных нормах и запретах может основываться на некоторых закономерностях психики, но именно социальные условия и действительность, бытующая в определенных группах и приводит к фиксации или отражению норм в сознании. /72, 4/ В зависимости от того, какая личность и как она воспринимает нормы, может возникнуть отклоняющееся, противоправное поведение. /73, 24/ Причем это отклоняющееся поведение может предопределяться:

— отсутствием навыков к самоорганизации, о чем свидетельствуют утверждения криминологов, что в условиях системы, исповедующей идею сознательного подчинения личных интересов общественным и нормативного правопонимания, утрачивается способность к саморегулированию; /74, 3/

— неприятием социальной нормы и сознательное его игнорирование.

Так например, социологический опрос несовершеннолетних правонарушителей (353 подростка, находящихся в ВТК и 120 вышедших из них) показал, что 51,5 процента респондентов не считают, что действия, за которые их осудили, являются противоправными; 24,6 процента — согласились с юридической оценкой содеянного; 23,9 процента — затруднились ответить.

Исследованиями доказывается, что и среда осужденных порождает свои атрибуты, ритуалы, законы неформального общения, которые не соответствуют требованиям социальных норм. /75, 12—22/ И на этом "переходе" могут решающую роль играть следующие криминогенные обстоятельства:

— отрицательное влияние семьи при наличии дефектов семейного воспитания (образ жизни, ценностей семьи, членов семьи, способы получения доходов и др.);

— отсутствие хотя бы частичной возможности удовлетворять необходимые ежедневные материальные потребности;

— отрицательное влияние окружения, социальной среды на микроуровне;

— подстрекательство со стороны взрослых на путь антиобщественного поведения;

— отсутствие полной занятости взрослого населения, отсутствие возможности трудоустроиться по специальности или трудоустроиться вообще и так далее;

— поклонение развлечениям и игнорирование творческих форм досуга.

Классификация указанных причин выверена на основании обобщений статистики "преступности", изучения судебной практики Республики Казахстан и выводов других специалистов.

Есть основания полагать, что эти причины не должны рассматриваться как фатальная неизбежность. Они должны приниматься во внимание, а против соответствующих негативных правовых последствий можно и нужно принимать более решительные социально-профилактические и правовые меры. При этом не следует переоценивать функциональную миссию права. Функция права, диктуется ее природой, не допустить трансформации поведения в правонарушение. /76, 40/ Но право не способно навязать личности нравственные цели и мотивы поведения. Например, по данным Министерства юстиции Республики Казахстан значительная часть административных и уголовных правонарушений выпадает на хищение имущества. В отличие от ранее действовавшей редакции статьи 52 кодекса об административных правонарушениях Казахской ССР, новый кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан делает существенный акцент на мелкое хищение чужого имущества, т. е. субъекту изначально дается представление о том, что это имущество не его, что оно не принадлежит ему на праве владения, пользования и распоряжения. Правовая норма может попытаться удержать личность от неправомерного поведения и не более того. Или в качестве примера можно взять статьи нового кодекса об административных правонарушениях, которые исключают наступление административной ответственности за административное правонарушение в отношении лиц, действовавших в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны. /77/

Но, констатируя те или иные причины правонарушений, важно выделять их в общем контексте

социальных отклонений. То есть, не следует торопиться давать им юридическую оценку и тем более вершить правосудие. И подобный подход — не увлечение гуманистическими идеями и попытка уйти от суровой реальности. Например, внутрисемейный конфликт может “заставить” совершить правонарушение, но так же он может, по мнению психологов, привести и к самоубийству. Анализ подобных проблем крайне необходим для взвешенного подхода, к выработке правовых рекомендаций. В этой связи уместно вспомнить высказывание Ф. Энгельса о том, что социальные бедствия нельзя отменить так, как отменяют королевскую власть или привилегии. Социальные бедствия не поддаются лечению посредством Народной хартии” /78, 579,642/.

Рассматривая динамику правонарушений, можно отметить, что отдельные правонарушения, выделяя их из массы, подчеркивают структуру индивидуального поведения (ценности, нормы, отношения). Это разграничение позволяет выделить единичный факт, деяние и дать ему оценку. А в другом случае подобные оценочные суждения можно применить и к группе явлению, которые могут быть как причиной, так и следствием отклонений.

Именно группа явлений может быть урегулирована правом, т. к. в подобных случаях можно проследить возникающие причины (противоречия) отклонений в поведении.

В целом для отклоняющего поведения, как соответствующему явлению, характерны:

— общность признаков (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, Алматы, 2001 г.) у сходных (возрастных, социальных) групп;

— сходство причин, в силу которых действия несовершеннолетнего как бы повторяются и их социальная агрессия направляется против других;

— повторность, устойчивость подобных отклонений или противоправных действий.

Таким образом, принимая во внимание административно-правовой характер многих проступков, можно сделать вывод о том, что отклонения в поведении от требований социальных (морали, обычаев, традиций) и юридических норм характеризуется массовостью, устойчивостью, повторяемостью при сходных условиях.

Динамика существующих статистических данных подчеркивает зависимость колебаний правонарушаемости от особенностей социальных и иных условий, при наличии которых проживает правонарушитель, что и обуславливает специфику отклонений. Было бы логично, что бы законодатель, опираясь на выводы теории и практики, апробировал бы “эшелонированный или многоступенчатый подходы” в выборе мер воздействия в зависимости от социальных условий и степени тяжести совершенных проступков.

При рассмотрении этапности развития конфликта, необходимо определить его временные границы — начало и окончание.

Начало конфликта в основном фиксируется в виде первых актов противодействия. Для признания конфликта начавшимся, требуется три совпадающих условия:

— первый — участник сознательно и активно действует в ущерб другому участнику (под действиями понимается как физическое движение, так и передача информации);

— второй — участник (оппонент) осознает, что указанные действия направлены против его интересов;

— третий — в связи с этим оппонент предпринимает ответные действия против первого участника.

Если одна из взаимодействующих сторон предпринимает агрессивные действия, а вторая занимает пассивную позицию, то конфликта нет. Так же конфликт отсутствует, когда одна из сторон замысливает конфликтное взаимодействие, то есть, совершает мысленные, а не поведенческие действия.

Окончание конфликта так же имеет различные формы и исходы. Однако в любом случае речь идет о прекращении конфликтной ситуации. В динамики конфликта выделяют следующие этапы¹.

Латентный период (предконфликтный) включает четыре этапа.

Сущность такой ситуации состоит в возникновении противоречия между субъектами (их целями, мотивами, действиями, стремлениями и т. п.). Многие проблемные ситуации существуют длительное время, не проявляя себя.

Осознание хотя бы одним из субъектов своих интересов в этой ситуации. Интересы могут быть ложно понятными, искаженными, либо реальными, и объективными, но без их осознания, дальнейшая борьба не имела бы основания. Чем сложнее ситуация и чем быстрее развивается, тем больше вероятность ее искажения оппонентами. Для этого этапа характерны с точки зрения психологии, становления подростка как личности, самоутверждение, формируется собственный мир ценности и интересов, которые ставятся выше общепринятых.

3. Осознание противоречивой ситуации не всегда влечет конфликтное противодействие сторон. Часто субъекты конфликта, или один из них пытается решить проблему неконфликтными способами (убеждение, разъяснение, просьбами, уступками). Но стороны в любом случае аргументируют свои интересы и фиксируют позиции.

4. Конфликтность воспринимается как наличие угрозы безопасности одной из сторон взаимодействия. Именно ощущения угрозы способствуют развитию ситуации в сторону конфликта, и обуславливает конфликтное поведение.

К *открытому периоду* относятся:

Инцидент представляет собой первое столкновение сторон, пробу сил, попытку с помощью силы решить проблему в свою пользу. Среди несовершеннолетних это является главной причиной совершения проступка.

Эскалация заключается в резкой интенсификации борьбы оппонентов. Под эскалацией (от лат. *scala* — лестница) понимается прогрессирующее во времени развитие конфликта, обострение противоборства, при котором последующие разрушительные воздействия оппонентов друг на друга выше по интенсивности, чем предыдущие. Эскалация конфликта характеризуется следующими признаками: служением когнитивной сферы; вытеснением адекватного восприятия другого образа врага; ростом эмоционального напряжения; переходом от аргументов к претензиям и личным выпадам; расширением границ конфликта; увеличением числа участников; применением насилия. Например, в малых группах неформальные объединения, несовершеннолетние единомышленники, объединяясь, выражают свои отношения к окружающему обществу в основном путем насилия, неадекватного поведения, пытаясь показать свою независимость, самостоятельность, таким образом, демонстрируя свой протест.

Стороны продолжают конфликт, но интенсивность борьбы снижается и способствует прекращению конфликта по любым причинам. Основные формы завершения: разрешение, урегулирование, затухание или перерастание в другой конфликт.

Послеконфликтный период включает два этапа. К первому этапу относится частичная нормализация отношений к партнеру. Ко второму этапу относят полную нормализацию отношений, этому способствует преодоление негативных установок, установление доверия.

Динамика конфликтов зависит от циклических изменений характера совместной деятельности в течение года.

1.5. Характерные черты и структурные особенности административных правонарушений

В связи с основной тенденцией преступности — ее интенсивного роста, обгоняющего прирост населения, особое значение принимает изучение тенденций административной правонарушаемости, как некоего репрезентативного предвестника преступности. По своей общественной опасности правонарушение является серьезным шагом в направлении, к преступному поведению. Рост правонарушаемости в обществе приводит к существенным негативным сдвигам в правосознании населения в целом, приближая и подталкивая к преступному поведению не только тех, кто уже переступил ту или иную норму закона, но и всех других, поскольку планка правового поведения в массовом осознании реалий снижается практически для большинства граждан./79, 153—154/ Столь явно выраженная криминогенная характеристика социальной жизни стран Содружества СНГ на новом уровне актуализирует проблему изучения преступлений и административных правонарушений, являющихся по своей криминогенной сути основаниями применения мер правового принуждения. Поэтому, вопросы об основаниях административной ответственности постоянно находятся в центре внимания административистов (Д. Н. Бахраха, В. А. Власова, И. А. Галагана, Т. Д. Даубекова, Е. В. Додина, М. И. Еропкина, Ю. М. Козлова, В.М. Манохина, В. С. Сорокина, О. М. Якубы, А. А. Таранова и других), но в то же время, анализ признаков административных правонарушений и динамика их развития изучены недостаточно. Зарубежный опыт так же подтверждает многообразие административных проступков и их различных дефиниций, нашедших свое отражение в нормативно-правовых актах и правилах. /80/

В правовой науке и в административной практике наиболее устойчивыми оказались понятия административного правонарушения и административной ответственности. Если в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Каз. ССР от 22 марта 1984 года под *административным правонарушением (проступком) признается посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность*, то в соответствии с новым кодексом Республики Казахстан от 30 января 2001 года, *административным правонарушением признается противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие физического лица или противоправное действие либо бездействие юридического лица, за которое Кодексом об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность*.

Как видно из вышесказанного, статья Кодекса об административных правонарушениях Казахской ССР, содержащая дефиницию административной ответственности, значительно устарела и нуждалась в существенной корректировке. Особенно это касалось дефиниций объекта противоправного действия (бездействия), прежде всего понятий “социалистическая собственность” и “законодательство”./81, 28/ Но так или иначе, в течении почти десяти лет с момента развала Союза ССР, на территории республики действовал этот Кодекс по своему определяя и трактуя понятия "социалистической собственности" и "законодательства".

В условиях сегодняшнего дня, в Республике Казахстан культивируются многообразные формы собственности. Если в период СССР частная форма собственности идеологией всячески игнорировалась и попиралась, то сегодня она имеет такой же правовой статус, как и государственная форма собственности, следовательно, признается государством и имеет соответствующую правовую защиту и гарантию. Законодательное отражение оно нашло в статье 6 Конституции Республики Казахстан, в соответствии с которым “в Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность.

Собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу. Субъекты и объекты собственности, объем и пределы осуществления собственниками своих прав, гарантии их защиты определяются законом”./82, 5—6/ Более того, в соответствии с новым действующим законодательством установлено многообразие форм право собственности и на

земельные участки. Как известно до 1995 года, со времен существования СССР земля практически находилась в исключительной собственности государства. Сегодня, в связи с принятием нового закона Республики Казахстан “О земле” от 24 января 2001 года № 152—II ЗРК, в соответствии с пунктом 1 статьи 15 которого “в Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность на землю”.¹

При истолковании категории “законодательство”, следует иметь в виду, что ныне действующий кодекс об административных правонарушениях не указывает, какая конкретно разновидность законов, установленных Конституцией имеется в виду: конституционные или обычные. /83, 28/ Однако часть 2 статьи 44 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан констатирует, что административное взыскание применяется в целях восстановления социальной справедливости и воспитания лица, совершившего правонарушение, в духе соблюдения требований законодательства и уважения правопорядка, а так же предупреждения совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Учитывая, что совершение административных правонарушений несовершеннолетними представляет собой безусловное правовое основание для применения государственных карательных санкций, и руководствуясь статьей 39 Конституции Республики Казахстан, гласящей, что “права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного правопорядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения” полагаем, что административная ответственность может быть введена, как на основании конституционного, так и на основании обычного закона составляющего текущее законодательство Республики Казахстан.

Исходя из вышесказанного, следует еще раз напомнить, что в Республике Казахстан, длительное время действовал Кодекс об административных правонарушениях Казахской ССР принятый на восьмой сессии Верховного Совета Казахской ССР десятого созыва 22 марта 1984 года, что и создавало трудности в его практическом применении и в теоретическом толковании. Адаптированный к социалистической системе общественных отношений данный кодекс не всегда объективно отражал реалии существующей действительности, хотя на основании указанных причин в республике, начиная с 1991 года, постоянно воспринимались различные меры по устранению данных недостатков. Вот как об этой проблеме в то время писал В. И. Григорьев: “Вся правовая система претерпевает существенные изменения вместе с преобразованием общества. Административное право, как элемент правовой системы нашего государства не может не учитывать переживаемого Казахстаном переходного периода. Для удовлетворения потребностей данного периода значительно активизировалась правотворчество в области административного права. Так с момента получения суверенитета разработано и принято значительное количество административно — правовых норм. В первые же дни получения суверенитета была отменена статья 165 кодекса об административных правонарушениях Казахской ССР (мелкая спекуляция), поскольку наличие этой статьи являлось заслоном на пути к рынку, к ведению предпринимательской деятельности. И самым важным событием, в правотворчестве административного права, было принятие постановления высшим органом законодательной власти о создании рабочей группы по разработке проекта (нового, выделено мной: Б.Ж.) Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан”, и далее “все варианты проекта представлялись в Парламент. Время шло, вполне закономерно, менялась в стране политическая и социально — экономическая ситуация. Мы исследовали происходящие изменения и вновь вносили поправки в проект... в общей сложности разработали пять вариантов проекта... Но последний вариант несколько месяцев пролежав в Парламенте был возвращен в Министерство юстиции без достаточных на то оснований. То есть в течение 7-летнего своего суверенитета мы продолжаем пользоваться Кодексом об административных правонарушениях Казахской ССР... Все это вносит трудности как в административно — юрисдикционную работы правоохранительных органов, так и (в) теоретическую и учебную работу”. /84,37/

Как видно из сказанного, в соответствии с мнениями специалистов, в Республике Казахстан были созданы все предпосылки для принятия нового Кодекса об административных правонарушениях,

тем более, что к этому времени многие виды новых кодексов в республике были приняты: “Гражданский Кодекс Республики Казахстан”, “Уголовный Кодекс Республики Казахстан”, “Уголовно — исполнительный Кодекс Республики Казахстан”, “Уголовно — процессуальный Кодекс Республики Казахстан” и так далее.

Проблема издания нового кодекса об административных правонарушениях порождала необходимость нового определения понятия административного правонарушения. Понятия, способную отражать рыночную конъюнктуру объективной действительности. и это понятие должно охватывать собой наиболее часто встречающиеся в юридической литературе основные признаки административного правонарушения, к которым в литературе принято относить противоправность, общественную опасность, виновность действия (бездействия), нарушающие общеобязательные административно-правовые нормы, и влекущие административную ответственность мерой выражения которых являются административные взыскания. И это определение, на наш взгляд, кодексом дано в соответствующей мере, в органичной взаимосвязи с наиболее распространенными в юридической литературе постулатами, где наиболее часто встречаются множество различных вариантов определения понятия административного правонарушения содержащих в своем составе различные признаки:

— одни ученые констатируют, что “административным правонарушением (проступком) признается посягающее на государственный порядок, частную, государственную, муниципальную и иные виды собственности, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или бездействие, за которое законом предусмотрена административная ответственность”; /85,29/

— другие считают, что “административное правонарушение — противоправное, виновное действие либо бездействие, нарушающее общеобязательные административно — правовые нормы и влекущие ответственность в виде административных взысканий”; /86,156—157/

— в кодексе Кыргызской Республике “Об административной ответственности” от 4 августа 1998 года в статье 9 указывается, что “административным правонарушением (проступком) признается противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или бездействие физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами Кыргызской Республики установлена административная ответственность”; /87, 5/

— иные полагают, что “административное правонарушение (проступок) есть посягающее на государственный или общественный порядок, собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управление противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность” /88,743/ и так далее.

Таким образом, логическая конструкция данного понятия содержит следующие основные признаки:

- а) общественную опасность;
- б) противоправность;
- в) виновность;
- г) административную наказуемость.

Указанные признаки административного правонарушения в новом определении правонарушения полностью даны.

Некоторые из признаков, характеризующие административное правонарушение считаются

бесспорными и классическими. В отношении других существуют и иные воззрения. Так, например, профессор А. А. Таранов в качестве одного из основополагающих признаков административного правонарушения выделяет “массовость, как признак характеризующий множественность проступков” и опускает признак “общественной опасности”, объясняя это тем, что “в правоприменительной деятельности “общественная опасность” употребляется как обобщающая категория, характеризующая тенденцию роста правонарушений (массовые, общественно опасные действия или бездействия в сфере дорожной безопасности и так далее). Но подобная оценка не применяется при квалификации отдельного конкретного проступка”. /89, 132/ В то же время существует масса и других различных проблем создающих определенные трудности. Одной из таковых является проблема, которая заключается в том, что, объект правонарушения как, например, государственный или общественный правопорядок связан с многочисленными общеобязательными правилами, что создает определенные трудности в выявлении состава правонарушения. На первый взгляд, существующие представления об объекте правонарушений могут вызвать трудности в понимании всего перечня общественных отношений, урегулированных нормами права и охраняемых мерами административной ответственности. В действительности все гораздо сложнее. Например, какие действия можно отнести к мелкому хулиганству, имеется ли исчерпывающий их перечень? Или можно утвердительно говорить о том, что действующие правила поведения, и порядок управления нарушаются вследствие неправомерных действий правонарушителя. В литературе определение объекта правонарушения является если не спорным, то во всяком случае, недостаточно проработанным.

В свое время осуществлялась творческая попытка придать целостное определение объекта правонарушения как нормального функционирования или возможность нормального функционирования общества, а групповым объектом — нормальное функционирование или возможность нормального функционирования отдельных социальных установлений в различных параметрах их общественного существования. Если исходить из того, что объектом могут выступать предписания, запреты, требования, то не следует забывать, что законодатель или иной орган далеко не всегда указывает, что конкретно запрещено. Подобная процедура больше известна уполномоченным должностным лицам, ибо она является составной частью их административно — процессуальных полномочий.

Административная ответственность за правонарушения, предусмотренные статьями особенной части кодекса об административных правонарушениях, наступает, если эти правонарушения по своему характеру не влекут за собой в соответствии с действующим законодательством уголовной ответственности.

Являясь актом волевого поведения, административное правонарушение содержит в своей сердцевине деяние, то есть действие либо бездействие.

Действие — активная форма поведения правонарушителя выраженная в невыполнении обязанности, законного требования, а так же нарушение запрета (нарушение правил охоты, неподчинение сотруднику ГАИ, рыбнадзора и т. д.).

Бездействие — пассивная форма поведения представленная в виде невыполнении обязанности, (невыполнение требований по рациональному землепользованию, невыполнение требований пожарной безопасности и т. д.).

Характеризуя признаки административного правонарушения, необходимо обратить внимание на следующее:

— **общественная опасность** по своей социальной значимости означает, что деяние является антиобщественным, причиняющим вред интересам граждан, общества и государства в целом. Является ли совершенное деяние общественно опасным, определяется законодательством, объясняется это тем, что не всякое антиобщественное деяние имеет отношение к содержанию признаков административного правонарушения. Нужно помнить, что многие однородные

административные правонарушения при их неоднократном повторении признаются преступлениями. В то же время степень общественной опасности является одним из основных критериев позволяющих дифференцировать правонарушения от преступлений. Учитывая, что степень общественной опасности, хотя и считается признаком всех правонарушений, необходимо помнить, что не всегда она может быть, зафиксирована в количественных параметрах (например, неявка по вызову в военный комиссариат; безбилетный проезд в общественном транспорте; уличная торговля в не установленных местах и так далее.) Подобная неопределенность понятия общественной опасности, с одной стороны вынуждает правоохранительные органы “закрывать глаза” на массу подобных правонарушений, а с другой стороны призывает акцентировать внимание на мерах воспитательного характера и на природу таких явлений (действий или бездействия), по меньшей мере, не пытаться юридизировать их. По этим причинам предлагалось заменить название кодекса об административных правонарушениях на кодекс “Социальных проступков”. /90, 24/ Подобная практика имеет место в Германии, где действует “Социальный кодекс”. Например, многие правонарушения против собственности, общественного порядка не зависят от состояния процветания общества, то есть они совершаются, как в развитых, так и в развивающихся странах. Следовательно, на явления подобного рода влияют социально — психологические факторы негативных явлений. То есть, в одном случае нравственно — духовный стержень удерживает личность от противоправных проступков, а в другом случае отсутствие подобного “стержня” “заставляет” личность воспроизвести попытку пожить за чужой счет.

Подводя итоги вышесказанному необходимо признать, что аргументированные доводы ученых (Б. М. Лазарев, О. М. Якуба, А. А. Таранов), вызывают определенные сомнения по вопросу отнесения “общественной опасности” к одному из определяющих признаков административного правонарушения, так как этот признак, по мнению указанных ученых, как квалифицирующий в большей мере используется при квалификации преступлений, нежели правонарушений;

— **противоправностью** признается совершение деяния, нарушающее нормы права. При этом указанные нормы права могут принадлежать совершенно другим отраслям права. Следует указать, что подобная ситуация является довольно распространенной для законодательства, устанавливающего уголовную и административную ответственность, когда нормы этих отраслей права выступают в качестве санкций, призванной обеспечить надлежащее исполнение норм других отраслей права. При этом наиважнейшим является то, что соблюдение соответствующих норм охраняется мерами административной ответственности. Деяние, не являющееся противоправным, не может образовать административного правонарушения и повлечь административную ответственность. Следует помнить, что деяние (действие, бездействие) только тогда признается административным правонарушением, когда нарушен соответствующий запрет установленный законодательством. Иначе говоря “нет правонарушения без указания на то в законе”. В то же время, противоречие рассматриваемого деяния с нормами права не дает оснований для признания его в качестве административного правонарушения. В связи с тем, что Республика Казахстан в своем рыночном развитии проходит стадию правовых реформ, и совершенствования административного законодательства возможны такие случаи, когда те деяния, которые сегодня признаются законодательством как противоправные, завтра могут лишиться этого качества, и наоборот, те деяния, которые сегодня не признаются в качестве противоправных в будущем могут быть признаны в качестве таковых. То есть, как это указывалось выше, те деяния, которые квалифицировались в советский период развития Республики Казахстан как мелкая спекуляция, сегодня в качестве таковых не признаются и исключены из кодекса об административных правонарушениях;

— **виновность** деяния характеризует психоэмоциональную реакцию лица к совершенному правонарушению, и это в конечном итоге означает, что деяние совершено умышленно, либо по неосторожности.

В соответствии с существующим законодательством административное правонарушение считается совершенным умышленно, если лицо, совершившее противоправное действие либо бездействие, осознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело наступление вредных последствий своего поведения и желало их или сознательно допуская

наступление этих последствий, либо относилось к ним безразлично.

Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия или бездействия, но без достаточных на то оснований легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно при должной внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Однако, следует иметь в виду, что при квалификации административного правонарушения форме вины особого значения не придается. Во всяком случае многие практические работники из правоохранительных органов твердо убеждены, что одного факта совершения административного правонарушения достаточно для того, что бы привлечь нарушителя административных запретов к ответственности. Более последовательно данная идея выражена во взглядах А. А. Таранова “наличие вины обязательный признак административного правонарушения, отсутствие вины исключает признания деяния административным правонарушением, но форма вины не имеет квалифицирующего значения. Она учитывается практически в тех случаях, когда административная ответственность за совершение определенного(ных) проступка(ков) выражена в относительно определенных мерах взыскания, например, при наложении взыскания за множественность проступков, основного либо дополнительного”. /91, 133/

Этому мнению способствует и то обстоятельство, что в соответствии с новым административным законодательством в качестве субъекта административного правонарушения выступает и юридическое лицо “психическое отношение которого к содеянному, и является содержанием виновности, что с позиции обыденного сознания воспринимается с трудом”. /92, 25/ Анализируя понятие “виновности” юридических лиц, уместно будет вспомнить высказывание А. И. Худякова: “Что же касается применимости категории “виновность” к юридическим лицам, что постоянно вызывает некоторое недоразумение у практических работников (“Каким образом организация может иметь психическое отношение к содеянному?” — задают они вопрос), то на этот счет юридическая наука уже давно нашла ответ в том плане, что действительно субъектами правонарушений могут быть не только люди, но и юридические лица. Однако, в конечном счете и эти виды правонарушений совершаются людьми — работниками организаций, из действий которых складывается как правомерная, так и противоправная деятельность юридических лиц, одновременно формируя представление о степени их виновности”. /93, 26/

Согласно взглядов Н. С. Малеина: “нарушение права — правонарушение — определенное, не только чисто внешнее, но и внутреннее психическое, а именно отрицательное отношение нарушителя к правовому предписанию и охраняемому им интересу и, следовательно, субъективное виновное поведение. Вина предполагает осознание субъектом значения своих действий и их последствий не только как фактических обстоятельств, но и в смысле их общественно — опасного противоправного характера. При этом не требуется обязательного представления субъекта о нарушении им конкретной нормы права; достаточно, чтобы осознавался (должен осознаваться) общественно вредный (опасный) характер поведения”. /94, 16—17/ Из замечаний сделанных ученым можно сделать общий вывод о том, что невиновных правонарушений в принципе существовать не может, а по большому счету отсутствие вины констатирует факт отсутствия самого правонарушения;

— **административная наказуемость** означает, что административным правонарушением признается лишь то деяние, за которое законодательством устанавливается административная ответственность. Отсюда следует, что основанием административной ответственности является совершение административного правонарушения. Однако, это вовсе не означает, что предусмотренная в административном законе взыскание обязательно для исполнения во всех случаях совершенного административного правонарушения, а лицо совершившее административное правонарушение в обязательном порядке несет административную ответственность. Следует не забывать, что законодательством предусмотрен комплекс статейных положений, позволяющий акцентировать внимание на том, что лицо, совершившее

противоправное деяние имеет основания на освобождение от административной ответственности. Тем не менее, последнее положение не изменяет тезиса о наказуемости как об обязательном признаке административного правонарушения. Лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании законодательства, действовавшего во время совершения правонарушения. Временем совершения административного правонарушения признается время осуществления указанного деяния независимо от времени наступления последствий. Закон, отменяющий ответственность за административные правонарушения или смягчающий меру воздействия, имеет обратную силу, то есть распространяется на правонарушения, совершенные до вступления этого закона в силу. Закон, устанавливающий или усиливающий ответственность за административное правонарушение или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего правонарушение, обратной силы не имеет.

Таким образом, наказание это есть адекватная реакция компетентных органов и должностных лиц на совершенное правонарушение, это есть ответственность. Любая юридическая ответственность характеризуется тремя признаками:

- государственным принуждением;
- отрицательной оценкой правонарушения и его субъекта;
- наличием неблагоприятных для правонарушителя последствий, что и составляет сущность его наказания./95, 30/

Наложение административного взыскания на физическое лицо не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо, равно как и привлечение к административной ответственности юридического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо.

Анализ признаков административного правонарушения позволяет сделать выводы о том, что в научном понимании под понятием административное правонарушение признается — общественно опасное, противоправное, виновное действие либо бездействие, которое в результате нарушения общеобязательных норм права влечет за собой административную ответственность, представленную в виде административного взыскания.

Таким образом, под понятием административное правонарушение понимается общественно опасное, противоправное, виновное деяние, посягающее на общественный порядок, безопасность, здоровье, жизнь, права и свободы граждан, на собственность и порядок управления, за которое административным законодательством предусмотрена административная ответственность, мерой которой является административное взыскание.

Законодательное и доктринальное определение административного правонарушения указывает юридические и социальные признаки, присущие любому виду административного правонарушения. Эти признаки (противоправность, общественная опасность, виновность и наказуемость) позволяют дифференцировать неправомерное деяние, представленное в виде административного правонарушения, от других деяний противоправного характера, которые так же по существу являются правонарушениями или же преступлениями. Однако по указанным признакам в рамках всей совокупности возможных административных правонарушений нельзя ограничить одно конкретное правонарушение от другого, например, мелкое хищение чужого имущества, от другого административного правонарушения, допустим незаконного приобретения или хранения наркотических средств в небольших размерах. То и другое административное правонарушение обладает общественной опасностью, противоправностью, виновностью и наказуемостью, а значит всеми классическими признаками административного правонарушения.

Для того, что бы выделить внутри общей массы противоправных деяний конкретное правонарушение, например, мелкое хищение чужого имущества или нарушение правил

пользования энергией или газом в быту и так далее, существует особое понятие, понятие юридического состава административного правонарушения.

Понимание состава административного правонарушения необходимо в целях конкретизации правонарушения, его правильной квалификации, так как даже при наличии всех признаков административного правонарушения может отсутствовать его состав, что в конечном счете и создает препятствие в привлечении лица к ответственности (невменяемость, не достижение деликтоспособного возраста и т. д.). Следовательно, под составом административного правонарушения понимается совокупность установленных правом элементов, при наличии которых антиобщественное поведение может повлечь административную ответственность. Наиболее точное и детальное определение понимания состава административного правонарушения нашли отражение в работе А. Б. Агапова, который констатирует, что “состав административного правонарушения представляет собой совокупность элементов, характеризующих общественную опасность проступка, к ним относятся: содержание деликта (объективная сторона), психоэмоциональный статус участников (субъективная сторона и субъект состава), а также объект противоправного посягательства. /96, 33/

Не менее интересна и трактовка понимания состава административного правонарушения предлагаемая А. А. Тарановым: “ под составом административного правонарушения понимается совокупность установленных административным законодательством признаков, при наличии которых то или иное действие либо бездействие может быть признано противоправным, виновным и повлечь административную ответственность”. /97, 134/ Вывод ученого ценен и полезен тем, что создает возможные предпосылки в создании воззрения о том, что деяние только тогда считается административным правонарушением, когда оно содержит в себе все элементы состава административного правонарушения: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Любое запрещенное законодательством деяние, содержащее в себе элементы состава правонарушения, причиняющее вред личности, обществу или государству и влекущее административную ответственность, может быть воспринято в качестве правонарушения. Однако необходимо помнить, что понятия “правонарушение” и “состав правонарушения” не тождественны. Если правонарушение есть конкретное действие, совершаемое в объективной действительности, то состав правонарушения — всего лишь логическая модель, нормативная категория, закрепляющая типичные признаки, какого — либо деяния, отражающая его противоправную сущность. /98, 114/

Объект административного правонарушения

Объектом административного правонарушения являются общественные отношения, урегулированные нормами права и охраняемые мерами административной ответственности (законные требования, предписания, запреты, нормы).

Объект правонарушения — это не вещи, которые похищаются, не деньги, которые не возвращаются или не уплачиваются, не документы, которые подделываются, не человек, которого оскорбляют или избивают. Объектом правонарушения является соответствующее нарушенное субъективное право — право собственника на владение имуществом, право кредитора или продавца на получение денег, право государства на нормальное осуществление государственного управления, право человека на достоинство и личную неприкосновенность и так далее. /99, 484—485/

В юридической литературе различают общий, родовой, видовой, непосредственный и другие виды объектов административного правонарушения. Общим объектом правонарушения признаются общественные отношения, которые регулируются нормами различных отраслей права и охраняются административными взысканиями. Родовой объект правонарушения представляет собой — группу общественных отношений, составляющих самостоятельную часть общего

объекта. Видовым объектом административного правонарушения являются группа общественных отношений, общих для ряда правонарушений одного рода. Под непосредственным объектом правонарушения подразумевается причинение вреда конкретному общественному отношению.

Объект является одним из обязательных элементов состава административного правонарушения, следовательно, в теории права не существуют безобъектные правонарушения, так как любое противоправное, общественно опасное, виновное и наказуемое деяние предусмотренное законодательством в качестве административного правонарушения, посягает на определенный объект, на общественные отношения. Поэтому правильное определение объекта административного правонарушения способствует реальному уяснению социальной и правовой природы противоправного деяния, форм и пределов административной ответственности за совершенное правонарушение. Круг общественных отношений охраняемых нормами административного права и могущими быть объектами административных правонарушений в значительной степени подвижен и находится в постоянной динамике в зависимости от исторических, политических, социально — экономических, правовых и иных условий бытующих в государстве.

Объективная сторона административного правонарушения

Объективная сторона состава административного правонарушения — это совокупность юридически значимых признаков характеризующих внешнюю сторону противоправного деяния и заключается в действии или бездействии (деянии), которая по своей сути является запрещенным административным правом, то есть это система предусмотренных нормами административного права признаков, характеризующих его внешние проявления.

Являясь стержнем объективной стороны административного правонарушения, деяния, характеризуя различные уровни поведения, лица, совершившего правонарушение, подразделяются на неоднократные, систематические, длящиеся и другие.

Длящиеся правонарушения представляют собой действие или бездействие, после совершения, которого длительно не исполняется правовая обязанность (неявка в военкомат, проживание без регистрации).

Продолжаемые — состоят из ряда одномерных неправомерных деяний, направленных на достижение единой цели и составляющих в своей совокупности единый проступок (нарушение правил учета и распределения доходов).

Повторность — совершение одним и тем же лицом в течение года однородного правонарушения, за которое оно уже привлекалось к ответственности.

Следует выделить, что к обязательным признакам объективной стороны административного правонарушения кроме противоправного деяния, относятся вредные последствия противоправного деяния, а так же причинная связь между деянием и его вредными последствиями.

Вредные последствия включают в себя тот ущерб, вред, который причиняется в результате противоправного деяния. Вредные последствия могут носить личный, имущественный либо иной характер, они различаются по степени тяжести. Иногда определить вид правонарушения, дать ему квалификацию возможно только в зависимости от наступивших последствий. Так, несоблюдение установленных правил по технике безопасности, охране труда, содержащихся в законе Республики Казахстан “Об охране труда”, могут повлечь за собой административную ответственность. С учетом тяжести наступивших последствий к правонарушителю могут быть применены различные виды административных взысканий представленные в качестве административного предупреждения, штрафа, лишения специального права, предоставленного данному гражданину и так далее.

Причинная связь — это такая связь между явлениями, в силу которой одно из них (причина) с необходимостью порождает другое (следствие). Здесь следует уяснить основное свойство данной характеристики, а в частности необходимость наступления последствий именно вследствие деяния. Возможны ситуации, когда, казалось бы налицо и противоправное деяние, и вредные последствия, однако причинной (то есть необходимой) связи между ними не будет.

Наличие объективной стороны административного правонарушения законодатель во многих случаях ставит в зависимость от времени, места, способа, характера совершения деяния, обстановки, совершения противоправного деяния в прошлом, его систематичности. Такие признаки получили название в литературе — факультативных признаков. Эти признаки имеют место в случае совершения любого вида правонарушения. В то же время они приобретают юридическое значение не во всех случаях, а именно тогда когда указаны в гипотезе соответствующей нормы и лишь в этом случае они приобретают квалифицирующее значение.

Субъект административного правонарушения

Субъектом административного правонарушения является то лицо, которое совершило правонарушение. Согласно, действующего законодательства, субъектами административного правонарушения признаются физические и юридические лица, наделенные соответствующей право- и дееспособностью, деликтоспособностью, вменяемостью.

Понятие физическое лицо не всегда должно восприниматься однозначно и это объясняется тем, что данное понятие комплексное и совокупное. Среди физических лиц различаются граждане, лица без гражданства, иностранцы, порядок привлечения которых к административной ответственности которых имеет существенные особенности, что отражено в действующем законодательстве.

Понятие физическое лицо охватывает широкий круг различных категорий лиц, признаваемых субъектами административного правонарушения, с учетом особенностей их правового положения, выполняемых профессиональных, социальных функций, состояния здоровья, принадлежности к различным общественным объединениям и так далее.

Для отдельных категорий лиц эти факторы обуславливают дополнительные основания для административной ответственности, для других ограничение применения ее мер. /100, 277/

Немало дискуссий и различных толков вызывает, установленное законодательством признание в качестве субъектов административного правонарушения юридических лиц, о чем мы уже говорили выше и продолжим эту тему в части данной работы посвященной административной ответственности юридических лиц.

Среди признаков субъекта административного правонарушения различаются общие и специальные субъекты.

Общими признаками субъекта административного правонарушения признаются такие признаки, которыми должно обладать любое лицо, привлекаемое к ответственности. К ним относятся вменяемость и достижение 16-летнего возраста. Существуют такие случаи, когда общих признаков оказывается недостаточно для привлечения лица к ответственности за совершенное административное правонарушение, необходимо наличие установленных законодательством специальных признаков объективно характеризующие субъекта.

Специальные признаки подразделяются на три основные группы и отражают:

1. Особенности труда, служебного положения (должностное лицо, капитан, работник предприятия торговли и т. д.).
2. Прошрое противоправное поведение (лицо, находящееся под административным надзором,

злостный правонарушитель и т. д.).

3. **Иные особенности правового статуса граждан (военнообязанный, иностранец и др.).** /101, 37/

Если норма права не содержит специальных признаков субъекта, то к ответственности по ней может привлекаться любое лицо, обладающее общими признаками субъекта административного правонарушения.

Субъективная сторона правонарушения.

Под субъективной стороной административного правонарушения понимается совокупность признаков, характеризующих психическое отношение лица к содеянному правонарушению, сердцевиной которой является вина, выраженная в форме умысла либо неосторожности. Следовательно, вина — основной признак субъективной стороны административного правонарушения. При отсутствии вины, то есть без осознания противоправного характера своего поведения и его последствий, не будет и административного правонарушения.

Наряду с обязательными признаками субъективной стороны административного правонарушения, которыми являются умысел и неосторожность, существуют и иные, факультативные признаки, которыми являются мотив совершенного правонарушения и цель, которую преследовал правонарушитель, совершая противоправное деяние. “Мотив — это то, что обуславливает стремление человека к данной, а не к какой — ни будь иной цели...” /102/. “Мотив означает побуждение человека к деятельности” /103/. “Более или менее адекватно осознанное побуждение выступает как мотив” /104, 542 /. Наиболее полное отражение понимания мотива правонарушения находит выражение в формулировке известного криминолога К. Е. Игошев: “Мотив преступного поведения можно определить как сформировавшееся под влиянием социальной среды и жизненного опыта личности побуждение, которое является внутренней непосредственной причиной преступной деятельности и выражает личностное отношение к тому, на что направлена преступная деятельность”. /105, 66/ Следовательно, под мотивами административного правонарушения понимаются те внутренние побуждения, которые двигали субъектом противоправного деяния при совершении определенного правонарушения.

Цель правонарушения возникает на основе противоправного поведения. *Цель правонарушения* — это мыслительная модель того результата, которого стремится достигнуть субъект при совершении административного правонарушения. Взятые в совокупности цель и мотив административного правонарушения порождают предпосылки, в результате которых “рождается вина как определенная интеллектуальная и волевая деятельность субъекта, связанная с совершением правонарушения и протекающая в момент его совершения”. /106, 142/

Подводя итоги всему вышесказанному, следует еще раз подчеркнуть, что только при наличии состава административного правонарушения, лицо, его совершившее может быть, привлечено к административной ответственности, а каждый элемент состава административного правонарушения, предусмотренный нормами права, носит обязательный характер и должен присутствовать при квалификации любого деяния определяемого в качестве административного правонарушения.

Изучаемая юридическая конструкция — “состав административного правонарушения”, есть система элементов административного правонарушения, взятые в единстве его объективной и субъективной стороны, необходимых и достаточных для возложения юридической ответственности на физическое либо юридическое лицо за совершенное административное правонарушение.

1.6. Особенности административной ответственности несовершеннолетних

Одним из составляющих элементов комплексного явления и емкого понятия социального контроля, за развитием и поведением несовершеннолетнего является административная ответственность, применяемая к несовершеннолетнему в случаях совершения им административного правонарушения.

Административная ответственность несовершеннолетних правонарушителей наступает с 16 летнего возраста. На несовершеннолетнего, совершившего административное правонарушение, может быть наложено административное взыскание либо к нему могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия. В соответствии статьи 542 “Комиссии по защите прав несовершеннолетних” Кодекса об административных правонарушениях, районные, городские, районные в городах комиссии по защите прав несовершеннолетних правомочны, рассматривать дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними. Следовательно, к лицам, совершившим административные правонарушения в возрасте от 16 до 18 лет, кроме мер предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях применяются также меры, предусмотренные Положением о комиссиях по защите прав несовершеннолетних.

Несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет могут подлежать административной ответственности на общих основаниях в случаях, прямо предусмотренных законодательными актами Республики Казахстан.

Таким образом, административная деликтоспособность наступает с шестнадцатилетнего возраста, однако новым Кодексом об административных правонарушениях Республики Казахстан, с учетом характера совершенного правонарушения и личности правонарушителя, несовершеннолетние за совершение отдельных видов административных правонарушений могут быть привлечены к административной ответственности по достижении четырнадцатилетнего возраста. К числу таковых относятся деяния признаки, которых подпадают под квалификацию составов следующих административных правонарушений:

— мелкое хулиганство или хулиганство, предусмотренное частью первой статьи 257 Уголовного кодекса Республики Казахстан, совершенное несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, влечет штраф на родителей или лиц их заменяющих, в размере от одного до двух месячных расчетных показателей (статья 331 КоАП РК);

— стрельба из огнестрельного и газового оружия, а также из оружия кустарного производства или приспособленного оружия в населенных пунктах и в не отведенных для этого местах, нарушающая покой граждан и установленный порядок, взрыв специальных и кустарного производства пиротехнических устройств в населенных пунктах и в не отведенных для этого местах, нарушающий покой граждан, установленный порядок и не повлекший причинение крупного материального ущерба, совершенные несовершеннолетними в возрасте до шестнадцати лет, влекут предупреждение или штраф на родителей или лиц, их заменяющих, в размере до двух месячных показателей с конфискацией пиротехнических устройств (статья 332 часть 3 КоАП РК);

— нарушение тишины в ночное время (с 23 до 6 часов утра), препятствующее нормальному отдыху и спокойствию граждан, совершенные несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, влекут предупреждение или штраф на родителей или лиц, их заменяющих в размере до одного месячного расчетного показателя (статья 334 часть 2 КоАП РК);

— появление в общественных местах в пьяном виде несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет, а равно распития ими спиртных напитков, влекут штраф на родителей или лиц, их заменяющих, в размере до одного месячного расчетного показателя (статья 337 КоАП РК);

— надругательство над памятниками истории и культуры или природными объектами,

охраняемыми государством, если это действие не имеет признаков уголовно наказуемого деяния, также надругательство над местами захоронения людей, совершенные несовершеннолетними в возрасте до шестнадцати лет,— влекут штраф на родителей или лиц, их заменяющих, в размере до десяти месячных расчетных показателей (статья 341 КоАП РК);

— умышленное повреждение телефонов — автоматов, совершенные несовершеннолетними в возрасте до шестнадцати лет, влекут штраф на родителей или лиц, их заменяющих в размере до десяти месячных расчетных показателей (статья 500 КоАП РК) и т. д.

Как видно из выше перечисленных статейных положений Кодекса об административных правонарушениях, законодатель вынужден применять меры административной ответственности к лицам, четырнадцатилетнего возраста в то время, как по существующему общему правилу административная деликтоспособность, как это указывалась нами ранее, наступает с шестнадцати лет. В указанных случаях одной из распространенных мер административной ответственности является штраф, налагаемый на родителей, или на лиц, их заменяющих. Отсюда следует, что нельзя ни в коей мере упускать из вида то положение в соответствии, с которым авторитетность воздействия семьи и других малых групп зависит от прочности связей индивидуума к данной малой группе. И поскольку семья ответственна за первичную подготовку детей к жизни в обществе, то на наш взгляд, также вполне правомерны действия законодателя устанавливающего нормативно обеспеченную возможность по привлечению родителей к ответственности за невыполнение родителями или лицами их заменяющими обязанностей по воспитанию детей (статья 111 КоАП РК).

Отсюда вполне понятным становится идея, высказанная Президентом страны в плане укрепления института брака и семьи: "Если мы хотим быть высоко моральным обществом, то должны усилить ответственность супругов друг перед другом, а главное перед детьми."/107/

При всем при этом немаловажное значение в борьбе с правонарушаемостью несовершеннолетних делинквентов имеет проблема совершенствования механизма привлечения правонарушителей к административной ответственности. К тому же, в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях, сама процедура наложения административного взыскания на несовершеннолетнего правонарушителя имеет ряд специфических особенностей, смысл которых выражается в следующих положениях:

— во-первых, возраст, признаваемый законодательством как несовершеннолетие, в соответствии статьи 61 Кодекса об административных правонарушениях является одним из обстоятельств, смягчающих ответственность за административное правонарушение;

— во-вторых, органом либо должностным лицом привлекающим несовершеннолетнего правонарушителя к административной ответственности учитываются и иные смягчающие ответственность обстоятельства к числу которых относятся: раскаяние виновного; предотвращение им вредных последствий правонарушения, добровольное возмещение ущерба или устранение причиненного им ущерба; совершение административного правонарушения под влиянием сильного душевного волнения либо при стечении тяжелых личных или семейных обстоятельств; совершение административного правонарушения в результате физического или психического принуждения; совершения административного правонарушения при нарушении условий правомерности необходимой обороны и так далее;

— в-третьих, органом либо должностным лицом, привлекающим несовершеннолетнего правонарушителя к административной ответственности, учитываются, и те обстоятельства, которые в соответствии с законодательством признаются в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность за совершенные административные правонарушения: продолжение противоправного поведения, несмотря на требование уполномоченного на то лица, прекратить его; повторное в течении года совершение однородного административного правонарушения, за которое лицо уже подвергалось административному взысканию, за которое не истек срок;

привлечение к совершению административного правонарушения лиц, которые заведомо для виновного страдают тяжелым психическим расстройством, либо лиц, не достигших возраста с которого наступает административная ответственность; совершение административного правонарушения, по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое правонарушение или облегчить его совершение; совершение административного правонарушения в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного; совершения административного правонарушения группой лиц; совершение административного правонарушения в условиях стихийного бедствия или при других чрезвычайных обстоятельствах;

— в-четвертых, судья, орган (должностное лицо), рассматривающий дело об административном правонарушении, может признать смягчающими обстоятельства не указанные непосредственно в законодательстве, а также, в зависимости от характера административного правонарушения может не признать в качестве отягчающего какое либо обстоятельство указанное непосредственно в законодательстве.

— в-пятых, несовершеннолетний возраст как смягчающее обстоятельство учитывается в совокупности с другими смягчающими или отягчающими обстоятельствами;

— в-шестых, несовершеннолетний, впервые совершивший административное правонарушение, может быть освобожден органом (должностным лицом), уполномоченным рассматривать дело об административных правонарушениях, от административной ответственности или от исполнения назначенного административного взыскания с применением к нему мер воспитательного воздействия, предусмотренных законодательством;

— в-седьмых, сроки давности, в плане освобождения от административной ответственности в связи с истечением срока давности, при освобождении несовершеннолетних от административной ответственности или от исполнения административного взыскания сокращаются наполовину;

— в-восьмых, несовершеннолетний, на которого наложено административное взыскание за административное правонарушение, считается подвергнутым данному взысканию в течение шести месяцев со дня окончания исполнения постановления о наложении административного взыскания.

Другим инновационным проявлением нового Кодекса об административных правонарушениях является то, что Кодексом предусмотрены иные, альтернативные административной ответственности меры воздействия, применяемые к несовершеннолетнему делинквенту. В соответствии статьи 76 Кодекса об административных правонарушениях ими являются меры воспитательного воздействия, а в частности — разъяснение закона, основная идея, которой состоит в разъяснении несовершеннолетнему значимости вреда, причиненного его деянием, и наступления иных юридических последствий в случаях повторного совершения несовершеннолетним административного правонарушения;

— передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, то есть по решению компетентного органа либо должностного лица несовершеннолетний передается под надзор родителей либо лиц, их заменяющих и должен находиться под постоянным контролем указанных лиц либо органов, которые будут осуществлять различные мероприятия по реализации задач, основные цели которых направлены на ускорение процесса социализации несовершеннолетнего и скорейшего его возвращения к нормальной социальной жизни;

— возложение на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный им вред, данная мера подразумевает, что несовершеннолетний в силу своего имущественного и иного положения либо в силу имеющихся у него трудовых навыков, способен самостоятельно компенсировать

причиненный в результате собственных неправомерных деяний ущерб, вред;

— ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, как мера воспитательного воздействия предусматривает запрет на посещение определенных мест, использование определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения комиссии по защите прав несовершеннолетних и так далее;

— несовершеннолетнему правонарушителю в зависимости от некоторых факторов (личности правонарушителя, его социального окружения, степени выраженности девиаций в его поведении и так далее) по решению компетентного органа либо должностного лица, может быть назначено одновременно несколько мер воспитательного воздействия. /108/

Подводя итоги вышесказанного, на наш взгляд представляется целесообразным то, что для дальнейшего совершенствования административного законодательства с целью приведение его в соответствие с международными стандартными, правилами по применению мер административной ответственности и отправления правосудия над несовершеннолетними правонарушителями, немаловажными являются проблемы реализации следующих концептуально — правовых положений:

— при учете возрастных и других особенностей подростков ценен опыт тех государств, которые создают специальные службы для проведения комплексного (программированного) обследования несовершеннолетних, совершающих административные правонарушения. Такие службы, как правило, либо состоят в штате судов либо тесно связаны и взаимодействуют с судьями (Австралия, Великобритания, Канада, Германия, Италия, Швейцария);

— во многих государствах (их штатах, землях) существует упрощенный порядок рассмотрения подобной категории дел с участием несовершеннолетних. Тем самым несовершеннолетнему правонарушителю дается реальная возможность избежать официальных "ритуалов" разбирательства и оценить гуманный жест государственных органов. Тем более, что Закон о магистратских судах, которые рассматривают дела несовершеннолетних (США), предписывает судьям излагать сущность обвинения доступным для подростка языком. Любая информация, которая получена от социальных или местных органов власти в отношении подростка не вправе оглашаться судьей. Данная информация изучается "без прочтения вслух";

— действующее законодательство государств, имеющих специализированные суды по делам несовершеннолетних, дифференцируют проступки в зависимости от степени общественной вредности. Кроме того, допускается и такая возможность, когда правовые нормы могут быть заменены социальными программами, учитывающими характер правонарушения и содержащие меры воспитательного воздействия;

— создание системы специализированных судов привело к необходимости разработки специальных правил судебного разбирательства, которые полностью адаптированы к возрастным психологическим характеристикам подростка. Например, судебное разбирательство ведется в форме простого общения, судебные протоколы излагаются в доступной для несовершеннолетнего форме, ясным языком без применения юридических терминов, любая информация о подростке является конфиденциальной и не подлежит широкому обнародованию. Подобные процессуальные формы нашли отражение в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних делинквентов ("Пекинские правила");

— во многих государствах (Франция, Швеция, Дания, Польша и так далее), созданы правовые основы, обеспечивающие деятельность специализированных судов, учреждений, социальных служб и процедуры рассмотрения подобных категорий дел и так далее.

В указанных выше аспектах в Республике Казахстан проводится определенная работа, о чем

свидетельствует наличие статьи 76 Кодекса об административных правонарушениях, но тем не менее работа в этом контексте должна быть интенсифицирована и Казахстан должен в новом веке уверенной поступью войти в новое международное правовое пространство, а правовая деятельность республики должна соответствовать международным правовым стандартам.

Список использованных источников к главе 1:

1. См.: Дымченко В. И., Корчагин А. Г. Уголовные преступления и административные правонарушения. Уголовно — правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки.— Свердловск, 1990. С. 46—49. Зубов И. Н. О влиянии результатов борьбы с некоторыми видами административных правонарушений на криминогенную обстановку и общественно — политическую ситуацию в России.— М., С. 43—45; Лозбяков В. П., Эриашвили Н. Д. Криминология и административная юрисдикция милиции: Ученое пособие для вузов / Под. ред. Проф. В. П. Лозбякова.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 14—17.
2. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации.— Омск, 1993. С. 3.
3. Лозбяков В. П., Эриашвили Н. Д. указанное сочинение. С. 15.
4. Додин Е. В. Административная деликтология в системе юридической науки // Советское государство и право. 1991, № 12. С. 32.
5. Бахрах Д. Н. Указанное сочинение. С. 52.
6. Жетписбаев Б. А. Организационно правовые проблемы создания ювенальных судов и их роль в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н.— Алматы, 1998. С. 3
7. Жетписбаев Б. А. Административная ответственность в Республике Казахстан: Учебное пособие.— Алматы. Данекер. 2000. С. 53.
8. Рабинович П. М. Административные правонарушения несовершеннолетних. М., 1989. С.6—7.
9. Жигарев Е. С. Административная деликтность несовершеннолетних. М., 1992. С. 9.
10. Ремнев В. И. Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период. Киев, 1984. С. 5.
11. Жетписбаев Б. А. Административно — правовые меры профилактики и пресечения правонарушений несовершеннолетних.— Алматы: Академия труда и социальных отношений, 1998. С. 7—8.
12. См.: Кудрявцев С. В. Конфликт и насильственные преступления.— М.: Наука, 1991. С. 52.
13. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под редакцией В. М. Корельского и др. ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 407.
14. Абдиров Н., Концептуальные проблемы борьбы с наркотизмом в Республике КАЗАХСТАН (криминологическое и уголовно-правовое исследование) Монография.— Алматы: ТОО “Баспа”, 1999. С. 116.
15. Козлов Н. И. Философские сказки для обдумывающих житье, или Веселая книга о свободе и нравственности.— 4-е изд., перераб. и доп.— М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. С. 270—271.

16. Кант И., Метафизика нравов. В двух частях. В кн. Немецкая классическая философия. Т. 1. М., Харьков. 2000. С. 22.
17. См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М.: 1974. С. 283.
18. См.: Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. Под общ. ред. Члена-корреспондента РАН, д.ю.н, проф. В. С. Нерсисянца.— М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА — М, 1999. С. 206.
19. См.: Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю. М. Дмитриев и др.; Под общ. ред. А. С. Пиголкина.— 2-е изд., доп.— М.: Издательство МГТУ им. Баумана, 1997. С. 305.
20. См.: Жетписбаев Б. А. Административная ответственность в Республике Казахстан: Учебное пособие / Под общей редакцией профессора С. С. Сартаева.— Алматы: Данекер, 2000. С. 46.
21. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т 1. С. 14.
22. Хропанюк В. Н., Теория государства и права. Хрестоматия. Учебное пособие. М., 1998. С. 920.
23. Гегель Г. Ф. Основы философии права. / Под редакцией Г. Лассона., 1911. С. 82.
24. См.: Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования.— М.: “Статут”, 1999. С. 74.
25. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1995. С. 212.
26. См.: Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
27. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Указанное сочинение. С. 212.
28. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 721.
29. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Указанное сочинение. С. 213.
30. Зеркин Д. П. Основы конфликтологии: Курс лекций. Ростов-н/Д: “Феникс”, 1998. С. 38.
31. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов.— М.: ЮНИТИ, 1999. С. 80.
32. Бандурка А. М., Друздь В. А. Конфликтология: учебное пособие для вузов.— Харьков: Университет внутренних дел, 1997. С. 12.
33. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Указанное сочинение. С. 213.
34. См.: Вайсберг Л. М. Проблемы личности в криминологии. Алматы, 1996. С. 24.
35. См.: Вайсберг Л. М. Указанное сочинение. С. 30.
36. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976. С. 12.
37. Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. С. 102.

38. Жетписбаев Б. А. Административно-правовые меры профилактики и пресечения правонарушений несовершеннолетних.— Алматы: Академия труда и социальных отношений, 1998. С. 9.
39. Социалистическое право, сознание и поведение личности // М. Т. Баймаханов., А. У. Бейсенова., Е. К. Нурпеисов и другие. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 35.
40. См.: Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972. С. 138—139.
41. Лукашева Е. А. Указанное сочинение. С. 122.
42. Кант И. Соч. Т. 4. ч.1. С. 260.
43. Кант И. Соч. Т. 4. ч. 2. С. 140.
44. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК. 1994. С. 54.
45. Антонян Ю. М., Юстицкий В. В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. Учебное пособие // МВД Российской Федерации ВНИИ.— М.: 1993. С. 50.
46. Криминальная мотивация: /Ответственный редактор академик В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1986. С. 30—31.
47. Явич Л. С. Сущность права. Специально-философское понимание генезиса развития и функционирования юридической формы общественных отношений. М., 1985. С. 118—119.
48. Вайсберг Л. М. Указанное сочинение. С. 108.
49. Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. С. 11.
50. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С. 239.
51. Яковлев А. М. Указанное сочинение. С. 241.
52. “Об организации отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков в летний период 1998 года” от 3 июня 1998 года. САПП РК, 1998, № 212. С. 181.
53. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984. С. 169.
54. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984. С. 226.
55. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 128.
56. См.: Оболонский А. В. Диалог с советологом Д. Хаммером в “вечных” российских вопросах // Государство и право, 1992, № 7, С. 120; Сазанов Б. И. Социальные, организационные и правовые основы механизма действия закона // Государство и право, 1993, № 1, С. 3; Основы политологии. Курс лекций /под ред. проф. В. П. Пугачева. М., 1992. С. 59; Демидов А. И. Власть в единстве и многообразии ее измерений // Государство и право, 1995, № 11, С. 4; Хамитов А. А. Категории и культура. Алматы: Гылым, 1992. С. 57.
57. Хамитов. А. А. Указанное сочинение. С. 57.

58. Хамитов А. А. Указанное сочинение. С. 159.
59. Ильенко Э. Что такое личность? В книге: “С чего начинается личность?”. М., 1997. С. 159.
60. См.: Батишев. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963.
61. См.: Криминология //под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. Н. Ф. Кузнецовой, заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. Н. М. Миньковского. Издательство Московского университета, 1994. С. 177; Антонян Ю. М., Бородин С. В., Самовичев Е. Г. О некоторых неопознаваемых мотивах систематического занятия бродяжничеством. //Вопросы борьбы с преступностью. М., 1982. Выпуск 36. С. 4—5.
62. Вайсберг Л. М. Проблемы личности в криминологии. Алматы, 1996. С. 128.
63. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 188.
64. Давыдов В. Личности надо выделиться. В книге: С чего начинается личность. М., 1979. С. 131—132.
65. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984. С. 236.
66. Социалистическое право, сознание и поведение личности. / Баймаханов М. Т., Бейсенова У. Р., Нурпеисов Е. К. и другие. Алма-Ата.: Наука, 1988. С. 62.
67. Криминология. /под ред. засл. деят. науки РФ проф. Н. Ю. Кузнецовой, засл. деят. Науки РФ проф. Н. М. Миньковского. Издательство Московского университета, 1994. С. 200.
68. Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972. С. 63—65.
69. Юридическая конфликтология — новое направление в науке // Государство и право. № 4. С. 22.
70. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1998. С. 104.
71. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 721.
72. Психическое изучение трудновоспитуемых школьников и несовершеннолетних правонарушителей. М., 1997. С. 4.
73. Вайсберг Л. М. Демонтаж тоталитаризма и рефлексия правового сознания // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 1993, № 4. С. 24.
74. Щерба С. П., Курганов С. Ш., Перцова Л. В. Социально — негативные явления в ВТК и борьба с ними. М., 1985. С. 3.
75. См.: Чукмаитов Д. С. Проблемы и социальные последствия рецидивной преступности // Право и государство, 1997. № 6. С. 12—22.
76. Вайсберг Л. М. Проблемы личности в криминологии. Алматы, 1996. С. 40.
77. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях.— Алматы, 2001.

78. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 579, 642.
79. См.: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук В. Н. Кудрявцева.— М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 153—154.
80. См.: Административное право зарубежных стран. Учебное пособие.— М.: Издательство "СПАРК", 1996.— 229.
81. См.: Агапов А. Б. Административная ответственность: Учебник.— М.: "Статут", 2000. С. 28.
82. Конституция Республики Казахстан. С изменениями и дополнениями, внесенными Законом Республики Казахстан от 7 октября 1998 года, № 284—1. Алматы. "Борки", 1998. С. 5—6.
83. См.: Агапов А. Б. Указанное сочинение. С. 28.
84. Григорьев В. И. Некоторые административно-правотворческие и правоприменительные проблемы в Республике Казахстан // Материалы научно-теоретической конференции Казахского института правоведения и международных отношений "Дальнейшая демократизация общества — требование времени". Алматы, 1999. С. 37.
85. Агапов А. Б. Указанное сочинение. С. 29.
86. См.: Таранов А. А. Административное право Республики Казахстан. Академический курс. Алматы, ТОО "Баспа",— 2000. С. 132—133; Административное право Республики Казахстан. Часть общая. Издание 2-е, с изменениями. Алматы. "Жеті ЖарҒы", 1997. С. 156—157.
87. Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности. Бишкек,— 1999. С. 5.
88. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 743.
89. Таранов А. А. Указанное сочинение. С. 132.
90. Административная ответственность в СССР. Научно-аналитический обзор. М., 1983. С. 24.
91. Таранов А. А. Указанное сочинение. С. 133.
92. Худяков А. И. Налоговые правонарушения.— Алматы: ТОО "Баспа", 1997. С. 25.
93. Худяков А. И. Указанное сочинение. С. 26.
94. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность.— М.: Юридическая литература, 1985. С. 16—17.
95. Худяков А. И. Указанное сочинение. С. 30.
96. Агапов А. Б. Указанное сочинение. С. 33.
97. А. А. Таранов. Указанное сочинение. С. 134.
98. См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Ответственные редакторы — доктор юридических наук, профессор И. Я. Ко-заченко и доктор юридических наук, профессор З. А. Незнамова.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 114.

99. Проблемы Общей теории права и государства, учебник для вузов. Под общей ред. члена — корр. РАН, д.ю.н, профессора В. С. Нерсисянца — М.: Изд. Группа НОРМА — ИНФРА-М, 1999. С. 484—485.
100. См. подробнее: Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. Учебник.— М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1996. С. 277.
101. Бахрах Д. Н. Административная ответственность: Учебное пособие.— М., 1999. С. 37.
102. Психология /Под редакцией Г. С. Костюка. Киев, 1968.
103. Психология /Под редакцией А. Г. Ковалева. М., 1968.
104. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 542.
105. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 66.
106. Учебник уголовного права. Общая часть.— М.: Издательство “СПАРК”, 1996. С. 142.
107. Назарбаев Н. А. Казахстан — 2030. Послание Президента страны народу Казахстана / Вечерний Алматы, 1997, 13 октября.
108. См. подробнее: Жетписбаев Б. А. Теоретические проблемы административно-правового принуждения в Республике Казахстан. Монография.— Алматы: Данекер, 2001.— 410 с.

Глава 2 Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних

2.1. Общая криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних

Преступность несовершеннолетних представляет собой особую, специфическую форму антиобщественных явлений, характеризующихся высокой степенью общественной опасности и серьезной угрозой существующему общественному правопорядку и нравственности. Вместе с тем, преступность несовершеннолетних не является простой суммой или совокупностью преступлений. Она обладает собственными закономерностями, количественными и качественными характеристиками, а потому ее исследования имеют ряд специфических особенностей. В тоже время преступность проявляет себя не иначе как через конкретные преступления сознательно действующих субъектов./1, 26/ Такое положение исследуемого нами института, порождает высокую актуальность изучения преступности несовершеннолетних и ее причин. Неоднозначное решение разными авторами вопросов о путях и аспектах ее исследования порождают различные суждения. Вот как об этом пишет В. В. Орехов: “Каждый человек есть продукт природы и среды. Однако из этой истины еще не следует, что преступность — продукт природных свойств и внешней обстановки. Изучение отдельного преступника является целесообразным, например, для психолога, психиатра. Чтобы обнаружить основные причины преступности, отправной точкой следует избрать социально-экономическую структуру общества, исследовать те связи и отношения, которые воспроизводят социальную структуру, а вместе с ней и преступность. /2, 20/

Рассматривая социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних А. И. Долгова приходит к выводу о том, что “ преступность — не только совокупность преступных деяний, это еще и совокупность лиц, совершивших такие деяния. Не случайно при исследовании ее состояния, структуры, динамики анализируются как факты преступлений, так и контингенты преступников. Обобщение данных о лицах позволяет точнее прогнозировать динамику преступности; масштабы ее влияния на другие социальные явления и процессы, научно обоснованно строить организацию борьбы с ней, совершенствовать подсистему коррекции криминогенной деформации личности и оптимизировать взаимодействие последней с социальной средой. Преступность тоже может рассматриваться в рамках взаимодействия социальной среды и личности, но уже в типическом уровне: типов среды, личности их взаимосвязи”. /3, 26—27/

Указанные выше выводы известных криминологов в достаточной степени подтверждают мысль о том, что преступность несовершеннолетних нуждается в выделении для самостоятельного криминологического исследования. Так, например, характеризуя необходимость выделения для самостоятельного криминологического исследования, преступность несовершеннолетних, В. Д. Ермаков ссылается на следующие для этого основания:

— во-первых, важность и масштабность задач по охране жизни и здоровья подрастающего поколения и формирования в этой связи государственной политики по защите прав и законных интересов детей и подростков, как самостоятельного направления деятельности государственных органов и общества в целом;

— во-вторых, особенности в генезисе и мотивации совершаемых несовершеннолетними преступлений, обусловленных спецификой их воспитания и жизнедеятельности (относительно ограниченный период формирования личности, изменчивость социальных позиций, круга и содержания социальных функций, ограниченная дееспособность и др.), особенностями личностных, социально-групповых, психологических и иных характеристик;

— в-третьих, тесно связанной с этими особенностями спецификой уровня и структуры преступности, ее причин и динамики, высокой преступной активностью подростков. /4, 685—686/

Если рассматривать процессы изучения данной проблемы в историческом аспекте, то следует указать, что социологические исследования преступности и ее причин берут начало в работах

русского статистика К. Ф. Германа (1824 г.). Мощный толчок развитию социологии преступности дала работа франко-бельгийского ученого математика-статиста Л. А. Кетле "Социальная физика" (1835 г.). В ней, опираясь на статистический анализ, Кетле приходит к выводу о том, что всякий социальный строй предполагает определенное количество и определенный порядок преступлений, вытекающих из его организации.

По мере изучения проблем преступности несовершеннолетних все большее количество факторов, воздействующих на ее динамику, попадает в поле зрения исследователей. В числе таковых особое место занимают: социальное положение; род занятий; образование; материальная обеспеченность и т. д. Выявлено также особое значение деклассирования, т. е. разрушения или ослабления связей между индивидом и социальной группой. В 30-е годы двадцатого столетия исследования, проведенные представителями так называемой чикагской школы в социологии, выявили влияние внутригородских различий на уровень преступности: самые "преступные районы" — районы, где присутствует высокая степень социальной дезорганизации и т. д.

Как отмечают исследователи, развитие преступности в нашей стране по основным качественным показателям приближается к общемировым тенденциям. Хотя пока регистрируемый уровень преступности у нас ниже, чем в индустриальных странах, но очень высок темп прироста преступлений. В этой связи нужно учитывать, что преступность имеет порог количественного и качественного насыщения, за которым она из криминологической, правоохранительной проблемы превращается в проблему политическую.

Статистические данные прошлых лет свидетельствуют, что преступность среди подростков, по-прежнему имеет устойчивые темпы своей динамики, и в особенности преступность групповая. В связи с этим, при изучении проблем связанных с преступностью несовершеннолетних необходимо обращать особое внимание на криминологические характеристики преступности подростков, в сравнении с другими возрастными группами, так как это позволяет раскрыть структуру и динамику преступности данной категории лиц в целом по республике.

Общая картина преступности несовершеннолетних иллюстрируется следующими статистическими данными. Так, в Республике Казахстан, в 1993 году несовершеннолетними совершено 13155 преступлений, в 1994 году — 11447, в 1995 году — 9968, в 1996 году — 9027. Как свидетельствуют показатели, в целом по республике с 1993 по 1996 годы отмечается общее снижение количества преступлений совершаемых несовершеннолетними. /5, 224/

Анализ сведений об оконченных преступлениях, совершенных с 1997 по 1999 годы также подтверждает общую тенденцию спада преступности несовершеннолетних. Так, в 1997 году несовершеннолетними совершено 7435 преступлений, в 1998 году — 7179, в 1999 году — 7159 преступления.

Однако говорить о стабильном спаде преступности несовершеннолетних на современном этапе развития Республики Казахстан представляется преждевременным, что подтверждается тем, что 2000 год в этом плане, характеризуется новым "всплеском" преступности несовершеннолетних, в указанном году ими совершено — 8788 преступлений. /6, 5/

Между тем, в Республике Казахстан на состояние преступности несовершеннолетних большое влияние оказывает переход к рыночным отношениям и появление таких новых экономических феноменов, как конкуренция, безработица, инфляция. Специалисты отмечают, что пока еще характер преступности в нашей стране можно определить как "патриархальный", но уже заметны процессы, говорящие об "индустриализации" девиантности. Поэтому, предметом особой заботы любого цивилизованного общества является охрана и укрепление здоровья подрастающего поколения, борьба с такими негативными социальными явлениями, которые детерминируют индустриализацию преступности несовершеннолетних.

Как свидетельствует опыт исследований проведенных различными авторами, ведущее место в

изучении преступности должна занимать проблема изучения личности несовершеннолетнего преступника.

В современной литературе, криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника сводится:

— во-первых, к половозрастной характеристике несовершеннолетних, совершивших преступления (какую долю из общего числа преступлений, совершенных несовершеннолетними занимают преступления, совершаемые лицами мужского и женского пола).

— во-вторых, к характеристике преступности различных по роду занятий социальных групп несовершеннолетних (различия в преступной активности контингентов несовершеннолетних, выделяемых в зависимости от их рода занятий).

— в-третьих, к характеристике личностных особенностей несовершеннолетних преступников (утрата связей с учебным или трудовым коллективом, уровень образования и т. д.).

Таким образом, признание влияния социальных условий, противоречий в развитии общества на характер нравственного формирования личности, является решающим в объяснении противоправного поведения несовершеннолетних.

Процессы и явления экономического, идеологического, культурно-воспитательного, демографического, социально-психологического характера, происходящие в обществе, главным образом и детерминируют поведение детей и подростков, определяют его сущность и характер. Эти процессы, определяя в самой общей форме условия жизни в обществе, придают своеобразие (в зависимости от контингента, территории и т. п.) деятельности по обучению и воспитанию несовершеннолетних, формированию их личности. /7, 695/

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что на сегодняшний день, криминологами в достаточной степени хорошо изучены процессы и явления социальной действительности, создающие негативные условия для жизни и воспитания подростков и тем самым способствующие совершению преступлений несовершеннолетними. К числу таковых относятся:

— значительная социальная дифференциация несовершеннолетнего населения по уровню материальной обеспеченности, социальному статусу (в том числе и по происхождению);

— различия в характере и содержания обучения, воспитания и труда отдельных групп детей и подростков, определяющие как реальные различия их сегодняшних позиций в жизни общества, так и различия этих позиций на ближайшую перспективу;

— процессы разрушения родительской семьи, сопровождающиеся существенными изменениями традиционных отношений по воспитанию несовершеннолетних;

— алкоголизм, наркомания, нервно-психические заболевания родителей и иных лиц, ответственных за воспитание детей и подростков;

— недостаточная материальная обеспеченность семей в условиях которых проживают подростки;

— противоречие между субъективным стремлением несовершеннолетних к самостоятельности и объективным сужением ее реальных границ с помощью мер, применяемых институтами социализации;

— противоречия между духовными и особенно материальными потребностями несовершеннолетних, их родителей и реальными возможностями их удовлетворения;

- низкий уровень правовой культуры, значительная деформация нравственного и правового сознания отдельных групп несовершеннолетних и окружающих их взрослых людей;
- осуществление воспитательных функций лицами, не имеющими необходимой профессиональной подготовленности в этой области;
- недостаточное ресурсное и кадровое оснащение жизнедеятельности общества, специализированной для проведения целенаправленной работы по исправлению и перевоспитанию детей и подростков и т. д. /8/

В качестве социально отягощенных дефектов психофизического и интеллектуального развития и состояния, имеющих более высокую степень распространенности среди несовершеннолетних преступников по сравнению с подростками, характеризующихся правомерным поведением, исследователями зафиксированы:

- различные нарушения психофизического развития, происшедшие в период внутриутробного развития, родов, в младенческом и раннем детском возрастах;
- заболевание алкоголизмом;
- явление физического инфантилизма (вялость, быстрая утомляемость, пониженная работоспособность и т. д.) либо выраженное отставание в физическом развитии, включая дефекты внешнего вида;
- пониженный уровень интеллектуального развития, создающий трудности в общении со сверстниками, затрудняющий приобретение необходимой информации и социального опыта.

В абсолютном большинстве несовершеннолетний преступник — это лицо, обладающее привычками, склонностями, устойчивыми стереотипами антиобщественного поведения. Случайно совершают преступления из них единицы. Для остальных характерны:

- постоянная демонстрация пренебрежения к нормам общепринятого поведения (сквернословие, появление в нетрезвом виде, приставание к гражданам, порча общественного имущества и т. д.);
- пристрастие к спиртным напиткам, к наркотикам, к азартным играм;
- бродяжничество, систематические побеги из дома;
- ранние половые связи, половая распущенность;
- виновное создание конфликтных ситуаций, постоянные ссоры в семье, терроризирование родителей и других членов семьи;
- пагубная привычка к присвоению всего, что плохо лежит, что можно безнаказанно отнять у слабого и т. д.

В среде несовершеннолетних правонарушителей признается допустимым нарушение уголовно-правового или любого другого правового запрета, если очень нужно, в том числе, если этого требуют интересы группы. Необходимость соблюдения требований закона соотносится главным образом со степенью вероятности наказания за допущенные нарушения.

Эмоциональная неуравновешенность, тщеславие, упрямство, нечувствительность к страданиям другим, агрессивность также можно отнести к наиболее распространенным характерологическим чертам несовершеннолетних преступников. При этом речь идет не о возрастных особенностях, которые были бы присущи основной массе подростков вообще, а именно о криминогенных

сдвигах, деформациях в морально-эмоциональной, нравственной сферах, характерных именно для лиц, совершающих преступления.

В отличие от личности с позитивными, одобряемыми обществом интересами и потребностями, развитие их у правонарушителей часто идет как бы в обратном направлении. Фактическое, в основном бесцельное, времяпрепровождение формирует соответствующий негативный интерес. Он закрепляется в привычках, которые, в свою очередь, ведут к формированию социально-негативных потребностей. Соответственно искаженному развитию потребностей на поведенческом уровне вырабатываются привычки к общественно опасным, противоправным способам их удовлетворения.

2.2. Половозрастные характеристики несовершеннолетних, совершивших преступления

Одним из необходимых условий направленных для получения достоверной, реальной и научно обоснованной картины иллюстрирующей состояние, динамику и структуру преступности несовершеннолетних, является проблема детального изучения половозрастной структуры несовершеннолетних лиц совершивших преступления. Результаты научных исследований нашедшие отражение в современной правовой литературе и касающиеся характеристик половозрастной структуры преступности несовершеннолетних свидетельствуют о том, что они во многом обусловлены демографическими процессами, протекающими в стране, как-то: уровнем рождаемости, смертности и миграционными процессами.

На процессы “омолаживания” или “старения” уровня преступности сказывается изменение контингентов лиц с разным уровнем преступных проявлений. При этом большое значение имеет анализ соотношения преступности различных возрастных групп. Так, например, за период с 1959 года по 1970 годы, численность подростков в группах 14—15 лет возросла более чем в 2 раза, численность 16—17 летних на 40 процентов, в то время как численность лиц, в возрасте 18—29 лет, уменьшилась на 20 процентов при динамичном общем росте численности населения на 16 процентов. При этом наблюдается резкий всплеск преступности среди групп подростков в возрасте 14—15 и 16—17 лет. /9, 42/ Подобные изменения численности различных возрастных контингентов несовершеннолетних очень важно учитывать:

- во-первых, при оценке общей криминологической ситуации;
- при проведении профилактической работы по борьбе с преступностью несовершеннолетних;
- при разработке планов социального развития различных регионов Республики Казахстан;
- при прогнозировании общих тенденций развития преступности несовершеннолетних и т. д.

Для выяснения достоверности подобного рода суждений приведем некоторые статистические данные, характеризующие возрастную структуру преступности несовершеннолетних. Так, например, по официальным сводкам Министерства внутренних дел Республики Казахстан, в 1999 году было выявлено 7524 несовершеннолетних совершивших преступления, причем 72 процента из указанного количества совершенных преступлений приходится на долю подростков в возрасте 14—15 лет.

В соответствии со сведениями “О состоянии преступности среди несовершеннолетних за 7 месяцев 2001 года” по Павлодарской области, за указанный период было совершено преступлений:

- среди подростков в возрасте 14—15 лет — 128;
- среди подростков в возрасте 16—17 лет — 363;

Как видно из приведенных фактических данных, имеющиеся показатели, свидетельствуют о том, что преступность несовершеннолетних среди различных возрастных групп не стабильна, то есть очень подвижна и в ряде случаев даже непредсказуема. Так, если в 1999 году доминирующим по количественным параметрам являлась преступность подростков в возрасте 14—15 лет, то в 2001 году эта картина резко изменилась и преступность 16—17 летних стала доминировать над преступностью 14—15 летних почти в 3 раза.

В другом случае, выборочные исследования, проведенные в этом аспекте, свидетельствуют о том, что половину всех общественно опасных и иных асоциальных деяний, как в целом, так и практически по всем отдельно учитываемым составам правонарушений, несовершеннолетние совершают в возрасте до 16 лет. Однако, при этом отмечается, что каждое четвертое

правонарушение совершают лица, не достигшие 14-летнего возраста. С другой стороны, эти же исследования доказали, что в части употребления спиртных напитков, и злоупотребления ими 16—17 летние занимают доминирующее положение среди подростков всех возрастных групп, выявленных в качестве лиц, потребляющих алкогольные напитки.

Таким образом, среди несовершеннолетних лиц, совершивших преступления и признанных судами в качестве преступников наибольший удельный вес (36—40%) всей совокупности совершаемых преступлений составляют лица в возрасте 16 лет. Максимальный удельный вес этой возрастной группы отмечен почти по всем составам преступлений. Отдельные исключения, из этих сложившихся и устойчивых на наш взгляд закономерностей, зафиксированы по кражам государственного и общественного имущества, хищениям огнестрельного оружия и боеприпасов, где доминирующими по количеству совершенных преступлений являются 14-летние подростки, а также по угонам авто-мото-средств, где явно преобладают юноши в возрасте 17 лет.

Исследователи, изучающие демографические характеристики преступности, постоянно отмечают, что удельный вес лиц мужского пола среди несовершеннолетних преступников всегда существенно выше (90—95%) их удельного веса в населении данной возрастной группы, проживающей в соответствующих регионах страны (48—52%). Доля девушек, совершающих преступления (6—10%), наоборот значительно меньше их удельного веса в населении.

Существенно также и то, что удельный вес лиц женского пола в преступности несовершеннолетних в 3—4 раза меньше по сравнению с аналогичными показателями среди взрослой женской преступности. Однако надо учитывать, что противоправная активность в совершении общественно опасных деяний у девушек также достаточно высока. При этом необходимо отметить, что в подобном случае доминируют несовершеннолетние женского пола не достигшие возраста, с момента наступления которого лица привлекаются к уголовной ответственности.

По статистическим данным, удельный вес лиц женского пола среди несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в органах полиции, всегда примерно в 2—2,5 раза выше удельного веса их среди несовершеннолетних, совершивших преступления. /10, 694/

Еще выше удельный вес девушек, совершающих правонарушения и преступления, и поставленные на внутришкольные, внутриучилищные учеты (25—30%).

Ю. М. Антонян особо отмечает “стабильное” неблагоприятное положение несовершеннолетних женского пола из необеспеченных и малообеспеченных семей, которым почти закрыт доступ к модной одежде и другим престижным вещам. Их информированность о земных благах исключительно невелика, и поэтому столь значительно у них чувство зависти, ущемленности, неполноценности. Это толкает их на совершение краж и хищений, на занятие проституцией. /11, 20/ Каждая третья проститутка является несовершеннолетней. Нередко несовершеннолетние проститутки выступают в роли наводчиц, соучастниц в кражах, грабежах, вымогательствах, мошенничестве и даже убийствах.

По данным исследования проведенных И. В. Корзун, а также по результатам официальной статистики, в общем числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола, групповые преступления составляют порядка 86—90 процентов. Это объясняется в частности тем, что они нуждаются в своеобразной групповой солидарности: вместе совершают то, что каждая из них в отдельности сделать не может. /12, 40/

Многими исследователями отмечается более высокий, по сравнению с юношами, процент преступлений совершаемых девушками в трезвом состоянии, в одиночку, в жилых помещениях, а не на улице. Их преступления носят более скрытый характер, менее дерзки и опасны. Как указывалось выше, в целом у девушек несколько иная, чем у юношей видовая структура преступлений. Еще раз необходимо отметить, что наиболее часто они совершают преступления

представленные в виде кражи денег, ценностей, вещей и т. д.

На протяжении ряда лет отмечался рост удельного веса преступности среди несовершеннолетних в возрасте 14—15 лет, с 19 процентов в период с 66 по 70 годы и до 29 процентов в период с 91 по 93 годы. Рост преступности отмечался в основном по таким видам преступлений, как изнасилования, грабежи, кражи личного имущества. Это привело к тому, что из числа общей преступности несовершеннолетними совершается каждое третье-четвертое преступление. Между тем, в структуре преступлений и иных общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними всех без исключения возрастных групп, наибольший удельный вес составляют различного рода хищения. В числе совершаемости подобного рода преступлений значительное их количество приходится на долю 11—13-летних детей.

Достоверность правильности подобных выводов и суждений подтверждают и иные данные. Так, например, анализ статистических данных официальных сводок МВД Республики Казахстан наглядно иллюстрируют факты о том, что несовершеннолетними в возрасте от 14 до 16 лет в числе криминальной мотивации, наиболее доминирующими являются корыстная и корыстно-эгоистическая мотивация совершенных преступлений. Так, за 9 месяцев 2000 года по городу Алматы совершено несовершеннолетними:

- 73 кражи;
- 55 случаев грабежей;
- 15 разбойных нападений;
- 4 изнасилования;
- 4 телесных повреждения;
- 4 случая угона транспортных средств;
- 11 случаев хулиганства;
- 1 убийство;
- 75 случаев выявления несовершеннолетних, потребляющих и хранящих наркотические средства.

По Павлодарской области за 3 месяца 2001 года за совершение преступлений привлечено к уголовной ответственности несовершеннолетних:

- за кражи — 89;
- за грабежи — 29;
- за разбойные нападения — 17;
- за вымогательство — 5;
- за хулиганство — 11 и т. д. /13, 28/

Объяснение различий интенсивности преступности несовершеннолетних в различных половозрастных группах основывается на анализе процесса социализации личности несовершеннолетнего. Каждому периоду возрастного развития несовершеннолетнего соответствует определенный жизненный этап. При этом, в зависимости от возрастных критериев

несовершеннолетнего, можно выделить несколько этапов социализации:

— первый этап, осознание несовершеннолетним себя в качестве личности. Примерно данный этап начинается с возраста 12 лет и во многом связан с процессами полового созревания подростка;

— второй этап, приходится на период окончания школы, когда перед подростком стоит проблема выбора дальнейшего жизненного пути. В этот период многие взгляды подростка на жизнь радикально меняются, что незамедлительно сказывается на его поведении;

— третий этап, сопряжен с процессами поступления в различные учебные заведения с целью продолжения образования и приобретения специальности либо поступлением на работу. Данный этап во многом, для несовершеннолетнего, является определяющим и одним из важнейших в дальнейшей его жизнедеятельности. Кроме того, данный этап сопряжен с переходом подростка ко взрослой жизни.

Указанные периоды становления личности подростка в ряде случаев не могут протекать бесконфликтно, причем индивид в каждом периоде социализации может по-разному реагировать на возникшие в его жизни различные неблагоприятные ситуации, что оказывает значительное влияние на степень правомерности его поведения и осуществляемых им противоправных действий.

2.3. Характеристика преступности различных по роду занятий социальных групп несовершеннолетних

Выбор профессии — наиболее важное решение, которое нужно принять человеку в период подросткового развития. В юношеских поисках индивидуальности и удовлетворенности собой, очень сильна мотивация выбора профессии, способствующая реализации личности. Продуманный и реалистический подход позволяет подросткам выбрать специальности, наиболее соответствующие их индивидуальным качествам, в которых они найдут наибольшее удовлетворение и раскроются как личности, а также почувствуют свою необходимость для общества. Неодуманный и случайный выбор может привести к глубокому разочарованию, неудовлетворенности, общественному неодобрению, резко выраженных девиаций в поведении, что может перерасти в противоправное поведение и стать одной из главных причин совершения несовершеннолетним какого-либо преступления.

Исследователи подчеркивают (Гинзберг, В. В. Трифонов, Л. К. Керимов и др), что процесс выбора профессии это процесс длительный, включающий в себя много внешне незначительных решений, каждое из которых тем не менее влияет на последующее и ограничивает дальнейший выбор.

Криминологами зафиксированы существенные различия преступной активности контингентов несовершеннолетних, выделяемых в зависимости от их рода занятий. По степени этой активности все они из года в год ранжируются (если идти по убывающей) в строго определенном порядке: неработающие и не учащиеся — работающие, учащиеся профессиональных, технических училищ, учащиеся профессионально-технических училищ, учащиеся общеобразовательных школ, учащиеся техникумов и студенты вузов. Судя по расчетам, такая констатация верна и на сегодняшний день. Однако есть ряд обстоятельств, позволяющих отметить некоторые новые тенденции.

На протяжении ряда лет идет процесс заметного сближения почти всех (за исключением неработающих и не учащихся) категорий несовершеннолетних по уровню проявляемой ими активности в совершении преступлений. Причем, с криминологической точки зрения, особенно важен тот факт, что сближение различных контингентов правонарушителей происходило в основном из-за возрастания числа преступных проявлений, зафиксированных статистикой применительно к таким ранее благополучным группам, как учащиеся техникумов, студенты вузов, школьники. Учащиеся ПТУ и работающие в совокупности на протяжении длительного периода составляют 50—59% в общей структуре несовершеннолетних преступников и примерно 23—25% — в соответствующей группе населения страны. По данным за 1991 г. среди несовершеннолетних, совершивших преступления, 21% составили школьники, 22% учащиеся профтехучилищ, 24% — работающие, 23% — неработающие и не учащиеся.

Очень часты случаи, когда в среде подростков вообще не происходит рационального выбора рода деятельности и будущей профессии как такового. Подростки просто берутся за первую попавшуюся работу, даже за такую где не очень то и хорошо платят, куда как говорится удалось устроиться, чтобы вообще не остаться без работы. В таком случае выбор профессии оказывается скорее случайным, чем осознанным. По мнению Филиппа Райса: “В первое время молодые люди могут быть вполне довольны экономическими и другими благами, приносимыми работой. Только по прошествии некоторого времени они вдруг чувствуют, что несчастливы, не очень приспособлены к выполнению стоящих перед ними задач и жертвуют своей свободой и жизнью ради каких-то сомнительных выгод. У них возникает потребность остановиться, произвести переоценку своих целей, способностей, возможностей и найти, как можно соединить все это в имеющий смысл, приносящий удовлетворение работе”. /14, 517/

Отдельная часть несовершеннолетних предпочитает вообще нигде не работать и не учиться, ссылаясь на то, что данная работа им не по душе, либо данное учебное заведение для них не подходяще и т. п. При этом ими не прилагается никаких усилий, чтобы попытаться поступить в нравящийся (по неопределенным причинам) им учебное заведение, строиться на работу и так

далее. Словом кроме пустых разглагольствований и мечтаний ничего путного от них невозможно даже и ожидать. Ведут они, как правило, “паразитический” образ жизни, постоянно вымогая средства для удовлетворения своих прихотей и потребностей с окружающих их родных и близких им людей. При этом отмечается, что потребности постоянно растут и для их удовлетворения необходимо все больше и больше средств, которыми их не могут обеспечить ни родители, ни иные близкие им люди. В таких случаях, указанный тип подростков встает на путь добывания необходимых им средств различными криминальными способами — путем совершения краж, вымогательства, грабежей и т. д.

Почти для всех несовершеннолетних, вставших на путь совершения преступлений, выбор такого варианта поведения непосредственно или, в конечном счете, связан с личностными деформациями: упущениями в воспитании в детстве, чрезмерной разбалованностью, безответственностью, эгоизмом и др.

Исследованиями отмечается, что в семьях подростков-право-нарушителей в отличие от семей, имеющих детей хорошего поведения, интерес к материальным благам преобладает над духовными потребностями. Обследование структуры городской семьи показало также, что качество воспитательных функций зависит от социальных ориентаций семьи. /15, 55/

Особенности интересов, потребностей, отношений в сфере ведущей деятельности, характерные для несовершеннолетних преступников, включают стойкую утрату связей с учебным или трудовым коллективом, полное игнорирование их правовых и нравственных оценок. Несмотря на то, что по уровню образования, определяемому по формальным показателям прохождения школьного обучения, отстают от сверстников 8—10 процентов несовершеннолетних преступников, среди них в пять-шесть раз больше доля лиц, не успевающих из-за отсутствия прилежания. Будучи выражением и следствием соответствующих ценностных ориентаций, негативного отношения, складывающегося в этом виде деятельности, такое отношение существенно затрудняет как социализацию, так и ресоциализацию подростков в процессе их исправления и перевоспитания.

Так, например, данные исследований проведенных Т. К. Акимжановым и Г. С. Мауленовым также свидетельствуют о том, что наибольшее количество групповых имущественных преступлений совершили неработающая молодежь и несовершеннолетние. причем, как правило, исключительно ради добывания или последующего приобретения спиртных напитков. /16, 240/

В производственной сфере этих подростков характеризуют отсутствие интереса к выполняемой трудовой деятельности, утилитарное отношение к профессии (как к возможности извлечь из нее только материальную и иную потребительскую выгоды), отсутствие связанных с ней планов, отчужденность от задач производственного коллектива, его нужд. Такие подростки не испытывают боязни увольнения, так как полагают, и не без основания, что всегда смогут без труда устроиться в другое учебное заведение, на другое предприятие и даже, более того, обеспечить себе высокий денежный и другой потребительский доходы, используя условия рыночного беспредела, сложившиеся в последние годы в стране.

Стремление к достижению успехов в учебной и производственной деятельности, общественной работе у правонарушителей замещено, как правило, досуговыми потребностями и интересами, бесцельным времяпрепровождением и т. д. Сама система оценок и предпочтений у таких людей все больше ориентируется на эту сферу. Именно здесь фиксируются потребности, и интересы, связанные с погоней за модной одеждой, информацией, значимой для данной микросреды. Бесцельное времяпрепровождение отрицательно сказывается на нравственном и физическом развитии несовершеннолетних, “толкает” их на поиски приключений, которые в большинстве случаев заканчиваются совершением правонарушений и во многих случаях — преступлениями.

Список использованных источников к главе 2:

1. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981. С. 26.
2. См.: Орехов В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью.— Л., 1972. С. 20.
3. Долгова А. И. Указанное сочинение. С. 26—27.
4. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией д.ю.н., профессора А. И. Долговой.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 685—686.
5. Акимжанов Т. К., Мауленов Г. С. Преступность несовершеннолетних. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика преступности в Республике Казахстан.— Алматы: Данекер, 2001. С. 224.
6. Жетписбаев Б. А., Бахралинов А. С. Генезис административных правонарушений несовершеннолетних и меры борьбы с ними (монография) — Алматы: Казахская академия труда и социальных отношений, 2001. С. 5.
7. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией д.ю.н., профессора А. И. Долговой.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 695.
8. См.: Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981.; Комплексное исследование факторов, влияющих на изменение преступности.— М., 1983.; Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность.— М.: Юридическая литература, 1976.; Трудные судьбы подростков — кто виноват? — М., 1991.; Гуськов Н. М., Ермаков В. Д., Савинкова Е. Н. Причины и условия, способствующие преступности несовершеннолетних.— М., 1986.; Акимжанов Т. К., Мауленов Г. С. Преступность несовершеннолетних. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика преступности в Республике Казахстан.— Алматы: Данекер, 2001. и др.
9. Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность.— М.: Юридическая литература, 1976. С. 42.
10. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией д.ю.н., профессора А. И. Долговой.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 694.
11. Антонян Ю. М. Преступность женщин //Социалистическая законность. № 7. 1991. С. 20.
12. Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане.— Алматы: “Жеті-ЖарҒы”, 1998. С. 40.
13. Жетписбаев Б. А., Бахралинов А. С. Генезис административных правонарушений несовершеннолетних и меры борьбы с ними (монография) — Алматы: Казахская академия труда и социальных отношений, 2001. С. 28.
14. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 517.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
15. Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность.— М.: Юридическая литература, 1976. С. 55.
16. Акимжанов Т. К., Мауленов Г. С. Преступность несовершеннолетних. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика преступности в Республике Казахстан.— Алматы: Данекер, 2001. С. 240.

Раздел III

Психолого-педагогические проблемы правовой социализации несовершеннолетних

Глава 1 Теоретические аспекты правовой социализации несовершеннолетних

1.1. Понятие правовой социализации несовершеннолетних

Проблемы изучения механизма процесса социализации личности несовершеннолетнего являются предметом исследования специалистов различного профиля и направленности: педагогов, психологов, психиатров, философов, социологов, юристов и других. И это объясняется тем, что вся человеческая жизнь протекает в рамках тех или иных социальных групп. Обучаясь в школе, поступив на работу, отдыхая, несовершеннолетний все время вступает во взаимоотношения с окружающими, сталкивается с различного рода объединениями людей. В этих связях выделяются две системы — деловые отношения, которые возникают между людьми как носителями определенных общественных функций, и личные отношения, которые складываются на основе симпатий или антипатий, притяжения или отталкивания и так далее. /1, 125/

На формирование личности оказывают влияние как деловые, так и личные отношения, /2, 119/ и те и другие служат основанием для социализации несовершеннолетнего, вступающего в общественные отношения.

В философской, психологической, педагогической и социологической литературе понятие “социализация” в его наиболее общем значении, рассматривается как процесс социального становления человеческого индивида, формирования и развития его социальной сущности. Сущность человека изменяется и развивается вместе с обществом. Изменяется социальная среда, адаптируясь к этим условиям, меняется человек. /3, 102/

Немаловажное значение для процесса социализации личности имеет его возраст, а это означает, что социализация личности должна начинаться с раннего его детского периода развития как индивидуума, так как именно в этот период более чем на 70 процентов формируется человеческая личность. Поэтому есть все основания считать, что еще в детском возрасте закладывается в ребенке “фундамент” социализации и от того насколько “прочно” и основательно заложен данный “фундамент” намного зависит дальнейшая судьба ребенка, как субъекта различных общественных отношений, как члена человеческого общества. В процессе всей жизнедеятельности человека, социализация превращается в растянутый на всю жизнь процесс обучения своему социальному месту (или статусу).

В научной литературе существуют различные дефиниции формулировки понятия социализации:

— социализация (от лат. socialis — общественный), развитие и самореализация человека на протяжении всей жизни в процессе усвоения и воспроизводства культуры общества; /4, 359/

— одним из первых выделил элементы социализации ребенка Зигмунд Фрейд. По его глубокому убеждению личность является совокупностью трех элементов: "ид" — источник энергии, стимулируемый стремлением к удовольствию; "эго" — осуществляющий контроль личности, на основе принципа реальности; "суперэго", или нравственный оценочный элемент. Социализация представляется Фрейдом как процесс "развертывания" врожденных свойств человека, в результате которого происходят становления этих трех составляющих элементов личности. В этом процессе Фрейд выделяет 4 стадии, каждая из которых связана с определенными участками тела, так называемые эрогенные зоны: оральная, анальная, фаллическая и фаза половой зрелости. /5/

— социализация — начинающийся в младенчестве и заканчивающийся в глубокой старости процесс освоения социальных ролей и усвоения культурных ценностей и норм; /6, 104/

— под социализацией принято понимать усвоение человеком социального опыта и ценностно-нравственных ориентаций, необходимых для выполнения социальных ролей в обществе. Социализация — это процесс, играющий значительную роль в жизнедеятельности, как общества, так и личности, обеспечивающий самовоспроизводство общественной жизни; /7/

— социализация представляет собой процесс становления личности, постепенное усвоение ей требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом. Социализация личности начинается с первых лет жизни и заканчивается к периоду гражданской зрелости человека, хотя, разумеется, полномочия, права и обязанности, приобретенные им, не говорят о том, что процесс социализации полностью завершен: по некоторым аспектам он продолжается всю жизнь. Именно в этом смысле мы говорим о необходимости повышения педагогической культуры родителей, о выполнении человеком ответственных поручений, о соблюдении правил межличностного общения. Иначе говоря, социализация означает процесс постоянного познания, закрепления и творческого освоения человеком правил и норм поведения, диктуемых ему обществом. Для успешной социализации, необходимо действие трех фактов: **ожидания, изменения поведения и стремления соответствовать этим ожиданиям**. Процесс формирования, по его мнению, происходит по трем различным стадиям: стадии подражания и копирования детьми поведения взрослых; игровой стадии, когда дети осознают поведение как исполнение роли; стадии групповых игр, на которой дети учатся понимать, что от них ждет целая группа людей. /8, 41/

— социализация — это сложный процесс общественного формирования и развития личности. Она означает “весь многогранный процесс очеловечивания человека, включающий как биологические предпосылки, так и непосредственно само вхождение индивида в социальную среду и предполагающий: социальное познание, социальное общение, овладение, навыками практической деятельности, включая как предметный мир, так и всю совокупность социальных функций, ролей, норм, прав и обязанностей и т. д., активное переустройство окружающего (как природного, так и социального) мира, изменение и качественное преобразование самого человека, его всестороннее и гармоническое развитие”. /9, 165/

— понятие "социализация" характеризует в обобщенном виде процесс усвоения индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей, установок, образцов поведения, которые входят в понятие культуры, присущей социальной группе и обществу в целом, и позволяет функционировать индивиду в качестве активного субъекта общественных отношений. По мнению социолога А. В. Мудрика, социализацию не следует сводить к образованию и воспитанию, хотя она и включает эти процессы. Социализация личности осуществляется под влиянием совокупности многих условий, как социально-контролируемых, и направленно-организуемых, так и стихийных, возникающих спонтанно. Она и есть атрибут образа жизни личности, и может рассматриваться как ее условие и как результат. Непременным условием социализации является культурная самоактуализация личности, ее активная работа над своим социальным совершенствованием. Какими бы благоприятными ни были условия социализации, ее результаты во многом зависят от активности самой личности. /10/

Суммируя и обобщая вышесказанное можно сделать предварительные выводы о том, что социализация — процесс непрерывный, зависящий не только от форм связей несовершеннолетнего и социальной среды, но и от степени зрелости данного общества, в условиях которого формируется личность подростка. В этом аспекте вполне уместны высказывания В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука: “Социализация включает в себя, с одной стороны, целенаправленное воздействие социальных условий, различных социальных институтов на человека с целью приобщения его к системе понятий, оценок, представлений, социальных норм и иных ценностей культуры, принятых в обществе, с другой — социальную деятельность самого человека в процессе социализации, становления личности. Человек, действуя в социальной среде, изменяет совершенствует ее и в то же время изменяет собственную сущность, формирует у себя новые качества и свойства. Поэтому человек в процессе социализации выступает в качестве объекта и субъекта, воздействующего на внешний мир и свой внутренний и духовный мир. Таким образом, социализация индивида складывается как из формирования индивидуального опыта, так

и из усвоения социального опыта.

Исходя из этого, социализация рассматривается как усвоение индивидом культурной системы того общества, в котором он живет. Усваиваются, прежде всего, общезначимые, то есть коллективные, нормы, система которых и составляет ту культуру, которая определяет социальный облик индивида и способствует его общественному и индивидуальному самовыражению. Индивид усваивает коллективные нормы поведения до такой степени, что они становятся частью его личности и, в конце концов, автоматически и подсознательно направляют его поступки. /11, 102—103/

Процесс формирования рыночных отношений и смены общественно-экономической формации все более явственной ставит проблему противоречивости социализации и воспитания молодежи в условиях проводимой государством реформ. Поэтому в период модернизации общества изучение проблем социализации и воспитания имеет еще более важное значение в целях уяснения возникающих противоречий, связанных с жизнедеятельностью молодежи, и для нахождения научно обоснованных путей и методов их разрешения. В условиях сегодняшнего дня таких противоречий насчитывается огромное количество. Проиллюстрируем некоторые из них:

— существование остаточных явлений предыдущего общества, которое под воздействием реформ трансформируется в новое социально-экономическое, политическое и духовное общественное устройство;

— действие объективных законов современного общества, неизбежность борьбы нового со старым, прогрессивного с консервативным. Так, в условиях реформирования системы образования стало проявляться противоречие между возрастающими требованиями теоретико-методологического, проблемного характера обучения и неумением преподавателей и учащихся пользоваться методологией науки и творчески воспринимать информационные потоки. Живучесть консервативных тенденций и стереотипов в жизнедеятельности людей является достаточно сильной и распространенной;

— нарушение объективных законов общественного развития, нравственных, правовых и политических требований общества. Противоречия, вытекающие из реальных общественных отношений, по субъективным причинам порою недооцениваются, своевременно не блокируются и не разрешаются. В результате они превращаются в фактор торможения процессов общественного развития, почву, на которой могут возникать конфликты. /12/

Между тем, основной социальной причиной нарушений общественных норм определенной частью несовершеннолетних и молодых людей является сложившийся уклад современной жизни, уровень развития производительных сил, зрелости общественных отношений, политической системы, системы образования, обучения и воспитания. Так преступность, пассивность, потребительские настроения, скептицизм молодежи явились следствием стагнации общества, его перехода к иному общественному строю, а также серьезных недостатков в реализации современных реформ, в процессе социализации и воспитания.

В традиционной отечественной социологии, социализация рассматривается, как саморазвитие личности в процессе ее взаимодействия с различными социальными группами, институтами, организациями, в результате которых вырабатывается активная жизненная позиция личности.

Важно иметь в виду, что социализация есть процесс, продолженный в течение всей жизни человека.

В связи с этим обычно различают определенные этапы социализации: до трудовой (детство, обучение), трудовой и после трудовой.

Социализация личности — сложный процесс ее взаимодействия с социальной средой, в результате

которого формируются качества человека, как подлинного субъекта общественных отношений.

Если говорить об основных целях социализации, то, прежде всего, необходимо отметить, что одной из главных целей социализации является приспособление, адаптация человека к социальной реальности, что служит, пожалуй, наиболее возможным условием нормального функционирования общества /13/.

Однако, здесь могут быть крайности, выходящие за рамки нормального процесса социализации, связанные в конечном счете с местом личности в системе общественных отношений, с ее социальной активностью. Такие крайности можно назвать отрицательными видами приспособления. Одним из распространенных видов приспособления является "конформизм" — пассивное, лишенное личностного содержания принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений. Конформизм характеризуется отсутствием собственной позиции, беспрекословным следованием определенным образцам, подчинением авторитетам.

В научной литературе существует две разновидности конформизма: **уступчивость и одобрение.**

Подобная градация конформизма исходит из того, что:

— во-первых, иногда личность ведет себя так, как это принято в той группе, к которой он относится или членом которой он является. При этом, он в душе не соглашается с тем, чему он следует. Такой неискренний, внешний конформизм называется уступчивостью. В основе подобного поведения лежит желание заслужить поощрение либо избежать наказания. Если лицо подчиняется явно выраженному приказу, то это называется повиновением (подчинением). В основе данного вида поведения лежат те же желания, что и при уступчивости. Таким образом, под понятием "уступчивость" понимается конформизм, при котором внешние действия хотя и соответствуют давлению группы, однако присутствует личное несогласие;

— во-вторых, иногда личность искренне верит в то, что вынуждает ее делать группа. Такой искренний, внутренний конформизм называется одобрением. Одобрение зачастую возникает вслед за уступкой. Таким образом, под понятием "одобрение" понимается конформизм, который включает действия и убеждения в соответствии с социальным давлением. /14, 271/

Исходя из вышесказанного можно сделать выводы о том, что асоциальное значение конформизма состоит в том, что человек с конформным сознанием создает себе алиби в различных жизненных ситуациях, объясняя свои действия, или бездействия ссылками на силу обстоятельств, что далеко небезразлично для социального здоровья общества.

Разумное приспособление к социальным условиям, не наносящие ущерба, как самой личности, так и окружающим, должны быть не только не осуждаемы, но во многих случаях и поддерживаемы. В противном случае теряют смысл вопросы о социальных нормах, дисциплине, организованности, и даже целостности общества. Вопрос о роли среды в детерминации поведения личности связан с ее социальной и нравственной ответственностью. /15/ У человека всегда есть выбор и, следовательно, должна быть социальная ответственность. Разумное устройство общества предполагает взаимную уравновешенность личности перед обществом и ответственности общества перед личностью.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать выводы о том, что процесс социализации — это процесс взаимодействия личности и общества. Данное взаимодействие включает в себя, с одной стороны, способ передачи индивиду социального опыта, способ включения его в систему общественных отношений, с другой стороны, процесс личностных изменений. Эта последняя трактовка является наиболее традиционной для современной социологической литературы, где под социализацией понимается процесс социального становления человека, который включает в себя усвоение индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений. Сущность социализации состоит в том, что в процессе ее человек формируется как член того

общества, к которому он принадлежит.

Исследователи, изучающие проблемы правовой социализации едины во мнении о том, что “правовая социализация составляет необходимую и важную часть общей социализации и соотносится с ней как часть и целое. Она, как органическая часть процесса общей социализации индивида, представляет собой специфическое проявление ее общих законов в сфере формирования и развития индивидуального политического и правового сознания правовой культуры”. /16, 105/

Одной из форм общесоциальной регуляции поведения несовершеннолетнего является правовая регуляция. По утверждению М. И. Еникеева, “правовая регуляция — это система государственно-санкционированных воздействий с целью упорядочения наиболее существенных, экономически обусловленных отношений в обществе. Правовые нормы вырабатываются и утверждаются специальными государственными органами, законодательным путем, их соблюдение обеспечивается государственной властью. Нормы права кодифицируются в словесных конструкциях и объективируются в нормативных актах. После утверждения законодательными органами эти нормы становятся законом, обязательным для всех членов общества, официальных органов и организаций. Система правовых норм — самая действенная система социальных норм, так как все члены общества обязаны их знать и соблюдать”. /17, 229/ Исходя из подобных взглядов ученого на проблему правовой социализации, можно сделать выводы о том, что по большому счету, овладение способами поведения, которые соответствуют нормам действующего права является ни чем иным, как самым, что ни есть прямым проявлением правовой социализации личности.

Правовая социализация личности — это включение в ценностно-нормативную систему личности тех ценностей, которые охраняются правом, и эта ценностно-нормативная система составляет основу правосознания индивида. /18, 229/

Правоисполнительное поведение личности формируется в результате ее правовой социализации. В большинстве случаев несовершеннолетние руководствуются не действующей правовой нормой, а представлениями своими о ней, которые в большинстве своем не верны и которым подросток не всегда может дать объяснение. Безусловно, у социализированной личности расхождение между действительной нормой и представлениями о ней, как правило, незначительно. Правовая социализация личности — включение ценностно-нормативную систему личности ценностей, охраняемых правом, овладении личностно-правомерными способами поведения, формирование у нее чувства социальной ответственности с правом.

Высший уровень правовой социализации — поведение личности на основе правосolidарных установок — привычное правоисполнительное поведение как устойчивая особенность нравственной личности. При этом нормы права соблюдаются не из-за страха наказания и даже не из чувства солидарности с правом, а по настоятельной нравственной потребности совершать только правомерные действия — жить достойно.

Таким образом, правовая социализация неразрывно связана с нравственным формированием личности. Мораль и право — две взаимосвязанные формы регуляции поведения людей в обществе. Исполнение норм права обеспечиваются силой государственного принуждения, исполнение норм нравственности — социально-психологическими механизмами.

Правонарушение совершают в основном социально дезадаптированные лица. Социальная дезадаптация личности уходит истоками в раннюю юность и даже в отроческий период жизни индивида. А социальная личность формируется, как правило, в ответ на жизненные труднопреодолимые коллизии. В этих условиях личность легко включается в социальную субкультуру и формирует свою жизненную асоциальную стратегию. Преступления совершает индивид, смирившийся своим низким социальным статусом, потерявший самоуважение, принимающий себя в качестве “плохого человека” и утверждающий себя через эту свою

личностную особенность. Поведение социальной личности связано с утратой ее социально-положительных притязаний. Девиантность — становится для личности средством извращенного самоутверждения. /19, 65/

Социальная дезадаптация личности связана в ряде случаев не только с ценностной дезориентацией, но и с несформированностью у нее способов психологической самозащиты. Трагедия несовершеннолетнего — с юных лет почувствовать себя обреченным, неудачником, способным совершать лишь негативные действия. Необратимые последствия могут повлечь равнодушие лиц, чье мнение для него имеет особенно важное значение. Фундаментальная социальная потребность каждого несовершеннолетнего — потребность самоуважением, в личностном признании — должна находить отклик в социально положительной среде. К отклоняющимся формам поведения прибегает отклоненная социумом личность. Принижение личности обществом ведет к низменным формам поведения. Постоянное осознание несовершеннолетним своего несоответствия требованиям социальной среды вызывает надлом личности и ее внутренний протест против этих требований. Уменьшается стремление соответствовать этим требованиям, зарождается стремление индивида противостоять враждебной для него среде. Референтными для него становятся асоциальные группы. Индивид изыскивает средства самоутверждения в этих группах. Алкоголик, хулиган, вор утверждается в асоциальной среде утративанием своих асоциальных качеств.

Эта негативная социальная идентификация порождает у личности новые, асоциальные критерии эффективности своего поведения. Не состоявшейся общественной масштаб личностного самоизмерения индивид заменяет доступным для него асоциальным суррогатом. И вот уже физически слабый паренек, начавший пить и курить, начинает чувствовать себя “настоящим парнем”. А первые его успехи в “деле” создает ему ореол “своего парня”. Утрированные главарей поощрения льстят его болезненному самолюбию. И только в этой субкультуре индивид начинает видеть смысл своего существования. У индивида укрепляется мотивация девиантного поведения. Антиномативность становится нормой поведения — таков парадокс девиантности.

Несостоявшаяся социальная адаптация неизбежно оборачивается для несовершеннолетнего социальной дезадаптацией, сначала делинквентностью, а затем и преступностью.

Итак, для того, чтобы человек вел себя правомерно, он должен принять социальные личности, усвоить (интернализировать) основные нормы и способы поведения, принятые в обществе.

Правовые представления и оценки могут быть сформированы лишь на этой основе. Правовая социализация личности связана с присвоением ею социальных ценностей, со специальным формированием правовых представлений и навыков право исполнительного поведения, с формированием правосознания личности, /20, 123—127/ а правосознание — система знаний, оценок и представлений о правопорядке данного общества, это субъективное моделирование объективно существующего правопорядка.

Резюмируя вышесказанное можно сделать выводы о том, что правовая социализация несовершеннолетних — это не только формирование правовых знаний и представлений, но и формирование твердых потребностей соблюдения норм права, убеждения в их неотвратимой потребности и необходимости для нормального функционирования общества и общественного правопорядка.

Процесс правовой социализации следует рассматривать, как целостное единство социализирующих воздействий на индивида социальной среды, целенаправленной воспитательной деятельности общества, его социальных институтов, собственной деятельности. А это значит наиболее полно отразить реальные границы и объем правовой социализации, совокупность объективных и субъективных факторов, опосредующих ее структуру, содержание развитие. /21, 116/

1.2. Стадии, задачи и механизм правовой социализации несовершеннолетних

Учитывая то, что психологи, педагоги, социологи и юристы подчеркивают, что процесс социализации личности продолжается в течение всей жизни человека, необходимо указать, что процессы правовой социализации взрослых в значительной степени отличаются от процессов правовой социализации детей несколькими значительными моментами. Правовая социализация взрослых скорее изменяет, в большинстве случаев, внешнее поведение субъекта, то есть она не оказывает значительного влияния на внутренне содержание личности в установке его ценностных ориентаций, взглядов на жизнь, взглядов на свое место в жизнедеятельности общества, взглядов на значимость действующих норм права и т. д.

В отличие от социализации взрослых социализация детей формирует устойчивые ценностные ориентации. Подобного рода суждения, наталкивают нас на мысль о том, что, правовая социализация взрослых в основном рассчитана на то, чтобы помочь человеку приобрести какие-либо определенные навыки в ориентации в системе действующего права, навыки необходимые для его органичного вживания в социальную жизнь общества, как полноценного субъекта в складывающихся правоотношениях, что, несомненно, важно, в условиях общества, членом которого он является. Процесс же правовой социализации, складывающийся и протекающий в детстве в большей мере имеет дело с мотивацией поведения. Исходя из аналогичных наблюдений, психолог Р. Гарольд предложил теорию, в которой социализация взрослых рассматривается не как продолжение детской социализации, а как процесс, в котором изживаются психологические приметы детства.

Периодизация процесса социализации всегда включает указание на то, какие задачи должен решить человек, достигший определенного возраста, чтобы своевременно перейти в следующую стадию социализации.

Во многих древних обществах, переход из одной стадии социализации в другую, оформляется особыми ритуалами, благодаря которым подросток не просто приобретал новый социальный статус, но как бы рождался заново, получал новое имя, причем символическое наступление зрелости зачастую не совпадало по срокам с половым созреванием. Некоторые ритуалы такого рода существуют и сегодня — торжественное вручение паспорта, аттестата зрелости, посвящение в студенты и т. д.

Как уже было указано выше, сегодня существуют различные подходы в определении стадий как вообще социализации, так и правовой социализации личности. Поэтому в равной мере и основания для ее периодизации представляются различными, и они во многом зависимы от того, какие критерии берутся за ее основу. Как свидетельствует об этом опыт, полученный в результате проведенных исследований, в качестве основополагающих критериев могут выступать: ведущий вид деятельности, ведущий институт социализации и т. п.

Как бы то ни было, социализация личности — сложный, противоречивый процесс, длящийся на протяжении всей жизни человека и подразделяющийся на различные стадии, анализ которых еще в недостаточной степени освещен в современной научной литературе и представляется дискуссионным. Так, например, французский психолог Ж. Пиаже, сохраняя идею различных стадий в развитии личности ребенка, делает акцент на развитии познавательных структур индивида и их последующей перестройке в зависимости от опыта и социального взаимодействия. Эти стадии сменяют (переходят) одна другую в строго определенной последовательности:

— сенсорно-моторная (от рождения до 2 лет);

— операционная (от 2 до 7);

— стадия конкретных операций (с 7 до 11);

— стадия формальных операций (с 12 до 15).

В современной психологической и педагогической литературе наиболее признанной является та точка зрения, согласно которой этапы социализации соотносятся с возрастной периодизацией жизни человека. В подобных рассуждениях выделяют:

— младенчество (от рождения до 1 года);

— раннее детство (1—3 года);

— дошкольное детство (3—6 лет);

— младший школьный возраст (6—10 лет);

— подростковый (10—14 лет);

— ранний юношеский (15—17 лет);

— юношеский (18—23 года);

— молодость (23—33 года);

— зрелость (34—50 лет);

— пожилой возраст (50—60 лет);

— старость (60—70 лет);

— долгожительство (свыше 70 лет). /22/

В специальной литературе существуют понятия полной и неполной периодизации социализации личности. Полные периодизации развития (приведенная нами выше) охватывают всю человеческую жизнь с наиболее характерными стадиями, а неполные (частичные, урезанные) — только ту часть жизни и развития, которая интересует определенную научную область. Например, для педагогики школы наибольший интерес представляет периодизация, охватывающая жизнь и развитие школьного возраста.

В указанном контексте И. П. Подласый выделяет следующие периодизации детского возраста:

1. младенчество (1 год жизни);
2. предшкольный возраст (от 1 до 3 лет);
3. дошкольный возраст (от 3 до 6 лет), (младший дошкольный возраст (3—4 года), средний дошкольный возраст (4—5 лет), старший дошкольный возраст (5 лет));
4. младший школьный возраст (6—10 лет);
5. средний школьный возраст (10—15 лет);
6. старший школьный возраст (15—18 лет). /23/

Нетрудно заметить, что основу педагогической периодизации составляют стадии физического и психического развития, с одной стороны, и условия, в которых протекает воспитание, с другой.

Многие исследователи обращают внимание на то, что определяющую роль в процессе первичных стадий социализации, связанных с периодом детства, с периодом формирования основных психических функций и элементарных форм существенного поведения, играют возрастные особенности личности.

Для каждого возраста или этапа социализации выделяют три группы задач, решение которых является объективной необходимостью для развития несовершеннолетнего и общественных отношений в которые подросток непрерывно вступает. Это в большинстве своем естественно-культурные, социально-культурные и психологические задачи, содержание которых заключается в следующем:

— смысл естественно-культурных задач выражается в достижении на каждом возрастном этапе определенного уровня физического и сексуального развития. Этот уровень носит конкретно-исторический характер (у разных народов различные представления об идеалах мужественности и женственности, различные темпы полового созревания и т. д.);

— смысл социально-культурных задач реализуется в познавательных, морально-нравственных, ценностно-смысловых направлениях. На каждой стадии социализации несовершеннолетний должен обладать не только определенной суммой знаний, умений, навыков, но и принимать соответствующее участие в жизни общества. Эти задачи объективно определяются обществом в целом, уровнем его развития, региональным и ближайшим окружением подростка;

— смысл социально-психологических задач выражается в становлении самосознания личности, ее самоопределения в актуальной жизни и на перспективу, самореализации и самоутверждении.

Резюмируя вышесказанное нужно отметить, что для каждого этапа социализации, содержание задач и средства их реализации различны и это обусловлено различными способствующими факторами. Так, например, по мнению А. В. Мудрика, если какая-либо группа задач или существенные задачи какой-либо группы остаются нерешенными на том или ином возрастном этапе, то это либо задерживает развитие человека, либо делают его неполным, /24/ и последствия этой ситуации могут проявиться через значительный период времени в форме неадекватных поступков несовершеннолетнего, которые будут восприниматься окружающими как немотивированные и труднообъяснимые.

Таким образом, социализация осуществляется с помощью средств, специфических для того или иного общества, социального слоя, возраста: способы ухода за младенцем; методы поощрения и наказания в семье, в группах сверстников, приобщении человека к различным отношениям в общении, игре, познании, предметно-практической и духовно-практической деятельности и так далее, то есть социализация всегда осуществляется через ряд разнообразных механизмов.

В научно-теоретической литературе существуют различные подходы к определению механизмов социализации. Так, французский психолог Г. Тард считал основным подражание, которое возводил как к психологическим основаниям (желаниям, биологическим потребностям), так и к социальным факторам (престижу, повиновению и практической выгоде).

Бронфенбреннер механизмом социализации считал прогрессивную аккомодацию (приспособляемость) между активным растущим человеческим существом и изменяющимися условиями, в которых оно живет. В.С. Мухина рассматривает в качестве механизмов социализации идентификацию и обособление личности, а А. В. Петровский — закономерную смену фаз адаптации, индивидуализации и интеграции в процессе развития личности. /25, 361/

Таким образом, сегодня ученые при исследовании данной проблемы выделяют социально-психологические механизмы социализации: подражание, внушение и т. д.; различные социальные институты как механизм социализации: школа, семья и т. д. Взятые в совокупности и в обобщенном виде все они в сумме образуют универсальные механизмы социализации, и эти механизмы в литературе получили следующие названия:

— традиционный;

— институциональный;

- стилизованный;
- межличностный;
- рефлексивный.

Под традиционным механизмом социализации понимается усвоение человеком норм поведения, взглядов и убеждений, которые присущи его семье и ближайшему его окружению, то есть традиционный механизм представляет собой неосознанное и некритическое восприятие и усвоение человеком норм, эталонов поведения, взглядов характерных для семьи, соседей, друзей и так далее, которые не всегда соответствуют общественно одобряемым.

Институциональный механизм реализуется в процессе взаимодействия человека с различными организациями и учреждениями, которые способствуют накоплению человеком знаний и опыта социально одобряемого поведения, а также опыта его имитации. Некоторые из этих институтов являются специализированными, т. е. они создавались специально для осуществления функции социализации (например, институты системы образования), другие являются неспециализированными, т. е. они выполняют эту функцию попутно, параллельно со своими основными функциями (например, армия).

Стилизованный механизм социализации действует в рамках субкультуры, которая влияет на человека в той мере, в которой группы сверстников, коллеги по профессии и другие, являющиеся ее носителями, референтны для него. Субкультура — это совокупность норм, ценностей, поведенческих проявлений, характерных для определенной группы людей, что обуславливает определенный стиль жизни этой группы.

Межличностный механизм социализации функционирует в процессе взаимодействия человека с другими людьми, при этом последние должны быть для него значимыми. Значимыми лицами могут быть родители, учитель, друг и т. д.

Рефлексивный механизм социализации осуществляется через индивидуальное переживание и осознание, внутренний диалог, в котором человек рассматривает, оценивает, принимает или отвергает те или иные ценности, свойственные различным институтам общества, семье, обществу сверстников и т. д. /26/ То есть человек формируется и изменяется в результате осознания и переживания им той реальности в которой он живет, своего места в ней и самого себя.

Социализация каждого человека осуществляется с помощью всех указанных выше механизмов. Но роль каждого из этих механизмов, их "удельный" вес в осуществлении процесса социализации различен. В условиях села, а также в малообразованных городских семьях большую роль часто играет традиционный механизм. Так, решающая роль на первых стадиях социализации принадлежит традиционному механизму, в то время как в подростковом возрасте на первый план выходит институциональный механизм социализации. В крупных городах ведущее место в социализации личности занимают институциональный и стилизованный механизмы. В сфере досуга ведущим является стилизованный механизм, а стандарт и стиль жизни в большей мере формируется с помощью традиционного. Для людей интровертивного типа (обращенных внутрь себя, отличающихся повышенной тревожностью, самокритичностью) большое значение имеет рефлексивный механизм. /27/

Глава 2 Роль семьи в социализации несовершеннолетних склонных к совершению правонарушений

Как известно, социализирующее значение семьи занимает доминирующее место в становлении личности ребенка, как полноценного субъекта общественных отношений возникающих в процессе его жизнедеятельности. Именно семья призвана обеспечить разумную деятельность ребенка, помочь ему усвоить положительный опыт взрослых в труде, в быту, личных взаимоотношениях. Семейная жизнь во всем ее многообразии может стать источником становления нравственно ценных качеств личности лишь в том случае, если отношения между членами семьи основаны на духовной близости, чуткости, доверии, простоте, скромности, чистоте взаимоотношений. Сложившиеся в семье отношения в большинстве случаев являются решающими и зачастую определяют и формируют социальную и нравственно-индивидуальную позицию ребенка. Выработка этой жизненно важной позиции ребенка как члена семейного коллектива во многом зависит от личного примера родителей, от их возможности быть образцом для своих детей. /28, 33/

Как отмечено выше, личность ребенка и подростка формируется не сама по себе, а в окружающей его среде. При этом особенно важную роль занимает значение малых групп, в которых подросток взаимодействует с другими людьми. Прежде всего, это касается семьи и ее благополучия или же неблагополучия.

Неблагополучная для ребенка семья — это не синоним антисоциальной или асоциальной семьи. Существует великое множество семей, о которых ничего плохого с формальной точки зрения сказать нельзя, но тем ни менее для данного конкретного ребенка эта семья будет неблагополучной. Конечно, семья пьяницы или хулигана для любого ребенка будет неблагополучной, однако в большинстве случаев, которые мы обсуждаем, понятие неблагополучной семьи может возникать лишь в соотношении с конкретным ребенком, на которого это неблагополучие действует. Для одного ребенка семья может быть подходящей, а для другого эта семья станет причиной тягостных душевных переживаний и даже психического заболевания. Так, по мнению детского психиатра М. И. Буянова: “Разные бывают семьи, разные встречаются дети, так что только система отношений “семья — ребенок” имеет право рассматриваться как благополучная или неблагополучная”./29, 9/

В популярной литературе иногда утверждается, что девять десятых подростков-правонарушителей вырастают в криминогенных и слабых семьях. На самом деле такие семьи дают 30—40 процентов преступности (В. Д. Ермаков, 1978). Преувеличивается связь правонарушений подростков со структурой семьи: в последние два десятилетия две трети подростков-преступников росли в полных семьях. В тех случаях, когда развод происходит вследствие пьянства или аморального поведения одного из родителей, это способствует не ухудшению, а оздоровлению условий воспитания детей.¹

Вместо абстрактного противопоставления “благополучных” и “неблагополучных” семей социологи и криминологи различают семьи с различным воспитательным потенциалом. Так, например, Г. М. Миньковский выделяет по этому признаку 10 типов семьи:

1. воспитательно-сильные;
2. воспитательно-устойчивые;
3. воспитательно-неустойчивые;
4. воспитательно-слабые с утратой с утратой контакта с детьми и контроля над ними;
5. воспитательно-слабые с постоянно конфликтной атмосферой;
6. воспитательно-слабые с агрессивной-негативной атмосферой;
7. маргинальные: с алкогольной, сексуальной деморализацией и т. д.;
8. правонарушительские;
9. преступные;
10. психически отягощенные.

Исходя из подобного рода суждений Г. М. Миньковский справедливо указывал на неправомерность усреднения данных о семьях с качественно различными свойствами.¹

Итак, что такое неблагополучная семья? Односложно ответить на этот вопрос невозможно. В психологической и педагогической литературе разные авторы выделяют различные типы и классификации неблагополучных семей, где появляются дети с отклонениями в поведении. Существующие классификации неблагополучных семей не противоречат, а дополняют, иногда повторяя друг друга. Для сравнения приведем некоторые из них:

Л. С. Алексеева в результате проведенных ее исследований пришла к выводу о том, что при подобной постановке проблемы можно различать следующие виды неблагополучных семей:

1. конфликтная;
2. аморальная;
3. педагогически некомпетентная;
4. асоциальная.

По результатам исследования Г. П. Бочкаревой выделяются следующие типы неблагополучных семей:

1. семьи с неблагополучной эмоциональной атмосферой, где родители не только равнодушны, но и грубы, неуважительны по отношению к своим детям;
2. семьи, в которых отсутствуют эмоциональные контакты между ее членами, безразличие к потребностям ребенка при внешнем благополучии отношений. Ребенок в таких случаях стремится найти эмоционально значимые отношения вне семьи;
3. семьи с нездоровой нравственной атмосферой, где ребенку прививаются социально нежелательные потребности и интересы, он вовлекается в аморальный образ жизни.

Выделяя варианты воспитательных ситуаций, которые способствуют появлению отклоняющегося поведения Баерунас З. В. пришел к выводу о том, что неблагополучные семьи подразделяются на семьи со следующими характерными чертами:

1. отсутствие сознательного воспитательного процесса на ребенка;
2. высокий уровень подавления и даже насилия в воспитании, истощающий себя, как правило, к подростковому возрасту;
3. преувеличение из эгоистических соображений самостоятельности ребенка;
4. хаотичность в воспитании из-за несогласия родителей.

Исследуя проблемные ситуации, возникающие в семье, Личко А. Е. выделяет 4 наиболее часто встречающиеся неблагополучные ситуации в семье:

1. гиперопека различных степеней: от желания быть соучастником всех проявлений внутренней жизни детей (его мыслей, чувств, поведения) до семейной тирании;
2. гипоопека, нередко переходящая в безнадзорность;
3. ситуация, создающая "кумира" семьи — постоянное внимание к любому побуждению ребенка и неумеренная похвала за весьма скромные успехи;
4. ситуация, создающая "золушек" в семье — появилось много семей, где родители уделяют много внимания себе и мало детям. /30, 236—237/.

По результатам проведенных исследований, Б. Н. Алмасов приходит к выводу о том, что в социальной жизни общества выделяются следующие типы неблагополучных семей:

— семьи с недостатком воспитательных ресурсов;

— конфликтные семьи;

— нравственно неблагополучные семьи;

— педагогически некомпетентные семьи.

При этом, Б. Н. Алмасов указывает и на динамику отклоняющегося поведения школьника, вызванную его социальной дезадаптацией, которая имеет три стадии:

— компенсаторно-уступчивую, когда подросток стремится снять внутреннее напряжение, вызванное неблагоприятными обстоятельствами внешней среды, дезактуализацией главной цели, переориентацией на цели более общего порядка;

— конфликтно-демонстративную, которая возникает, если предшествующая линия поведения не приносит желаемых результатов;

— внутренней средовой изоляции, когда учащийся перестает себя считать членом группы и начинает ориентироваться только на единомышленников. /31/

Таким образом, определяющая роль семьи обусловлена ее глубоким влиянием на весь комплекс физической и духовной жизни растущего в ней человека. Влияние семьи особенно в начальный период жизни ребенка намного превышает другие социализирующие воздействия, поэтому успешность формирования личности обуславливается, прежде всего, семьей. Чем лучше семья и чем лучше влияет она на воспитание, тем выше результаты физического, нравственного и трудового воспитания личности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать выводы о том, что если семья так сильно влияет на процессы и результаты становления личности, то естественно, именно семье должны уделять первостепенное значение общество и государство в организации правильного социализирующего воздействия на сознание ребенка.

Кроме того, важное значение имеет система требований родителей к образу жизни и поведению ребенка, и в первую очередь их разумность, согласованность последовательность. Организация жизни и деятельности ребенка в семье имеет первостепенное значение в качестве средства реализации требований родителей, практического закрепления образующихся форм поведения. Во что играет ребенок, с кем и как — все это имеет значение в формировании тех или иных отношений и поведения. Систематическое или эпизодическое участие в домашнем труде ребенка сказывается на формировании трудолюбия и работоспособности. Занятия (рассказывание, чтение книг, рисование и ленка) имеют значение не только для формирования готовности к обучению (произвольное внимание, умения и навыки), но и для формирования любви и уважения к знанию и творчеству. /32, 255/

Приведенные выше классификации неблагополучных семей свидетельствуют о том, что в нашем современном обществе все заметнее становится кризис семьи, пути выхода из которого пока не ясны. Кризис выражается в том, что семья все хуже реализует свою главную функцию — воспитание детей. Так, например, по сведениям Комиссии по защите прав несовершеннолетних при акиме Медеуского района города Алматы, 92 из 100 обследованных делинквентных подростков росли в крайне неблагополучной обстановке: 40 процентов росли в неполных семьях, у 11 процентов оба родителя лишены родительских прав, у 19 процентов ближайшие родственники на момент обследования находились в местах лишения свободы. В 88 процентах родительских семей воспитанников отмечалось злоупотребление спиртными напитками хотя бы одним из родителей. Полная безнадзорность, бесконтрольность поведения со стороны родителей, безразличие в дальнейшей судьбе подростка отмечено в 76 процентах случаев. Подобное положение дел, охватывающее почти все регионы стран СНГ, подтверждается и в результате исследований проведенных российскими учеными. /33, 12—13/.

Сочетание неблагоприятных биологических, психологических, социальных, семейных и других

социально-психологических факторов искажает весь образ жизни подростков. Характерным для них становится нарушение эмоциональных отношений с окружающими людьми. Подростки попадают под сильное влияние подростковой группы, нередко формирующей асоциальную шкалу жизненных ценностей. Сам образ жизни, среда, стиль и круг общения способствуют развитию и закреплению девиантного поведения. Так, при проведении социологического опроса (результаты анкетного опроса несовершеннолетних, находящихся в различных специальных учреждениях Республики Казахстан и вышедших из них, всего 473 подростка), 353 несовершеннолетних отбывающих наказание и 120 несовершеннолетних отбывших наказание на вопрос о том, какие вы испытываете чувства к родителям (если они есть): 45, 8 процентов респондентов ответили — благодарность; 75, 6 процентов — любовь; 4,3 процента ответили — безразличие; 0,6 процента — ненависть; 4,8 процента — обиду. При дальнейшем анкетировании респондентов выяснилось, что в отношении 14,7 процентов несовершеннолетних родители допускали вечные оскорбления и не всегда обоснованные придирки, 10 процентов — подвергались постоянным побоям; 5,1 процентов — унижениям; 7,7 процентов — вечно выгоняли из дома; 38,8 процентам опрошенных несовершеннолетних запрещали общение с друзьями. Опрошенные едины во мнении, что все указанные факторы сыграли определяющую роль в процессе их становления в качестве злостных правонарушителей — 100 процентов.

Не менее интересна и та ситуация когда на вопрос о том: “Возвратитесь ли вы после отбытия наказания домой?”, 4,7 процентов опрошенных дало категорический отказ, а 3,8 процентов респондентов затруднилось дать ответ. При этом опрошенные честно признались, что после отбытия наказания им в принципе некуда идти.

Таким образом, имеющий место отрицательный микроклимат во многих семьях обуславливает возникновение отчужденности, грубости, неприязни определенной части подростков, стремления делать все назло, вопреки воли окружающих, что создает объективные предпосылки для появления демонстративного неповиновения, агрессивности и разрушительных действий. Поэтому при проведении мероприятий направленных на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних необходимо уделять больше внимания семейному благополучию подростка. По утверждению В. М. Кормщикова: “Система профилактики, в том числе и профилактики семейного неблагополучия,

— во-первых, должна опираться на принцип непрерывности профилактического процесса, вплоть до исчезновения оснований профилактики;

— во-вторых, должна относиться к числу своих объектов тех, кто нарушает нормы права, создает угрозу или условия их нарушения, является причиной антиобщественной направленности личности несовершеннолетних;

— в-третьих, в формировании своей организационной структуры она должна исходить из учета всех возможных профилактических состояний объекта”¹.

Глава 3 Социализация несовершеннолетних средствами народных игр

3.1. Общая психолого-педагогическая характеристика теорий и идей о социализирующем значении игр

Новое видение решения проблемы подрастающего поколения в деле его воспитания и правовой социализации — национального и вместе с тем общечеловеческого является наиболее полнокровным при условии, если обратится к опыту различных народов, накопленному в этом аспекте за длительное время их существования.

Так, проблема использования народных игр в деле воспитания и правовой социализации детей находилась в центре внимания исследований педагогов, психологов и юристов, являющихся представителями различных народов и народностей. Педагогический потенциал народных игр в становлении личности школьника отмечался И. Г. Песталоцци, Р. Оуэном, Ф. Фребелем, К. Д. Ушинским, П. Ф. Лесгафтом, Л. Н. Толстым, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинским и многими другими выдающимися педагогами.

Большой вклад в разработку теории и практики игры внесли известные психологи Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, П. П. Блонский и другие. Вопросы теории игры привлекали внимание Ф. Шиллера, В. Штерна, Г. Спенсера, К. Гросса, В. Вундта.

Воспитательные и социализирующие возможности казахских народных игр отмечали педагоги-просветители И. Алтынсарин, А. Кунанбаев. О глубокой связи казахских народных игр с народным творчеством, уходящим в глубь веков, писали этнографы, историки, путешественники дореволюционного Казахстана: А. Гумбольдт, А. Янушкевич, Т. Атkinson, А. Диваев и другие.

Использование народных игр в образовательно-воспитательных целях считали полезными Н. Кулжанова, М. Жумабаев, И. Жансугуров, М. Ауэзов, С. Муканов и другие.

Казахские национальные игры стали предметом специального исследования в трудах Т. Бекбатчаева, Т. Куанышева, Е. Сагындыкова, С. Узакбаевой, М. Таникеева, Ж. Тулегенова, А. К. Айтпаевой. В работах указанных ученых проведено детальное описание казахских народных игр, разработаны классификации игр по различным основаниям, выявлена методика использования игр в учебной деятельности в образовательно-воспитательных целях.

Кроме общей теории игровой деятельности, многие исследователи (З. Б.-Ф. Контаутене, М. Нурмедов, Р. А. Юлдашева, Г. Н. Гришина, О. Н. Кышпанакова, А. К. Айтпаева и другие) анализировали народные игры и их функции в учебно-воспитательном процессе, определяли педагогические приемы руководства различными видами народной игры в целях нравственного, эстетического и физического развития детей.

Однако, почти никто из указанных выше исследователей не проводил специальных исследований рассматривающих роль и значение игр как одного из важнейших факторов в правовом воспитании и в правовой социализации личности. Одной из немногих работ отдаленно, но все-таки затрагивающей отдельные аспекты указанных проблем, является работа выдающегося юриста-правоведа А. Р. Ратинова “Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике” (1970г.).

Несмотря на то, что исследования указанных деятелей науки и образования велись в различных направлениях и сферах научного познания и образования, в различных социальных условиях развития человеческого общества, при различных политических и экономических режимах, все ученые едины во мнении о том, что роль игр в развитии и социализации личности ребенка являются одними и из первостепенных, определяющих и способствующих степени развитости воображения ребенка, его образного мышления, ориентации в задачах и мотивах человеческой деятельности, способности к совместной деятельности и так далее. Однако ими упускались такие

проблемы социализирующего значения игр в развитии личности как обязанность каждым играющим соблюдения установленных играми норм и правил поведения, готовности каждым играющим нести ответственность за нарушения установленных игрой норм и правил игры, знание меры ответственности (наказания, взыскания) за нарушение правил игры, исполнения наказания нарушителей игровых запретов и так далее.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы о том, что народные игры тесно связаны с историей человечества и находятся в постоянном развитии и обновлении, поэтому игра занимает важное место во всей деятельности человека, в том числе и в процессе его правовой социализации.

Игра, будучи мнимой реальностью, обусловленной человеческой деятельностью, выступает элементом идеологической настройки, оказывающей влияние на возникновение, развитие, изменение общественно-экономической формации.

Исторически прослеживается, что народная игра формировалась как одно из средств функционирования общества: игра и игрушки относятся к интересным явлениям человеческой культуры, так как они во многом отражают этнический менталитет.

И все-таки следует более конкретней определиться с понятийным и категориальным аппаратом феномена “игра”. В литературе и в иных источниках познания существует множество их дефиниций. Так, например, в философском, социологическом, психологическом словарях и энциклопедии понятия “игра”, “детские игры” определяются как:

— один из видов деятельности человека и животных. В животном мире игра — форма жизнедеятельности молодых животных, возникающая на определенной ступени эволюционного развития; /34, 138/

— форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры; /35, 126/

— исторически возникший вид общественной практики, в которой воспроизводятся нормы человеческой жизни и деятельности, подчинение которым обеспечивает познание и усвоение предметной и социальной деятельности, интеллектуальное, эмоциональное и нравственное развитие личности; /36, 127/

— вид деятельности детей, заключающийся в воспроизведении действий взрослых и отношений между ними и направленный на ориентировку и познание предметной и социальной действительности;

— одно из средств физического, умственного и нравственного воспитания детей; /37, 142/

— народная игра тесно связана с историей человечества и находится в вечном обновлении; результат человеческой фантазии, порожденной трудовой деятельностью как определенная деталь идеологической надстройки, которая оказывает влияние на возникновение, развитие, изменение общественно-экономической формации; /38, 142/

Данные определения свидетельствуют о том, что народные игры представляют собой духовное сокровище, передаваемое из поколения в поколение; память народа, хранящую его историю, и современность, плод полета народной фантазии.

Таким образом, о воспитательном и социализирующем значении и иных социальных возможностях игр в целом и в народной педагогике, в частности, немало плодотворных идей выдвинуто педагогами и психологами разных времен и народов, как дальнего, так и ближнего зарубежья. И поэтому подобные идеи можно классифицировать на:

- идеи педагогов дальнего и ближнего зарубежья;
- идеи психологов дальнего и ближнего зарубежья;
- идеи ученых-просветителей, педагогов, психологов Казахстана.

Следует отметить, что подобная классификация указанных идей носит условный и относительный характер, но все же необходимо понимать, что только изучение данных теорий в их органичной совокупности и синтезе могут предоставить нам реальную возможность в полном раскрытии социализирующего значения игр в формировании правового мировоззрения несовершеннолетних.

3.2. Основные теории и идеи педагогов дальнего и ближнего зарубежья о социализирующем значении игр

При рассмотрении идей педагогов дальнего и ближнего зарубежья, в первую очередь, следует выделить идеи об игровых занятиях чешского педагога, родоначальника педагогической науки Я. А. Коменского. Например, в качестве средства для разумного отдыха Я. А. Коменский предлагает практиковать такие игры, в процессе которых учащиеся овладевали бы знаниями и умениями из области ремесел, хозяйства, политики, военного дела, а также игры, соединенные с экскурсиями в живую природу для собирания полезных трав. Замечательно при этом, что такого рода игры и успехи в них Я. А. Коменский рассматривает и как средство определения природных способностей учащихся, позволяющие им сделать правильный выбор профессии.

Для поощрения учащихся Я. А. Коменский предлагает наиболее успевающих награждать званиями доктора или кандидата наук. В военной игре наиболее успевающие учащиеся могут получить звание полковника, трибуна, капитана, знаменосца; в вопросах политических — царя, вождя, советника, канцлера, секретаря, посла и прочие..., а также звания консула, сенатора, синдиката, адвоката и прочие. /39, 199/ Как видим, Я. А. Коменский высоко оценивает образовательные, диагностические, воспитательные возможности детских игр. Подобные игры, по мнению Я. А. Коменского, приводят к серьезным результатам. И школы в таком случае служат преддверием жизни. Мысли Я. А. Коменского оказали существенное влияние на теорию игр.

Французский мыслитель и философ Жан-Жак Руссо рассматривал детские игры как форму обучения. По его словам, "... занимается ли ребенок или забавляется, то и другое для него — все равно; игры — суть его занятия, и он не чувствует разницы между этим. Во всяком деле он высказывает интерес, который возбуждает улыбку и свободу, которая так нравится, обнаруживая одновременно и склад своего ума, и круг своих познаний". /40, 34/

Применяя детские игры как форму обучения, Жан-Жак Руссо, таким образом, отмечает, что в играх дети радуются, открывая для себя новое в окружающем их мире, овладевая навыками, которых требует жизнь. Играя, ребенок способен больше выразить, что его интересует, увлекает, чем он живет в данный момент.

Воспитательные возможности игр в свое время неоднократно подчеркивал швейцарский педагог И. Г. Песталоцци. В своей практике он часто использовал игры как средство повышения эффективности процесса обучения и физического развития. Участвуя в детских играх и развлечениях, внося в них оживление и веселье, порою, он сам становится ребячливым. По его словам, "... правильно поставленное обучение, основанное на развитии детской самостоятельности, не может вызвать переутомления, в особенности, если обеспечено планомерное чередование умственной работы с отдыхом, гимнастикой и спортом...". /41, 91/ Длительное пребывание на воздухе, простое, но здоровое питание, твердый режим, предусматривающий правильное сочетание занятий с играми и другими формами физической деятельности воспитанников, обеспечивали прекрасное состояние их здоровья.

Идеи И. Г. Песталоцци были поддержаны и английским ученым Робертом Оуэном. В его школе "для маленьких детей" соблюдается правильный режим дня, значительную часть времени дети проводили на свежем воздухе, играя, занимаясь танцами и пением. Все эти занятия способствовали развитию у них ловкости, изящества, хорошего вкуса. Проводя значительную часть времени с детьми на свежем воздухе Р. Оуэн учил их понимать и эмоционально воспринимать красоту окружающей природы, ощущать гармонию мира, восхищаться прекрасным. То есть посредством игры он осуществлял эстетическое воспитание детей.

Эволюцию взглядов на игру проследил итальянский педагог Д. И. Колоцца. Он подчеркивал, что игра должна выступать прежде всего как средство физического воспитания и развития: она должна создавать первоначальные формы мышления, чувствований, желаний и действий и способствовать их развитию, она побуждает ум научиться подмечать отдельные свойства и

отношения вещей; она побуждает заниматься рисованием, счетом и так далее. /42, 266/

Однако впервые игра была включена в общую педагогическую систему воспитания ребенка в трудах Ф. Фребеля — выдающегося немецкого педагога первой половины XIX века, создавшего образовательное учреждение нового типа для детей. Игру Ф. Фребель предлагает использовать в качестве “развивающе-образовательного” средства для детей.

Ф. Фребель чрезвычайно много сделал для развития практической педагогики игры. Им создан прекрасный набор игрового материала для детей раннего возраста (который и сейчас, безусловно, представляет интерес для педагогов), разработаны приемы поведения первоначальных “полезных” (сюжетных) игр, построенных на использовании предметов — заместителей, система занятий для старших дошкольников, предложен целый ряд хороводных, подвижных игр, подобрана музыка и стихотворные тексты к ним. В системе Ф. Фребеля игра (разные ее виды) являлась центральным средством воспитания дошкольника, так как интегрировала собственную активность ребенка (самодетельность) с внешним миром. Идеи Ф. Фребеля наиболее выпукло выражены в пяти основных направлениях его исследований:

— во-первых, это идея гармоничного развития ребенка: игра — деятельность, дающая возможность развития творческому началу ребенка, она не связывается с узкими педагогическими утилитарными целями;

— во-вторых, это диалектическое понимание игры как объективации внутреннего мира ребенка через его внешнюю деятельность, что приводит к познанию мира и самого себя и изменению внутреннего мира (то есть игра как единство внутренней активности ребенка и внешнего мира);

— в-третьих, игра объединяет духовную (эмоциональную) жизнь ребенка и взрослого; значение действий и речи взрослого для появления и развития самодетельной игры ребенка особенно важно в раннем возрасте, но не теряется и для более старших детей;

— в-четвертых, в игре реализуется, принцип систематичности, преемственности, последовательного усложнения самого предметного материала, на котором играет ребенок (отражение в нем принципа усложнения самой жизни);

— в-пятых, указывает на необходимость согласованных действий воспитательниц детского сада и взрослых в семье, которые создают соответствующий дух игры, поддерживают его в ребенке; идея о специальном воспитании, подготовке “садовниц” и просвещении матерей. /43, 26/

Проблемы игры разрабатывались такими видными учеными, как О. Декроли, Д. Дьюи. Каждый из них внес в педагогику свои новые идеи.

Например, бельгийский педагог и психолог О. Декроли создал систему дидактических игр, обеспечивающих сенсорное и духовное развитие детей, в которой в качестве педагогического средства использовал лишь особого рода игровую активность детей. Игра, по О. Декроли,— это радостная творческая деятельность ребенка. Играя, малыш развивается; развиваясь, он испытывает потребность в еще более активной деятельности. Говоря о значении игр, способствующих развитию сенсорных восприятий, О. Декроли отмечал, что ребенок почти бессознательно делает сравнения, сопоставления, и игра является для него случаем, побуждением припоминать, делать выводы и составлять суждения. /44, 47/

При всем этом особенности самого игрового материала (конкретность, наглядность, близость к жизни), знаний, “прорабатываемых” через игру, придают дидактической игре узкопрагматическую направленность. В связи с этим мы полагаем, что игру О. Декроли рассматривал как средство решения педагогических задач.

В концепции американского философа, психолога Д. Дьюи игры непосредственно отображают

окружающую действительность детей. По мнению Д. Дьюи, "главный корень всей педагогической деятельности заключается в развитии у детей инстинкта, импульсов и активности, а не в сообщении и приспособлении для них внешнего материала, все равно каким путем, путем ли передачи чужих мыслей или путем чувственных восприятий, и, что, согласно с этим, бесчисленные самостоятельные проявления детской активности, игры, забавы, подражательные стремления, даже бесцельные движения маленьких детей — все эти проявления первоначально игнорировавшиеся как пустые и ненужные и даже осуждавшиеся как дурные,— все они полезны в общеобразовательных целях; нет больше: они — краеугольные камни педагогики". /45, 90/

Так же, как Ф. Фребель, Д. Дьюи придавал огромное значение игре в развитии и воспитании детей: "Игру нельзя отождествлять со всякой внешней деятельностью ребенка. Она, скорее, является указанием на его умственную деятельность во всей ее полноте и единстве. Это — свободная игра, упражнение всех сил, мыслей и физических движений ребенка, с воплощением в удовлетворяющей его форме его собственных образов и интересов". /46, 91/

Таким образом, подчеркивая развивающую и воспитывающую сторону игр, в процессе которых развиваются духовные и физические силы ребенка — его внимание, память, воображение, дисциплинированность, ловкость, Д. Дьюи акцентировал свое внимание на том, что в игре формируются все стороны личности ребенка, происходят значительные изменения в его психике, подготавливающие переход к новой, более высокой стадии развития.

Высоко оценивали игры, в частности народные игры, известные революционеры — демократы В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский и др. Они считали игры важным средством обучения и воспитания.

Так, В. Г. Белинский оценивал детские игры с точки зрения физического воспитания — "Физическое воспитание детей,— говорил он,— имеет своей задачей охранять здоровье детей, развивать их физические силы, ловкость и гибкость путем установления правильного образа жизни, организации игр". Не скрывая своего восхищения проделками бабушки Ирины, советовал детям, чтобы они участвовали в играх, и говорил, что он научит их играть в новые игры, неизвестные и прекрасные. Если они пойдут с ним гулять, то их ожидает величайшее удовольствие: они могут бегать, прыгать, шуметь, а он между тем будет рассказывать им, как называется каждая травка, каждая бабочка, как они растут и умирают, снова воскресая для новой жизни. /47, 47/

Н. А. Добролюбов выступал против искусственности в организации игр. Особо подчеркивал роль народных игр, которые, на его взгляд, в силу своей притягательности, лучше всех соответствуют детской психике. /48, 411/

Теоретические положения об играх, их воспитательные возможности, выдвинутые в трудах К. Д. Ушинского, получили широкое научное обоснование. По его словам, в процессе игры в психике ребенка, происходят важнейшие изменения; развиваются его воображение, творческие способности, укрепляются память и воля, вырабатывается цельный характер, формируется нравственная и духовная сторона растущей личности, намечаются основные черты характера. Игра,— по его словам, имеет чрезвычайно важное значение в духовном развитии детей, даже гораздо большее, чем первоначальное ученье. Она влияет на развитие детских способностей и склонностей, а следовательно, на его будущую судьбу. Он неоднократно подчеркивал, что в ходе игры закладываются основы коллективного начала детского характера, отмечал, что игры, в которых участвует группа детей, развивают их общественные взаимоотношения, содействуют укреплению их личных связей. Справедливо выделял также роль среды в определении содержания игр, говорил, что поскольку ребенок достает необходимый материал для игры в среде, где непосредственно живет, то результаты игры будут оказывать воздействие на становление его характера и тем самым найдут отражение в поведении будущей личности, его общественных отношениях. Он был убежденным сторонником такой организации дела подготовки будущих учителей, где бы теория и практика игровой деятельности детей обязательно входила в учебный

план педагогических учебных заведений как "один из главных предметов". К. Д. Ушинский предупреждал также, что детские игры претерпевают различные изменения в зависимости от возраста и жизненного опыта ребенка, степени его умственного развития и руководящей деятельности взрослых. В связи с этим указывал на необходимость педагогического руководства детской игрой, использование ее в воспитательных целях, обращал внимание не только на подражательные (сюжетные) игры, но и на игры с правилами. Анализ теоретических положений К. Д. Ушинского свидетельствует о том, что он рассматривал игры как средство развития детских способностей и наклонностей.

Важность использования в воспитании и обучении разных видов детских игр подчеркивал и П. Ф. Лесгафт. Он полагал, что воспитание посредством игр равно по воздействию приучению к самостоятельному труду, что этот вид воспитания учит детей ценить по достоинству общественное мнение участников игры, устанавливать товарищеские взаимоотношения, руководствоваться и подчиняться правилам и самостоятельно контролировать их соблюдение. Он подчеркивал, что "нормальный ход развития ребенка состоит в наблюдении за окружающей его средой, повторении подмеченного и рассуждении о воспринятом. Наблюдением он разъединяет, на что сам натывается и что более соответствует его силам и умению, он повторяет и этим приучается к действиям, а затем рассуждает о воспринятом и сравнивает его с прежде подмеченным. Из этого слагается его опытность, /49, 27/ так как в играх дети проигрывают и прodelывают все увиденное из окружающей их среды.

В своей педагогической деятельности произведения народного творчества широко применял писатель и просветитель Л. Н. Толстой, Постоянный интерес к народному творчеству и высокая его оценка привели к мысли использовать в народной школе "прекрасную, неподражаемую" литературу, которая "выпеваается из среды самого народа". И русские народные сказки, пословицы, загадки, былины и песни, собранные известными авторами, летописи и все без исключения памятники древней литературы читались учениками его школы с постоянной новой охотой. По словам Толстого, дети перечитывали их по несколько раз, заучивали наизусть, с наслаждением уносили на дом, и в играх, и в разговорах давали друг другу прозвища из древних былин и песен". /50, 61/

Л. Н. Толстой, вводя в практику школы устное народное творчество, способствующее ознакомлению и освоению детских народных игр, твердо был убежден в их воспитательных возможностях, что именно они как средство нравственного воспитания помогут детям разобраться в сложных явлениях жизни, научат понимать людей, их поступки, мысли, психологию, уважать, ценить и беречь традиции и обычаи своего народа.

Большой интерес к родным истокам проявляли в теории и практике такие известные ученые-педагоги, как В. И. Водовозов, А. Дух-нович, Д. Булгаковский, Е. А. Покровский, А. Соболев и др. Они пытались раскрыть воспитательное значение народного творчества (пословицы, песни, загадки, обряды), собирали легенды, сказания, поверья, подробно анализировали и описывали роль русских народных детских, музыкальных игр в нравственном, эстетическом, физическом воспитании. Однако, что все эти работы носили публицистический, этнографический, исторический характер.

Все вышеизложенное говорит о том, что передовые идеи использования народных игр в воспитательных целях возникли в России еще задолго до победы Октябрьской революции. После Октябрьской революции народные игры являются активным педагогическим средством в развитии и воспитании личности.

Большой вклад в разработку теории игры внесла Н. К. Крупская. Она рассматривала игру как один из эффективных путей воспитания, видела в ней специфичную для детей дошкольного возраста деятельность, считала ее средством всестороннего воспитания. Особенно сильное влияние, по мнению Н. К. Крупской, игра оказывает на обогащение опыта, формирование личности, приобретение организационных навыков ребенка. В игре развиваются физические силы ребенка,

сообразительность, находчивость, инициатива. В игре вырабатываются у ребят организационные навыки, формируются выдержка, умение взвешивать обстоятельства и прочие.

Н. К. Крупская считала, что игра является жизненной потребностью детей. По ее словам, "если дети не играют — это никуда не годится, это значит, что ребята больны или перепедагогизированы". /51, 242/ Большое значение она придавала совместным играм детей, в которых они, по ее мнению, постепенно приучаются видеть и слышать своих товарищей, замечать их настроение, считаться с их намерениями, постепенно перенимать опыт сверстников. "...Чем шире будет этот усваиваемый, впитываемый чужой опыт, тем больше вынесет из него ребенок, тем более коллективным человеком он будет расти", — указывала она. /52, 316/ При всем этом Н. К. Крупская считала, что все виды детской деятельности, в том числе и игра, только в том случае будут приносить пользу делу воспитания детей в детском саду, если ими будет руководить взрослый. Однако руководство игрой должно быть ненавязчивым. Нельзя стеснять инициативу детей, навязывать им игру, нужно внимательно наблюдать за играющими детьми, за их взаимоотношениями на этой основе, с учетом целей и задач воспитания, направлять детскую деятельность. Одним словом, Н. С. Крупская постоянно указывала на центральное место игры в процессе обучения детей. Она неоднократно критиковала педагогическую теорию и практику дошкольного воспитания, которые недооценивали значение игры для развития детей. Многие ценные мысли, высказанные Н. К. Крупской, легли в основу дошкольной педагогики. Эти мысли актуальны и в современных условиях.

Большой вклад в дело изучения детской народной игры внес русский фольклорист Г. С. Виноградов. Он высоко оценивал образовательные возможности игр, направленные на формирование речи, считал, что изучение детских игр ведет к пониманию народной жизни. Программа по собиранию материалов для изучения народных игр, разработанная Г. С. Виноградовым, является настольной книгой каждого учителя. В ней ученым впервые в полном объеме дано подробное описание считалок: их происхождение и классификация; языковедческий анализ "игровых прелюдий": композиция, лексика, синтаксис, словесная инструментовка.

Безусловно, словесные игровые прелюдии способствуют развитию речи детей, их слуха, памяти.

Широко использовали в своей деятельности народные игры А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский.

А. С. Макаренко как вдумчивый, любящий детей педагог понимал игру не только как средство подготовки детей к жизни и деятельности, но и как саму жизнь и деятельность детей, и стремился к тому, чтобы игра не только обеспечивала радость жизни, но и прививала любовь и интерес к ней, формировала устойчивое, заинтересованное, уважительное отношение к культуре родного народа, развивала эстетический вкус, создавала эмоционально-положительную основу для получения эстетического наслаждения.

В его учреждениях не проходило недели, чтобы не создавалась какая-нибудь новая игра. Многие из них, наиболее интересные, укоренялись и входили в традицию. Например, русские народные игры "Лапта", "Городки" и др. "Мы очень любили,— говорит В. Н. Терский,— простые народные игры: лапту, городки и др. Кто только не портил эти замечательные игры! Многие из них потеряли свою былую прелесть, но очищенные от глупейшей модернизации, эти народные игры станут умнее, лучше, увлекательнее и полезнее... Так, например, русскую общеизвестную игру "Лапту" мы взяли почти целиком, изменив так незначительно, что даже не изменили ее названия. Эта игра нужна, она педагогически ценна и необходима". /53, 144/

Ценность идеи В. А. Сухомлинского заключается в том, что он не разделял игру и ученье. Он рассматривал игры с точки зрения образовательных возможностей учащихся и широко применял их в учебном процессе. По его мнению, без игры умственных сил, без творческого воображения невозможно представить полноценного обучения.

На основе опыта работы с детьми шестилетнего возраста В. А. Сухомлинский приходит к выводу, что "ученье может стать для детей интересным, увлекательным делом, если оно озаряется ярким светом мысли, чувств, творчества, красоты, игры... Моя работа об успехах в учебе началась с забот о том,— пишет В. А. Сухомлинский,— как питается и спит ребенок, каково его самочувствие, сколько часов в течение дня бывает на свежем воздухе, какую книжку читает и какую сказку слушает". /54, 126/ В. А. Сухомлинский рассматривает игры с точки зрения образовательных возможностей учащихся. Применяет их в учебном процессе для развития общеобразовательных возможностей учащихся.

Среди первых научных сборников народных игр можно отметить сборник "Игры народов СССР" (1933) (составители: В. Н. Всеволодский-Генгросс, В. С. Ковалев, Е. М. Степанов), где авторы попытались представить этнографическую природу народной игры и ее национальное своеобразие.

В исследованиях последних лет игры в целом, и народные, в частности, рассматриваются как один из ведущих факторов педагогического процесса.

Сущность детской народной игры рассматривается в этнопедагогическом плане учеными Г. Н. Волковым, В. М. Григорьевым.

Г. Н. Волков рассматривает чувашские народные игры в нравственном, эстетическом, физическом аспекте, подчеркивает полифункциональность характера детских народных игр.

В. М. Григорьев стремится возродить изначальную педагогику игры, древнюю игровую культуру, подчеркивает необходимость использования опыта народа по применению игр для всестороннего и гармонического развития детей. /55, 62/

Теоретико-педагогические, методические аспекты игры раскрыты в исследованиях З. Б. Кантаутене, М. Н. Нурмедова, Н. Турсунова, Р. А. Юлдашевой, Х. Ф. Анаркулрва, А. К. Айтпаевой и др. Авторы рассматривают народные детские игры как средство нравственного, эстетического, физического воспитания дошкольников и младших школьников, раскрывают национальные особенности народных игр, определяют критерии отбора, дают классификации. Выделяют стройную систему педагогического руководства в процессе проведения народных игр с учетом возрастных особенностей, предлагают разработки научно-методических рекомендаций и т. д.

Анализ трудов ученых-педагогов дальнего и ближнего зарубежья свидетельствует о том, что все высоко оценивали образовательные, воспитательные, развивающие возможности игр, направленные на развитие всесторонне развитой личности.

3.3. Основные теории и идеи психологов дальнего и ближнего зарубежья о социализирующем значении и игр

В разработку теории детских игр существенный вклад внесли такие видные психологи, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. П. Блонский, Д. Б. Эльконин и др. В их трудах игра рассматривается как специфическая деятельность детей, социальная по своему происхождению и содержанию, являющаяся продуктом исторического развития общества и выполняющая функции приобщения ребенка к культуре. Тезис о социальной природе детской игры, понимаемой как особое культурное образование, выработанное обществом в ходе его исторического развития, исчерпывающе представлен в работах Д. Б. Эльконина.

Д. Б. Эльконин на основе историко-этнографических описаний игры детей различных культур показал, что игра появляется на определенном этапе развития общества, являясь первоначально детской имитацией деятельности взрослых, реализующей стремление детей участвовать в жизни взрослых, тогда как усложняющаяся структура производственной деятельности взрослых не позволяет ребенку непосредственно быть в нее включенным. "...По-видимому, игра прежде появилась как деятельность взрослых, замещающая и изображающая реальный трудовой процесс. Произошло это на ранних этапах становления человеческого общества, когда действенное изображение было наиболее доступным человеку средством общения. Такое действенное изображение реальности получило в дальнейшем функции магических ритуалов, обрядов, приносящих удачу. Дети втягивались как в сам процесс труда, так и в процесс совершения обрядов и ритуалов. По мере усложнения производительного труда они могли включаться только в обрядовую сторону его, воссоздающую смысл трудовой деятельности и отношений в ней взрослых",— говорил он. /56, 246/

Характеризуя специфику детской игры, ученый указывал, что она представляет собой "деятельность, в которой дети берут на себя роли (функции) взрослых людей и в обобщенной форме, в специально создаваемых игровых условиях, воспроизводят деятельность взрослых и отношения между ними. Для этих условий характерно использование разнообразных игровых предметов, замещающих действительные предметы деятельности взрослых". /57, 198/ Специфика содержания игровой деятельности, по словам Д. Б. Эльконина, заключена в ее замещающем по отношению к настоящей деятельности взрослых характере.

Д. Б. Эльконин также выделяет этапы развития психологического содержания игры (содержания роли). До трех лет у ребенка складываются основные предпосылки развитой ролевой игры — обобщение действий и отделение их от предмета, сравнение своих действий с действиями взрослого, называние себя именем взрослого. Развитие собственно ролевой игры включает в себя две стадии. "На первой стадии (3—5 лет), писал Д. Б. Эльконин, основным содержанием игры являются социальные по своей направленности предметные действия, соотносимые с логикой реальных действий; на второй (5—7 лет) — социальные отношения между людьми и общественный смысл их деятельности, соотносимые с реальными отношениями "между людьми". /58, 212/ С усложнением содержания роли Д. Б. Эльконин связывает и переход детей к совместной игре: воссоздание общественно-функциональных отношений взрослых требует объединения в игре нескольких участников. Дальнейшая тенденция развития игры, по Д. Б. Эльконину, заключается в вычленении ребенком правил и задач человеческой деятельности, содержащихся в скрытом виде в ролевых действиях и отношениях и переходе от развернутой ролевой игры к игре с правилами.

Рассматривая развивающие функции игры, Д. Б. Эльконин указывал прежде всего на ее значение для развития мотивационно-потребностной сферы ребенка. "Игра...,— писал он, выступает как деятельность, имеющая ближайшее отношение к потребностной сфере ребенка. В ней происходит первичная эмоционально-действенная ориентация в смыслах человеческой деятельности, возникает осознание своего ограниченного места в системе отношений взрослых и потребность быть взрослым... Значение игры не ограничивается тем, что у ребенка возникают новые по своему содержанию мотивы деятельности и связанные с ним задачи. Существенно важным является то,

что в игре возникает новая психологическая форма мотивов. Гипотетически можно представить себе, что именно в игре происходит переход от мотивов, имеющих форму досознательных, аффектно окрашенных (эмоции) непосредственных желаний, к мотивам, имеющим форму обобщенных намерений, стоящих на грани сознательности. /59, 277/

На развитие в игре воображения, образного мышления ребенка указывали Л. С. Выготский и А. Н. Леонтьев.

Так, Л. С. Выготский выделил основные функции игры: 1) средство познания ребенком окружающего мира; 2) формирование и развитие высших психических функций, эмоционально-волевой сферы. Л. С. Выготский выявил символическую функцию игры: "...игра, которая с точки зрения вопроса о том, почему ребенок играет, всегда должна быть понята как воображаемая иллюзорная реализация нереализуемых желаний. Воображение и есть то новообразование, которое отсутствует у животного, и которое представляет специфическую человеческую форму деятельности сознания. /60, 54/

Выделение основных функций детской игры позволило Л. С. Выготскому выдвинуть очень важное положение, что игра является хотя и не преобладающим, но ведущим типом деятельности в дошкольном возрасте. Игра содержит в себе все тенденции развития; она источник развития и создает зоны ближайшего развития; за игрой стоят изменения потребностей и изменение общего характера.

А. Н. Леонтьев продолжил теоретическую разработку вопроса о значении игры в психическом развитии ребенка. Игрой он называл деятельность, в процессе которой лежит мотив. "Ребенок хочет сам управлять автомобилем, он сам хочет грести на лодке, но он не может осуществить его прежде всего потому, что он не владеет и не может овладеть теми операциями, которые требуются начальными, предметными, условиями данного действия". /61, 37/ Данное противоречие между потребностью действия у ребенка, с одной стороны, и невозможностью осуществить требуемые действием операции, с другой, может разрешиться только в игровой деятельности, в игре. "Это объясняется тем,— пишет А. Н. Леонтьев,— что игра не является продуктивной деятельностью, ее мотив лежит не в ее результате, а в самом действии. Поэтому игровое действие свободно от обязательных операций". /62, 37/

Одобрение вызывает и высказывание П. П. Блонского: он называл игру "великой учительницей", которая развивает ребенка, во всех отношениях. Он выделяет следующие виды деятельности детей (т. е. игры):

1. мнимые игры;
2. подражательные игры;
3. игры-драматизации;
4. подвижные игры;
5. интеллектуальные игры.

Вопросы теории игры разрабатывали Ф. Шиллер, В. Штерн, Г. Спенсер, К. Гросс, В. Вундт.

Немецкий поэт, драматург, теоретик—искусствовед Ф. Шиллер придавал большое значение разработке теории игры. В своей работе "Письма об эстетическом воспитании человека" он писал: "Предмет побуждения к игре, представленный в общей схеме, может быть назван живым образом, понятием, служащим для обозначения всех эстетических свойств явления, одним словом, всего того, что в обширнейшем смысле слова называется красотой". /63, 287/ Однако, по словам Д. Эльконина, для Ф. Шиллера "игра — это скорее наслаждение, связанное со свободным от внешней потребности проявлением избытка жизненных сил". Игра есть эстетическая деятельность. Избыток сил, свободных от внешних потребностей, является лишь условием возникновения эстетического наслаждения, доставляемое игрой. То есть его обычно сокращенно называют теорией избытка сил. /64, 27/

Немецкий психолог В. Штерн представлял игру в виде способа проявления фантазии и, воображения, называл ее "зарей серьезного инстинкта". Высший фактор окружающей среды дает возможные "образцы для игры, которые служат материалом для подражания, но только внутренний инстинктивный фактор определяет, когда и как выйдут действенные подражания". /65, 276/

Английский социолог Г. Спенсер указывал, что "избыток сил дает эстетическое наслаждение", что "игра есть точно такое же искусственное упражнение сил, которые вследствие недостатка для них естественного упражнения становятся столь готовыми для разрядки, что ищет себе исхода в вымышленных деятельности на место недостающих настоящих деятельностей". /66, 41

По мысли немецкого ученого Карла Гросса, игры содействуют получению объективных знаний о детской психологии, выступают как важнейший фактор общего развития ребенка. В поздних его исследованиях появляется и такая теория, что "труд есть дитя игры", так как игра на основе упражнений способствовала возникновению трудовой деятельности. /67, 242/

Ближе всего, на наш взгляд, к пониманию возникновения игр подошел немецкий психолог, физиолог, философ и языковед В. Вундт. Он считал источником игры наслаждение. "Игра — это дитя труда. Нет ни одной игры, которая не имела бы себе прототипа в одной из форм серьезного труда, всегда предшествующего ей по времени и по самому существу. Необходимость существования вынуждает человека к труду. А в нем он постепенно научается, ценить деятельность своих сил как источник наслаждения; ...игра устраняет при этом полезную цель труда, следовательно, делает целью этот самый приятный результат, сопровождающий труд", — писал он. /68, 181/ Взгляды В. Вундта имеют принципиальное значение. Если Г. Спенсер анализируя игру, включал ее в биологический аспект, то В. Вундт включает ее в аспект социально-исторический.

Итак, анализ трудов психологов дальнего и ближнего зарубежья показывает, что игры способствуют развитию мыслительной деятельности ребенка, его ассоциативному мышлению, умению обобщать, сравнивать, содействуя получению объективных знаний, являются важным фактором общего развития ребенка.

3.4. Идеи ученых — просветителей, педагогов и психологов Казахстана о социализирующем значении игр

Казахские народные игры являются традиционным средством народной педагогики. Издревле в играх отражался образ жизни людей, их быт, труд, национальные устои, представления о чести, смелости, мужестве, желании обладать силой, ловкостью, выносливостью, быстротой и красотой движений, проявлять смекалку, выдержку, творческую выдумку, находчивость, волю и стремление к победе.

Народное творчество вызывало особый интерес у казахских просветителей И. Алтынсарина, А. Кунанбаева. Они верили в воспитательные силы народа. Их вера была неиссякаемой, несла твердые убеждения, основанные на неизменном прогрессе общественного развития, на собственном знании народной жизни, близости к народу и огромной любви к нему.

В своей педагогической деятельности И. Алтынсарин широко использовал сказки, былины, пословицы и поговорки, загадки. Так, в его труде "Киргизская хрестоматия" (1879 г.) можно увидеть, что большое место отведено народным пословицам, имеющим определенную воспитательную направленность — стремление привить детям правильные взгляды на окружающий мир, на жизнь и поступки, поведение людей, например:

Без труда нет и счастья.

Дар слова приобретается от упражнений.

Без вложения труда, хлеб не вырастет.

Кто рано встает, у того все хорошо идет.

По мнению И. Алтынсарина, использование народного творчества в учебно-воспитательном процессе поможет детям уважать традиции и обычаи предков, научит правильно понимать мысли и поступки людей, будет способствовать формированию нравственных качеств, эстетических вкусов и т. д. "...Казахский ребенок не имел научных познаний об окружающем; но он знал много фактов о явлениях окружающей его природы, имел хорошую ориентировку в просторах степи; он хорошо ездил верхом, метко стрелял из лука, присутствовал на охоте, на состязаниях (айтысах) акынов; слушал сказителей. Казахский ребенок воспринимал и запоминал меткие пословицы, сказки, загадки, игры, нравственные поучения", — отмечал он.

Народные игры высоко ценил, любил и Абай. Об этом свидетельствуют такие строки из романа М. Ауэзова "Путь Абая": "Засиживаясь в зимнее время подолгу дома, Абай зазывал к себе таких игроков в кумалаки,¹ как Макишев Исмагул, Маркабай или Корпелбай, и заставлял их гостить неделями. Сам Абай тоже слыл одним из сильнейших игроков в округе. Играли они с увлечением, с утреннего чая до обеда. Блестящие шарики из желтой кости один за другим с мерным треском падали в ямки доски. Трудно было понять, как из целой горсти они безошибочно отсчитывают по девять шариков. Первые привычные три-четыре хода они сделали быстро и взяли друг у друга по небольшой горсточке шариков. Теперь они дошли до отыгрывания туздуков".¹

Народные игры часто организовывались на увеселениях, тоях абаевского аула. Обычно народу на таких пирах добиралось так много, что из верховых лошадей приезжих образовывались целые табуны. Игры и состязания — "скачки", "борьба", "козлодранье", "верховая борьба", жигитовка — следовали друг за другом. Старики, вышедшие из юрт, не переставали восхищаться торжеством. /69, 477/ В этих играх-состязаниях принимали участие дети и подростки.

Казахские народные игры описывали ученые-этнографы, историки, путешественники дореволюционного Казахстана (А. Гумбольдт, А. Янушкевич, Т. Аткинсон, А. А. Диваев и др.). Они собирали народные игры казахов, "отмечали национальный колорит, оригинальность

самовыражения народа, своеобразие языка, формы и содержания разговорных текстов. Почти во всех исследованиях прослеживается главная мысль о том, что в области культуры наибольшей устойчивостью, традиционностью отличаются формы различных видов собственно творчества, к которому относятся подвижные игры, танцы, пляски, своими корнями уходящие в глубь веков, они характеризуются национальной спецификой, отражающей совокупность тех явлений, которые окружают жизнь того или иного народа. Так, А. Гумбольдт, описывая жизнь и быт казахов-кочевников, их обычаи и традиции, говорил: "...время нахождения в ауле считаю самой счастливой порой моей жизни, потому что гостеприимство кочевого народа, оказанное нам, и их игры, развлечения — это такие события, которые никогда не изгладятся из памяти". /70, 17/

А. Янушкевич в своем труде отмечает притягательную силу игр и развлечений, устроенных в честь этого дня, особо выделяя при этом игру "кыз куу" (догони девушку). /71, 75/

Английский путешественник Т. Аткинсон, писал, что народные игры и развлечения прежде всего начинаются с состязания акынов. Айтысы вдохновляют последующих участников единоборства быть до конца непреклонными, пока не добьются победы. Особо подчеркивает и то, что народные игры казахов способствовали установлению коллективных взаимоотношений между участниками игр. Эти обстоятельства породили игры, в которые играли ночью при свете луны и на открытых площадках. К таким играм относятся "Ак сук", "Алты бакан", "Соқыр теке", "Белбеу тастау", "Сакина салу" и др. /72, 42/

Среди этих исследователей, первым, собравшим большое количество казахских народных игр, высоко оценившим их воспитательно-развивающее значение и высказывавшим ценные педагогические мысли, был этнограф А. А. Диваев. Он писал о стимулирующей роли игр, вооружавших детские чувства яркими впечатлениями об окружающей действительности, вдохновлявших их на творческий поиск, побуждавших к самостоятельной деятельности,— началу познавательного процесса. Он первым классифицировал казахские народные игры.

В Казахстане никогда не угасал интерес к истокам своей культуры. Национальные традиции находили отражение в различных жанрах искусства, содержащих богатейшие фольклорные пласты, куда относятся и народные игры. В XX в. исследованием и восстановлением богатейшего казахского фольклорного материала начали заниматься специальные этнографические экспедиции, организованные известными этнографами, музыковедами, фольклористами, результаты освещались на страницах периодической печати, в передачах радио и телевидения. Говорили и о воспитательных возможностях народных игр. Так возрождались к жизни замечательные образцы казахского народного творчества.

Необходимость использования народных игр в образовательно-воспитательных целях неоднократно подчеркивали ученые Н. Кульжанова, М. Жумабаев и пр.

Если Н. Кульжанова говорила, что "...игра, бег, прыжки, разговор и смех детей, чему мы часто не придаем значения, являются самым необходимым делом для их развития. Все это заложено в них самой природой", /73, 261/ то М. Жумабаев категорично заявлял, что "ребенок не может обходиться без движения, потому он не может обходиться без игр. Во время игр у ребенка особенно обостряется фантазия, проявляется активность и он получает богатые впечатления. Поэтому надо использовать игры для развития языка ребенка. Достаточно обдуманно построить условия игры, разъяснить их детям, говорить кратко, точно, находить неожиданные решения и слова. Увлекающийся характер детей вызывает стремление осмыслить и передать увиденное и услышанное. Игры пробуждают новые картины в сознании детей, помогают развивать родной язык. Однако для того, чтобы в играх речь ребенка развивалась, учитель должен находиться вместе с учениками. При этом он должен держаться с ними как старший товарищ, а не как грозный наставник". /74, 307/

Разделяя взгляды К. Ушинского на воспитание национального духа, самосознания в традициях народной педагогики, Магжан Жумабаев советует использовать богатые возможности

этнопедагогике казахов. Его учебник "Педагогика" богато иллюстрирован народными изречениями, пословицами и поговорками о воспитании: "Что увидел ребенок в гнезде, то совершает в полете", "Конец воровства — позор и унижение", "Невежественный человек — живой труп", "Хорошая привычка — ангел добрых дел", "Говори слово соответственно разумению каждого человека" и т. д. Щедро используются выдержки их казахских народных сказок, эпоса, из литературных произведений.

Воспитательные возможности народных игр получили освещение и в трудах казахских писателей И. Жансугурова, М. Ауэзова, С. Муканова и др.

Так, И. Жансугуров говорил, что: "забавные игры — выражения и считалки, начиная с того возраста, когда дети только начинают говорить, и до школьных лет, считалки, которые они придумывают и заучивают во время игр, можно считать одним из первых видов народного творчества", "...литература для детей должна создаваться соответственно понятийным и умственным способностям ребенка". По словам М. Ауэзова, за долгие века истории казахского народа существовало множество забавных, развлекательных игр. Игра не только увеселительное занятие, но и наслаждение для детей. /75, 411/

Высоко оценивал устное творчество и видел в играх казахского народа истоки казахского театра и С. Муканов. Он относил к ним обрядовую песню-игру "Вадик", шаманскую пляску, многие увеселительные мероприятия на пиршествах, свадьбах, поминках, различные конноспортивные и молодежные игры, выступления акынов и народных комиков.

Анализирует воспитательные возможности казахского фольклора, музыки, прикладного искусства, народных игр и академик Т. Тажибаев. Игры, в частности спортивные, он рассматривает как средство физического воспитания. По его словам; "конные и пешие спортивные игры носили военно-прикладной характер и развивали силу, выносливость, подвижность, четкость движений, способствовали воспитанию смелости, ловкости. Все это было необходимо джигиту, смелому воину. К конноспортивным играм относились баиге (скачки), сайыс (сбивание с лошади), аударыспак (борьба за то, чтобы стащить противника), тизгинге таласу (борьба за поводья), кыз куу (погоня за девушкой), буркит салу (охота с беркутом), тазы жугурту (охота с гончей), тенге алу (доставание денег с земли на полном скаку). Пешие спортивные игры — это борьба, состязания в беге, перетягивание каната, стрельба в цель, ак сук (белая кость), бег в мешке, поимка и опознание участников игры при завязанных глазах и мн. др.

Кочевой образ жизни требовал умения и навыков; верховой езды. К ней приучали детей сызмала: маленького ребенка возили верхом по аулам и пастбищам, приучали самостоятельно сидеть в седле, а когда ему исполнялось три года, сажали на лошадь, совершая специальные обряды. В пять лет он должен был уметь самостоятельно, без помощи взрослых, взбираться на седло лошади, в семь-восемь лет его допускали к участию в скачках, в 14—15 лет это был уже зрелый наездник. Девушки на коне не уступали юношам. Они участвовали в состязаниях и в спортивных, и в песенных.

В спорте совершенствовалось тело, закалялась воля, воспитывались честность в игре, взаимовыручка. Такие распространенные в народе игры, как тогыз кумалак (настольная игра), дойбы (шашки) и др. развивали мышление, сообразительность и находчивость.

Спортивные игры и труд в животноводческом хозяйстве много значили для формирования интеллекта, развивали анализаторы, внимание и память, восприятие, быструю ориентировку в пространстве, находчивость.

Педагогическая значимость казахских народных игр освещается в сборниках: "Ак сандык, кок сандык"; "Казахские народные игры"; "Жанылтпаштар"; "Казактын улгтак ойындары" и др. В них представлены различные игры, раскрывающие национальные особенности казахского народа.

Казахские народные игры как одно из средств воспитания в педагогической науке стали изучаться лишь с 80-х годов М. Т. Таникеевым, Б. О. Тотенаевым, Ж. Тулегеновым, Т. Ж. Бекбатчаевым, Е. Сагындыковым и др. В них рассматриваются своеобразие национальных игр, их характерные особенности и пути использования в учебно-воспитательном процессе в целях воспитания подрастающего поколения.

С 90-х годов двадцатого столетия народные игры стали предметом исследований, проведенных Т. Ш. Куанышевым, А. К. Айтпаевой, Г. М. Касымовой, Т. И. Сурковой, А. А. Нурахуновой и др.

Как известно, у казахского народа в зависимости от уклада повседневной жизни в период своего становления, бытовало много различных праздников, игр, развлечений, игравших важную роль в развитии общества. М. Таникеев отмечает, что "... правильная оценка значения и характера традиционных национальных игр возможна на основе анализа истории их возникновения, ибо каждый народ в зависимости от своих социально-культурных и экономических условий вырабатывал присущие ему игры и физические упражнения, ...что ни одна наука не может развиваться без глубокого изучения своей истории. Такое изучение помогает осваивать достигнутые результаты и двигать науку вперед. /76, 11/ Нельзя не согласиться и с высказыванием Б. О. Тотенаева, который отмечает: "Поскольку у племен, проживавших на территории Казахстана, преобладала такая хозяйственная деятельность, как скотоводство к охота, становление различных игр сопровождалось подражанием движениям животных, явлениям природы и жизни людей. В то же время эти игры не являлись простой копией индивидуальных трудовых движений. В играх труд выступает не в механически отраженном виде, а в творческих обобщениях. В качестве примера могут служить игры с имитацией охоты, где участники перед выходом на охоту подражали действию охотников, тем самым осуществляли принародно своеобразную подготовку. /77, 86/ В игре "Аншылар" ("Охотники") важнее всего точность, внезапность удара и ловкость.

Ж. М. Тулегенов раскрывает возможности использования игр для решения оздоровительных задач, исследует формы применения казахских национальных игр в программе по физической культуре в общеобразовательных школах республики.

В исследовании Т. Ж. Бекбатчаева приводятся история развития казахских национальных спортивных игр, их систематизация, методические указания.

Е. Сагындыков в своем исследовании рассматривает пути использования народных игр в учебно-воспитательной работе в I—VI кл. казахской школы, классифицирует казахские народные игры, определяет условия и методы их использования в ходе урока и во внеучебной воспитательной работе, обобщает опыт совместной работы учителей, воспитателей групп продленного дня, родителей.

Исследованием Т. Ш. Куанышева устанавливается взаимосвязь физической культуры с культурой народа и доказывается необходимость введения национальных подвижных игр в процессе подготовки будущих учителей. С позиции целостного педагогического процесса впервые изучены педагогические и практические проблемы подготовки учителей физической культуры к организации и проведению учебных занятий с использованием казахских национальных подвижных игр.

Большое значение для теории и практики в учебно-воспитательном процессе студентов имеет классификация Н. К. Ахметова. Среди психологов Казахстана исследуемой проблеме уделяли внимание М. М. Муканов, К. А. Нургалиев.

М. М. Муканов в работе "О казахском устном творчестве: пословицы и айттыс и их отношение к трактовке интеллектуальной деятельности" затрагивает вопрос об отличии механизма отгадывания загадок от процесса решения задач, касается вопроса об отношении отгадывания загадок к развитию у людей таких важнейших качеств интеллекта, как сообразительность,

догадка, наблюдательность, вскрывает своеобразие механизма отгадывания загадок, состоящего из процесса перебора, освещает роль пословиц в возникновении социальных норм. По его мнению, до наших дней дошли такие пословицы, которые выдержали требования социальной жизни, многие же из них в силу неадекватности жизни исчезли. /78, 100/

Интересна трактовка автором перехода единичных актов в конвенциальность (соответствующий установившимся традициям). На ряде примеров он показывает, что конвенциальность пропорциональна числу членов племени, признающих ритуальный акт, и степени признания слушателем данного акта как конвенциального: ($K=CN$, где K — коэффициент конвенциальности; C — степень признания индивидом данного акта как обязательного, ее величина варьирует от нуля до единицы; N — число членов племени, признающих данный ритуальный акт).

В исследовании К. Нургалиева показано влияние казахской национальной игры-загадки на психическое развитие детей дошкольного возраста.

Особое внимание уделяется специфике казахских загадок, игравших значительную роль в состязаниях в прошлом. При классификации загадки разделены по степени трудности для отгадывания на обычные, состязательные и граничащие с парадоксом. Показан проблемный характер: многозначность истинности ответов при отгадывании загадок, отсутствие однозначной связи между текстом загадки, с одной стороны, и загаданным объектом, с другой.

В ходе исследования решаются такие задачи, как различие между людьми прошлого и настоящего в отгадывании загадок; механизм мыслительной деятельности при отгадывании; зависимость отгадывания загадок от знания контекста; своеобразие процесса отгадывания загадок в условиях билингвизма.

В диссертации используется метод предъявления испытуемым загадок, взятых из различных (архивных, книжных и др.) источников, а также метод беседы с испытуемыми в изучении загадок. С целью изучения отгадывания загадок в условиях билингвизма применялись тесты по установлению уровня владения языками. Все эти методы дополнялись изучением архивных и библиографических данных с целью подбора необходимых для эксперимента загадок". /79, 5/

В последнее время группой психологов разрабатываются вопросы применения развивающих игр в обучении детей. Например, в диссертационном исследовании Т. И. Сурковой "Стиль общения педагогов с детьми 5—8-летнего возраста" (1996) показано диагностическое значение игр и коррекционное их применение в познавательной деятельности детей. Диагностируя стиль общения педагогов-учителей начальных классов и воспитателей старших групп дошкольных учреждений, Т. И. Суркова установила его влияние на познавательные психические процессы (внимание, память, мышление), однако подчеркнула, что, если "обучать" детей распознавать отдельные стороны каждого стиля через использование развивающих игр, то на эффективность познавательных психических процессов это не оказывает существенного влияния.

Работами Г. М. Касымовой (1996) устанавливаются условия применения развивающих игр в обучении детей младшего дошкольного возраста. Так, используя развивающие игры, исследователь показывает пути коррекции поведения детей, имеющих определенные просчеты в волевом, сенсорном развитии, отмечает, что единственным механизмом, устраняющим "просчеты" в воспитании детей 3—4 лет, является широкое применение развивающих игр практическими работниками.

Исследования А. А. Нуракуновой (1992) и В. В. Степановой показали роль развивающих игр в становлении воображения детей дошкольного возраста. Авторы разработали методику коррекционной работы с детьми с трудностями в поведении. Так, с "аутичными" детьми авторы предлагают использовать развивающие игры в продуктивных видах деятельности — рисовании, лепке, аппликации. Дети с "аффектным" поведением нуждаются в помощи через "режиссера в режиссерской игре". Взрослые вначале обучают ребенка овладеть образом-ролью через сюжетно-

ролевые игры.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы позволил нам проследить немало плодотворных идей выдвинутых педагогами, психологами разных времен и народов дальнего и ближнего зарубежья, Республики Казахстан по исследуемой проблеме.

Так, педагогами игры рассматривались как:

- способ разумного отдыха (Я. А. Коменский, И. Г. Песталоцци, Р. Оуэн);
- форма обучения (Ж. Ж. Руссо, Д. И. Колодца, В. А. Сухомлинский, М. Жумабаев);
- оптимизация процесса обучения (Ф. Фрббель, Д. Дьюи, П. Ф. Лесгафт, Н. К. Крупская, Е. Сагышдыков, Н. К. Ахметов);
- средство формирования личностных качеств ребенка (Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский, П. П. Блонский);
- развивающе-образовательное средство (Ф. Фребель);
- средство развития способностей и наклонностей (Н. А. Добролюбов, К. Д. Ушинский);
- основа коллективной деятельности (К. Д. Ушинский, Н. К. Крупская);
- формирование нравственных качеств, эстетического, физического воспитания (И. Алтынсарин, Р. А Юлдашева, Т. Тажибаев, Н. Кульжанова, Т. Куанышев, Х. Анаркулов и др.) и т. д.

Психологами — как:

- специфическая социальная деятельность детей (Д. Б. Эльконин, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. П. Блонский и др.);
- ведущий тип деятельности и формирования эмоционально-волевой сферы (Л. С. Выготский);
- средство развития всех эстетических свойств (Ф. Шиллер, В. Штерн);
- фактор общего развития ребенка (К. Гросс);
- развитие трудовой деятельности (К. Т. росс В. Вундт);
- развитие воображения и образного мышления (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Г. Спенсер, В. Штерн М. Муканов, К. Нурғалиев).

То есть ими подчеркивались образовательные, воспитательные, развивающие, социализирующие, диагностирующие функции игр в целом и народных — в частности. /80/

Глава 4 Специализация в системе социального контроля в пресечении противоправного поведения несовершеннолетних

Осознание неизбежности различных отклонений в поведении части несовершеннолетних, порождает необходимость постоянной борьбы общества с различными формами социальной патологии. Значительное место при осуществлении подобной борьбы отводится мерам социального контроля компетентных органов и общественности, за поведением несовершеннолетних. В этом случае, под социальным контролем, в широком социологическом смысле этого института понимается, вся совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (отклоняющиеся) формы поведения с целью их элиминирования или минимизации.

Этот контроль может осуществляться как отдельным человеком, так и целым коллективом (семьей, группой друзей, учреждениями, социальными службами и т. д.), именно поэтому данный вид контроля называется социальным и выступает одним из главных средств социальной регуляции поведения несовершеннолетних.

Основные механизмы социального контроля представляют собой совокупность следующих мер:

1. собственно контроль, осуществляемый из вне, в том числе путем наказаний и иных санкций;
2. внутренний контроль, обеспечиваемый интериализацией социальных норм и ценностей;
3. косвенный контроль, вызванный идентификацией с референтной законопослушной группой;
4. контроль, основанный на широкой доступности разнообразных способов достижения целей и удовлетворения потребностей, альтернативных противоправным или аморальным.

Однако, при подобной постановке проблемы, представляется возможным лишь в самом общем виде определить стратегию социального контроля, основные идеи которой выражаются в следующем:

— в замещении, вытеснении наиболее опасных форм социальной патологии общественно полезными или нейтральными формами поведения;

— в направлении социальной активности в общественно одобряемом, либо нейтральном русле;

— в легализации (как отказ от уголовного или административного преследования) "преступления без жертв" (гомосексуализм, проституция, бродяжничество, потребление алкоголя, наркотиков);

— в создании организаций (служб) социальной помощи: суицидологической, наркологической, геронтологической;

— в реадaptации и ресоциализации лиц, оказавшихся вне общественных структур;

— в либерализации и демократизации режима содержания в тюрьмах и колониях при отказе от принудительного труда и сокращении доли этого вида наказания в системе правоохранительной деятельности и т. д.

Исходя из вышесказанного следует, что социальный контроль за ежедневным поведением и развитием несовершеннолетних, в новых условиях, приобретает особый смысл. Объясняется это тем, что государство и его органы, в первую очередь должны обращать внимание на обеспечение осуществления права на развитие каждого подростка, формируя в нем убежденность полноценного субъекта процесса развития, активного участника и бенефициария права на развитие. /81/ Воспринимая идею неделимости и взаимозависимости прав и свобод человека, нужно отдавать себе отчет в том, что социальный контроль не должен оборачиваться ущемлением прав и свобод подростка, но вместе с тем, он должен быть эффективным и содействовать развитию несовершеннолетних. Эта бесспорная истина воплощалась в самых различных формах

(от трудовых коммун до комсомольских организаций) и методами, с помощью которых интересы каждого подчинялись общим, коллективным требованиям. И хотя данная проблема не входит в предмет исследования, нельзя не отметить, что уровень детской преступности в советский период не имел такой динамики роста.

Современные исследования в области прав человека, формирования правового государства в той или иной интерпретации подчеркивают, что не может быть права, когда отрицается свободная индивидуальность. Воспринимая выводы авторов как убежденность в сохранении и привращении демократических традиций как условий развития общества и каждого индивида, необходимо определить такую организацию профилактики и пресечения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, которая учитывалась бы как всеобщность, обязательность правовых предписаний, условий их применения (наложения), включая индивидуальность правонарушителя.

Международно-правовые правила содержат варианты конструктивных направлений предупреждения правонарушений:

а) углубленный анализ проблем и перечни программ, услуг, учреждений и имеющихся ресурсов (пока такие программы имеются по проблеме злоупотребления и незаконного распространения наркотиков);

б) четко определенные обязанности компетентных организаций и сотрудников, участвующих в предупреждении преступности;

в) предупреждение правонарушений на основе прогнозирования и разработки соответствующих программ, исполнение которых должны находиться под государственным и общественным контролем;

г) участие общественных, в том числе и молодежных организаций в реализации политики в области предупреждения правонарушений среди молодежи, несовершеннолетних.

Социальный контроль не следует отождествлять только с административно-общественными формами его проявления, содержание которых нередко сводят к ограничению несовершеннолетних преступить границы закона. По мнению психологов, система общественных отношений составляют как бы несущую конструкцию, каркас, на котором располагаются малые группы и личности. Место группы в этом каркасе и определяет в главном социальную среду личности.

Если попытаться рассмотреть некоторые из особенностей социального контроля в малых группах (семья, учебный коллектив, местная общественная среда, община), то все они без исключения являются носителями социальных ценностей и могут служить источником принуждающего влияния на поведение членов малой группы. В подавляющем большинстве малые группы законопослушны и, по глубокому убеждению В. Н. Кудрявцева, такие признаки как *развитые чувства ответственности, уровень уживаемости, сходные демографические* данные и другие характерные признаки создают предпосылки для силы общественного воздействия. Эта сила проявляется в трех чертах:

1. авторитетности;
2. своевременности;
3. индивидуализации

Авторитетность воздействия семьи и других малых групп зависит от прочности связей индивида к данной малой группе. И поскольку семья ответственна за первичную подготовку детей к жизни в обществе, то государственным и общественным институтам следует прилагать усилия для укрепления семьи. По вполне понятной причине, Президентом страны была высказана идея по укреплению института брака и семьи: “Если мы хотим быть высокоморальным обществом,

должны усилить ответственность супругов друг перед другом, а главное перед детьми” . /82/

В соответствии с Руководящими принципами ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (ЭР-Риядские руководящие принципы) правительству следует вырабатывать политику, способствующую воспитанию детей в условиях стабильности и благополучия семьи. Семьям, нуждающимся в помощи для преодоления внутренней нестабильности или конфликтных ситуаций, должны предоставляться необходимые услуги (возможность использования альтернативных мест проживания, передачу детей на воспитание в другие семьи для усыновления, создавать у детей ощущение постоянной заботы и др.).

Там же, где складываются неправильные взаимоотношения и возникают нормы антиобщественного поведения, социальный контроль противоречив; судьбы таких малых групп зависят от конкурентоспособности здоровых начал или преобладания антиобщественных элементов. В этой связи представляется возможным заимствование опыта работы суда по делам несовершеннолетних в составе специального семейного суда. В подобных судах по результатам рассмотрения дела могут быть приняты меры воздействия не только по отношению к несовершеннолетнему, но и к его родителям или законным представителям.

Социальные формы контроля за поведением несовершеннолетних в учебно-воспитательных учреждениях имеют особое значение:

— во-первых, система образования способствует формированию уважения к основным ценностям, чувства ответственности перед обществом (Концепция социокультурного развития Республики Казахстан, 1993 г.);

— во-вторых, прогрессивные взаимосвязи педагогов и обучающихся способны давать умение соотносить свои частные интересы, как с частными интересами других, так и с интересами всего общества, т. е. создавать навыки сотрудничества (Концепция формирования нового социо-экономического поведения граждан Республики Казахстан, 1995 г.);

— в-третьих, образование может формировать людей с творческим типом мышления, с развитой мировоззренческой культурой (Концепция государственной политики в области образования, 1995 г.);

— в-четвертых, эвристическая ценность обучения выполняет важную роль в воспитании гордости за предков, историю своего села, города, народа, своей страны (Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан, 1996 г.);

— в-пятых, учреждения образования имеют реальную возможность давать систематизированные знания о законодательстве, уделять внимание подросткам, которые входят в группу социального риска. /83/

Наиболее проблематичными представляются общинные формы работы (службы по месту жительства, способные учесть потребности, интересы молодых людей по проведению творческих форм досуга, социальные программы по предупреждению правонарушений). Все эти проблемы связаны не столько с деятельностью центральных исполнительных органов власти, сколько с местными, в том числе и органами местного самоуправления. Общинные или местные формы работы более всего связаны с созданием социально-правовых условий бытия каждого человека. Своеобразной характеристикой такого положения являются данные социологического опроса среди несовершеннолетних, проведенные нижегородской высшей школой МВД. Опрос 500 школьников и 300 учащихся общеобразовательных специальных учебных заведений показал, что 82 процента из них не считают действующее законодательство жизненной личной ценностью, а 84 процента полагают, что законопослушное поведение вряд ли способно обеспечить им жизненным успех. Более 16 процентов опрошенных согласны достичь полного материального благополучия преступным путем при условии, что преступления останутся нераскрытым. Около 35 процентов не

возражают против материальных благ, добытых их родителями преступным путем. Причем 8 и 15 процентов из 220 курсантов — слушателей Нижегородской высшей школы положительно ответили на два вопроса анонимной анкеты. При анкетировании 353 несовершеннолетних правонарушителя, находящихся в ВТК и 120 вышедших из них (Казахстан) также показал ориентацию 38, 2 процента на достижение материального благополучия преступным путем.

Все это свидетельствует о том, что местные (по месту учебы, жительства и т. д.) социальные организации обладают слабым потенциалом и не способны сегодня не только организовать службы, но и противостоять антиобщественным проявлениям.

Между тем, следует уделять особое внимание политике предупреждения, способствующей успешной подготовке несовершеннолетних к жизни и интеграции всех детей через семью, учебные заведения, местное самоуправление, трудовую деятельность. Полагают, что на данном этапе нет объективных предпосылок для выделения отрасли молодежного законодательства и тем более молодежного права.

Но для введения специального представителя (Омбудсман) интересов несовершеннолетних при Парламенте Республики Казахстан, который может содействовать учету интересов детей и подростков при принятии законов, затрагивающих их права, обязанности и свободы, присоединению к международно-правовым документам ООН, касающихся развития и охраны несовершеннолетних и обеспечения контроля за их выполнением нет никаких препятствий.¹ В отличие для различного рода совещательных органов при Президенте Республики Казахстан (напр., Совет по проблемам семьи и демографической политике): данный представитель может лоббировать интересы детей.

Таким образом, в условиях сегодняшнего дня, в общественном сознании по-прежнему остается сильной вера в запретительно-репрессивные меры как в наилучшее средство избавления от этих явлений, хотя весь мировой опыт свидетельствует о неэффективности жестких санкций со стороны общества. Мировая практика свидетельствует о том, что наибольший положительный эффект в осуществлении социального контроля дает работа проводимая по следующим направлениям:

— отказ от уголовного или административного преследования "преступников без жертв" (проституция, бродяжничество, наркомания, гомосексуализм и пр.), при этом имеется в виду то, что только социальные меры позволяют снять или нейтрализовать указанные формы социальной патологии;

— создание системы служб социальной помощи: суицидологической, наркологической, специфически возрастной (геронтологической, подростковой), социальной реадaptации и т. д. /84, 71—74/

При осуществлении специализации в системе социального контроля в пресечении противоправного поведения несовершеннолетних, особое значение придается проблемам совершенствования действующего законодательства.

Безусловно, в этом направлении, законодателем воспринимаются определенные меры. Однако, отечественная юридическая мысль и судебно-правоохранительная практика хотя и предпринимает шаги совершенствуя законодательство, устанавливающее ответственность несовершеннолетних, но эти попытки не имеют системного характера.

На наш взгляд, подход к данной проблематике должен быть иным.

Во-первых, правовые институты не должны в этом контексте выполнять функцию охранительного "забора".

Во-вторых, неправомерно подростка отделять от интересов малых групп, общества.

В-третьих, для того чтобы институт права выполнял защитительные функции, он должен учитывать интересы подростков и быть интегрирован в материальные и процессуальные отрасли.

Следует отметить, что в пылу перестроечного ажиотажа наблюдается забвение элементарных научных основ правовой политики и реализации ее с помощью установленных законодательных средств.

При всем уважении к органам исполнительной власти и формам их деятельности, не следует забывать, что именно законы всегда были и должны быть правовой формой выражения и проведения в жизнь государственной политики. Уместно напомнить, что в соответствии со статьей 61 Конституции Республики Казахстан Парламент вправе издавать законы, которые регулируют важнейшие общественные отношения, устанавливают основополагающие принципы и нормы, касающиеся правосубъектности физических и других лиц, что в полной мере относится к вопросам данного научного исследования.

С помощью законодательного обеспечения социальных процессов, в том числе и в формировании условий развития несовершеннолетних, достигается упорядоченность общественных отношений. Или, проще говоря, с помощью законодательного обеспечения достигается такое правовое состояние — статуса учреждений, органов по делам несовершеннолетних, в которых правосубъектность становится необходимым условием развития человека и деятельности служб.

В подобной ситуации мы имеем дело с процессом правообразования, который объективирует волю общества и она возводится в закон, в юридические нормы соответствующей юридической силы.

Все попытки “заболтать” проблему с деловыми аргументами о попытках найти свой путь, при наличии ограниченных средств — это путь в никуда. Уместно вспомнить, например, статус и практику комиссий по защите прав несовершеннолетних, которые так и не обрели социальную ценность, не имея достаточно содержательной, эффективной с высокой юридической силой основы своей деятельности.

Разве отсутствуют сегодня объективные требования общества о надлежащем воспитании подрастающего поколения и включении их в социально активную творческую деятельность? Вряд ли найдутся веские аргументы об отсутствии таких требований, наиболее грубой ошибкой административной практики в последние года стала ориентация права на силовые методы решения подобных проблем.

Цена правотворческих и правоприменительных ошибок столь велика, что можно констатировать о наличии таких нежелательных тенденций как беспризорность, бродяжничество, уклонение от учебы и т. д.

Фактически не удастся перевести имеющиеся предписания в строгую систему упорядоченных общественных отношений. И наиболее типичной ошибкой правоприменяющих субъектов (органов, служб) является уверенность в том, что с помощью права можно сделать подростка добрее, порядочнее и попытаться его “обуть” в добропорядочные правовые “одежды”. Право лишь средство, но не цель и у него ограниченные возможности и уж тем более, когда оно применяется фискальными службами.

Для того, чтобы правосубъектность подростка стала реальностью и воплотилась в реальных общественных отношениях необходимо на уровне законодательного обеспечения создать следующие условия (предпосылки):

— во-первых, для одной из сторон — детей и подростков создать юридические возможности

удовлетворения своих потребностей, связанных с модельными характеристиками социального развития (см.: Декларация прав ребенка и другие документы);

— во-вторых, наделить такими полномочиями государственные институты, которые могли бы реально обеспечить социальную защиту детей и подростков, повелевать выполнять по отношению к несовершеннолетним ее права и обязанности, которые предусмотрены законодательством.

Несмотря на логичность подобных юридических положений, в юридической литературе сохраняется устаревшее положение о том, что соответствующее правовое состояние гражданина зависит от субъективных прав и соответствующих юридических фактов. Не углубляясь в анализ данной правовой ситуации, отметим, что мы имеем дело с правовым состоянием подростка. Для реализации субъективных прав подросток нуждается не только в наличии определенных юридических фактов и готовности реализовать свои права, но и в определенной помощи соответствующих служб, органов государства. Возьмем обычную ситуацию, связанную с рассмотрением дела подростка в комиссии по защите прав несовершеннолетних. Имея ограниченный опыт и уровень правовых знаний, подросток не всегда способен адекватно реагировать на поставленные вопросы. С другой стороны — члены комиссии должны не только принять это во внимание, но и восполнить эту проблему путем представления в этой ситуации интересов детей и подростков. С точки зрения права следовало бы им вменить в обязанность — задавать вопросы в интересах несовершеннолетнего, что поможет прояснить спорность и сложность, возникающих коллизий.

Правоспособность подростка, признаваемая государством свойство (способность иметь права и обязанности), сама по себе не обеспечивает реального блага, а дает возможность быть субъектом правообладания. Количество прав и обязанностей в разные периоды социального развития могут быть не одинаковым. И возникает риторический вопрос: кто может и должен помочь реализовать эти права и обязанности?

Допустимый перечень субъектов, способных помочь подростку может быть определен без особых интеллектуальных напряжений, но нельзя не видеть, что их реальный перечень заметно сокращается. Симптом очень тревожный и требуется правовая помощь государства для исправления сложившегося положения с помощью закона. Для большей убедительности можно привести примеры, как сложно бывает восстановить законность и справедливость взрослым, пострадавшим от неправомерных действий и актов руководителей. А как помочь детям, которые могут оказаться в подобной ситуации в учебном или ином социальном учреждении.

Но кроме проблемы правообразования, которая может быть разрешена, существуют проблемы правоприменения. В литературе часто дискутируются вопросы механизма исполнения законов, что безусловно имеет значение и по отношению к несовершеннолетним.

Соглашаясь с тем, что нормы права регулируют общественные отношения, в которые вступают различные субъекты, нужно подчеркнуть, что механизм исполнения (или неисполнения) законов заканчивается должным или противоправным поступком, который является следствием сложных социальных и психологических процессов. Если не ограничиваться перечислением дефиниции, а попытаться рассмотреть их в конкретной реальности, то можно в утвердительной форме сказать, что механизм исполнения законов преследует достижение должного поведения людей. В рамках конкретных правоотношений можно видеть, когда одни участники правоотношений желают добиться изменения поведения других.

Структура побудительных мотивов поведения личности, где имеет место ее потребности в ее интересах, мотивах, установках, что и являются предметом дискуссии. Не вдаваясь в анализ этих дискуссий, необходимо понимать, что механизм действия закона направлен на волю человека. Следовательно, необходимо искать субстанцию, если не объединяющую, то характерную для всех. Ею может выступать интерес.

В соответствии с Декларацией прав ребенка, иными законами и другими средствами, должна быть обеспечена специальная защита подростков и представлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства. При издании с этой целью закона главным содержанием должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка.

Таким образом, принцип конструктивности нашего мышления позволяет раскрыть не только природу субстанции человеческого поведения, но и выделить приоритетное значение интересов детей (несовершеннолетних).

В свою очередь связь, интересов несовершеннолетних и других социальных субъектов, особые правовые приемы, способы включения в органичные правовые отношения обуславливают целый ряд количественных (видов актов и форм организации) и качественных особенностей.

Проявления необходимости в социальных (правовых) отношениях может быть оформлена в императивные, дефинитивные предписания различной степени жесткости.

Императивность по отношению, как к несовершеннолетним, так и специальным службам, ее работникам может быть не только отрицательной, но и положительной. Это означает, что императивные предписания в зависимости от времени и места существования и действия правовой нормы качественно и количественно меняются (тогда как диспозиция нормы остается неизменной).

В этой связи важно различать фактический и формально-генетический источник императивов правовых норм. Фактический источник отражает объективные причины императива действия нормы (например, следует запрещать должностным и иным лицам называть несовершеннолетнего правонарушителем за административные проступки или исключать контакты несовершеннолетних и взрослых правонарушителей в здании суда).

Формально-генетический источник продиктован со специальной субъективной (например, правоприменительной), часто институционализированной деятельностью в области права.

Если фактический источник декларирует объективную причину императивного действия правовой нормы, то формально — генетический — в силу имеющихся правовых ситуаций и правопредписаний.

Фактический источник правовой нормы есть действительный генетический источник ее императива. Формально-генетический источник лишь дополняет действие фактического источника, что может находить свое оформление в правовой норме. В тех случаях, когда в нормогенез включен формально-генетический императив источника, нормативная детерминация приобретает иной характер: императивное действие нормы корректируется в соответствии с субъективными интересами, целями.

Раскрывая значение содержания указанных положений можно подчеркнуть, что реальное отношение может быть, и не осуществлено в своем действительном виде в силу возможностей по изъятию с помощью права из определенных связей.

Связанные с интересами несовершеннолетних, обусловленные уровнем их развития и другими факторами (уже не реальные отношения), правоотношения выступают как генетический источник императива для социальных норм (в учебном заведении, семье и иной среде). Неизвестные реальные звенья восполняются надуманными. Крайне нежелательно когда подобные восполнения делаются непрофессионально (например “случайными” членами комиссии по защите прав несовершеннолетних, а не судьей, исполнительным органом, а не законодателем).

Правовые нормы по источникам своего императива классифицируются на несколько групп:

— обычаи, традиции, социальные привычки, императивность которых обусловлена системными признаками общественных отношений;

— нормы, в которых формально-генетические источники совпадают с фактическими (ребенок, например, должен, когда это возможно находится на попечении и под ответственностью своих родителей);

— нормы, формально-генетический источник императивных положений дополняет действия фактических источников (например, правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться частью процесса национального развития в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя таким образом защите молодежи и поддержанию порядка в обществе).

В этой связи становится понятным, почему субъект ведет себя в одних случаях прескритивно под воздействием предписаний, а в других случаях нормативно, хотя диспозиции тех и других образований и отдельных жизненных ситуаций совпадают.

У прескритивного предписания фактического источника может и не быть, но есть всегда формально-генетический источник. Последний выступает в качестве корреспондента императивной информации.

Формально-генетический источник действующий в определенных случаях или на определенных стадиях, как правило, закреплен социальным статусом и оформлен материальными нормами права.

Нормы в связи с источником императивного действия подразделяется на несколько видов:

— первый — включает нормы, у которых источник императива выступает как внешняя сила (государственная власть, власть уполномоченного лица и т. д.);

— второй — объединяет нормы, источник императивного действия которых связан с ними самими, их авторитетом, целесообразностью (обычаи, традиции и др.). /85, 80/

Особенностью таких норм является то, что воплощая в определенной форме социальную организацию (например, служба пробации), они вместе с тем служат фактическим источником императивного действия, не только собственного, но и других тем или иным образом связанных с ними норм (например, родители и делинквент обязаны выполнять требования чиновника службы пробации в любых ситуациях, если это связано с выполнением социальной программы перевоспитания).

Третий вид социальных норм характеризуется одновременно проявляющимися внешними и внутренними, свойственными самим нормам источниками императивного действия (например, защита индивидуальных прав несовершеннолетних с уделением особого внимания законности, меры по содержанию должна обеспечиваться компетентными органами, службами, а цели вовлечения в социальную жизнь общества должны обеспечиваться путем регулярных инспекций, проверок, которые осуществляются в установленном порядке).

Рассмотрим вопрос о месте и роли подростка в процессе реализации законов, нормоположений.

Для того, чтобы его (ее) заставить действовать тем или иным образом, нормативная информация должна быть актуализирована. Этот процесс (актуализации законодательной информации) осуществляется либо непосредственно — самим несовершеннолетним в ходе социализации, либо опосредованно, через способы социального общения с работниками социальных и иных

организаций.

В этой связи важно отметить, что референтные функции в осуществлении нормативной детерминации выполняют не только подростки, но и обычаи, традиции, общения и др.

Для подростка, который выступает референтом и активным носителем требований характерны два положения:

- в нем актуализируются и конкретизируются фактический и формально-логический источники;
- он (подросток) опосредует нормативную детерминацию. Нормативная информация реализуется путем соблюдения, исполнения, применения соответствующих норм права.

Референтная стадия реализации нормы права выступает как необходимый момент во многих случаях и ситуациях — например, социализации несовершеннолетнего, общения. Если в некоторых случаях формально-генетический источник императивных требований может отсутствовать в индивидуальном или групповом сознании, а фактический принимать специальные (установленные, санкционированные) формы, то референтный источник не только не репрезентирует в сознании подростка, но и выполняет их функции.

Таким образом, если попытаться дать характеристику места референтной стадии законодательных требований и соответствующей модели законодательного поведения, то можно сделать выводы:

- она (указанная стадия) не изменяет существа нормативной детерминации изложенной в законе;
- она лишь оказывает на нее корректирующее воздействие.

В процессе социального развития несовершеннолетнего, нормы закона на ее референтной стадии могут варьироваться, что обусловлено чертами подростка или жизненной обстановкой. И в этих условиях подросток может придать нормам закона большую степень определенности, конкретности, если все в целом подчиняется требованиям системы. Элементы случайности могут быть связаны не только с индивидуальностью подростка, но и непрофессиональной деятельностью работников служб. Можно ли прогнозировать эти ситуации? Безусловно, можно. Но прогноз должен опираться не только на аналитические оценки интеллектуально-психологических характеристик подростка, но и на правовые возможности государственных институтов, обоснованными приемами, способами правового регулирования. В этой схеме методы правового регулирования образуют связующее звено между волей государства, представленном в законе и индивидуальной волей подростка. Весьма очевидный факт имеет существенное дополнение: кто может и должен быть проводником государственной воли (комиссия по защите прав несовершеннолетних, участковый инспектор, инспектор по делам несовершеннолетних, специализированный суд, или социальные службы).

С точки зрения системного анализа данной проблемы, важно не только выбрать институциональные формы деятельности, добиться перехода нормы из абстрактной необходимости в реальную, из возможности исходить в действительность, из требования закона в действия, поступки, поведение несовершеннолетнего.

И несомненный интерес представляют следующие вопросы:

- 1) когда и при каких условиях реализуется норма закона;
- 2) кто обеспечивает превращение ее необходимости из идеально-абстрактной в действительную, конкретную?

Реализация норм в поведении подростка и его отношений происходит как правило в его

присутствии, в его участии. Таким образом, он со своими отличительными чертами, волевыми особенностями, уровнем сознания и образования является одним из существенных факторов обеспечения требований закона. Но принимая во внимание режимность (строгость, жесткость, мягкость) нормы права, облеченных в форму закона, можно сделать выводы:

- 1) меры правового регулирования связаны с деятельностью правотворческих органов;
- 2) режимность законодательных предписаний связаны с функционированием социальных институтов общества;
- 3) реализация правовых требований связана с самодисциплиной, сознанием долга несовершеннолетнего.

В контексте системного подхода следует остановиться на особой роли норм права, оформленных в юридическом законе.

Во-первых, правовые нормы и соответствующие формы права служат специфическим средством утверждения правоотношений, в которых участвуют несовершеннолетние.

Во-вторых, формы организации (правоотношений) социальных институтов из организаций себя (власти) превращаются в организацию для детей и подростков.

В-третьих, с помощью закона достигается корреляция социально-властных организаций, служб и правовых норм.

Таким образом, организация для несовершеннолетних в известном смысле есть правоорганизация общественных отношений с участием детей и подростков. И чем отношений, тем выше степень эффективности работы органов выше сила юридического оформления общественных и служб по делам несовершеннолетних.

Отношение между интересами, потребностями несовершеннолетних и правовыми (законодательным обеспечением) нормами может быть многообразным:

— в одних случаях интересы ребенка и подростка существуют и проявляются в правовой форме (взаимоотношения в семье, учебном заведении);

— в других случаях сами правовые нормы образуют содержание потребностей, интересов (в образовательных и других услугах, обеспечение законности в соблюдении прав несовершеннолетнего).

Механизм действия закона есть специальная система, хотя и производная от многих факторов. Например, действие закона представляет специфический момент конкретного поведения ребенка и подростка. Но если поведение несовершеннолетнего выступает как отдельное, правовое требование закона как общее.

Самая сложная проблема — соотношение нормы и аномалии в поведении несовершеннолетних. В решении ее необходимо иметь в виду два аспекта: формальный и содержательный. Если предметом формального анализа является соотношение нормы и аномалии, то предметом содержательного подхода — соотношение нормального и отклоняющегося поведения.

Основная сложность решения вопроса о соотношении зависимости формы акта и важности общественных отношений, которые предстоит регулировать, заключается в необходимости их выяснить. Безусловно, базовым положением остается следующее: чем выше юридическая сила акта, тем более важные отношения он регулирует. Это позиция очень важна с точки зрения варианта теоретического познания. Тем более, что всегда возникает потребность в

подтверждении, как важности, так и критериев ее выделения.

Дополнительную ясность в разрешении поставленного вопроса можно внести, если при выявлении важности регулируемых отношений принять во внимание субъективный состав отношений. И здесь обнаруживаются две тенденции:

1) очень важно, чтобы акты, адресованные несовершеннолетним и закрепляющие их права и обязанности, издавались высшим законодательным органом — Парламентом Республики Казахстан;

2) кроме того, если обнаруживается однородность правового материала, то желательно, чтобы он был закреплен в законе, даже если предполагается его детализация в подзаконных актах.

В оценке указанных тенденций следует принимать во внимание, что существуют отрасли законодательства, характеризующиеся однородностью правовых предписаний (в сфере образования или исполнительно-принудительном и т. д.).

В первой тенденции заметно проявляются признаки — требования, обусловленные потребностью организовать специальные органы, взаимодействующие на уровне закона с несовершеннолетними, склонными к правонарушениям.

Вторая же тенденция тяготеет к смешанным институтам: образование, здоровье, ограничения по отношению к детям и подросткам.

Поэтому комплексный системный анализ и позволит определиться не только со структурой основных нормативных правовых актов.

Немаловажным фактором, влияющим на эшелонированность и видовой состав актов, заключается в том, кто обладает достаточными полномочиями, которые позволят в соответствующих актах “заложить” стратегию работы с подростками. Если абстрагироваться от прошлого опыта, даже принимая его ценные характеристики, то сегодня мало шансов на реанимацию общественно-государственных структур, функционирующих формально и на общественных началах.

Появление структурно-иерархических и функциональных актов в условиях сокращения кодификационных актов, наводит на мысль о выделении ключевого не только органа, но и акта, по отношению, к которым можно синхронизировать действующее законодательство.

Есть еще одно обстоятельство, которое нельзя игнорировать. Во-первых, нельзя просто осуществлять рецепцию норм нижестоящих актов в акты более высокой юридической силы, не меняя концепцию работы с подростками. В этом случае ничего не изменится, да и меры ужесточения сами по себе ничего не решают. Во-вторых, любое перемещение норм акта вверх должно сопровождаться и изменением структурных связей, а эти изменения без учета интересов детей и подростков неконструктивны.

И, наконец, бесспорным является факт слияния индивидуальных свойств личности, применяющей, соблюдающей (или нарушающей) нормы права. Поскольку подросток, как любой социальный субъект, в своем поведении руководствуется не только правовыми предписаниями, но и своими интересами, привычками, эмоциями, поэтому успех концептуального подхода и соответствующих норм закона не могут не зависеть в конкретных ситуациях от особенностей личности подростка.

В нашем конкретном случае задача состоит не “заболтать” проблему, а оказать реальную помощь законодателю в правильном выборе мер правового регулирования, прогнозировании насколько достижение этих целей способно решить проблемы правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

То есть, анализируя социальную направленность реформации учреждений по делам несовершеннолетних, необходимо на социологическом и других уровнях убедиться в возможности достижения указанных целей.

Безусловно, в своем исследовании авторы не пытаются дать ответы на все имеющиеся вопросы. Тем более, что ранее не проводились подобные системные исследования, позволяющие оценить возможные варианты решения данной задачи, выбрать сценарий законодательного обеспечения поставленной проблемы.

Даже если придерживаться классической идеальной модели суждения о том, что социальное назначение права состоит в регламентации поведения людей, то с учетом этого предназначения не следует допускать ошибок в институционализации отдельных институтов формирования законодательной основы, ибо они связаны с социальным развитием детей и подростков. В контексте данных проблем уместно замечание К. Маркса, который отмечал: “Законодатель же должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил, сущность дела своими выдумками” /86, 162/ — это положение обязательно для любого правотворческого органа, который прежде чем приступить к правовому регулированию должен изучить, познать реально действующие формы социальных отношений.

Несмотря на канонизированность этих положений, далеко не всегда правотворческие органы придерживаются подобной версии в своей деятельности. То есть, не всегда общественные отношения и социальная практика их применения предшествуют созданию норм права. Но, тем не менее, не следует этот подход активно применять к отношениям, в которых участвуют несовершеннолетние. Тем более, что не удалось опровергнуть положение, ставшее аксиомой: “Но общество основывается не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот закон должен основываться на обществе...”. /87, 259/

Фундаментальность подобного рода суждений заключается в том, что классически детерминированность поведения человека определяется не только правом, но и другими не менее важными факторами, в том числе и особенностями сознания человека. Так, например из 353 опрошенных несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание, и 120 — отбывших наказания, дали самые различные ответы по поводу оценки их действий. 51,5% несовершеннолетних не считают действия, за которые их осудили, противоправными; 24,6% — считают их противоправными и 23,9 процента — затруднились ответить.

Если на уровне теоретического сознания не пытаться вникать во все проблемы, а ограничиться проблемами несовершеннолетних. То для поиска конструктивных решений на уровне закона важно определить адресат, которому и предназначен закон, а также с помощью закона определить ту свободу (воли) поведения в рамках дозволенного. При этом не следует “опускаться” на уровень бытового восприятия, ибо речь идет не о вседозволенности, а лишь о необходимых условиях развития ребенка и подростка. Осознавая, что право далеко не всемогущее средство, оно лишь может пытаться оградить от трансформации проступка в преступление.

Список использованных источников к разделу 3:

1. Джекебаев У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения. Алма-Ата. 1971. С.125.
2. Васильев В. Л. Юридическая психология — СПб.: Питер Пресс, 1997 (серия “Мастера психологии”). С. 119.
3. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристь, 1995. С. 102.
4. Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2.— М.: “Большая Российская энциклопедия”, 1999. С. 395.

5. См.: З. Фрейд. Психология бессознательного: сборник произведений, Москва "Просвещение", 1989.
6. Курганов С. И, Кравченко А. И Социология для юристов: Учебн. пособие для вузов.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2000. С. 104.
7. См.: В. В. Морозов, А. П. Скробов, "Социально-политический журнал" № 1. 1998.
8. Д. Смелзер. Социология.— М. 1994. С. 41.
9. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории.— М. 1971. С. 165.
10. См.: Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику.— М. 1997.
11. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1995. С. 102—103.
12. См. подробнее: Социально-политический журнал. № 1. 1998.
13. См.: Матейчек "Родители и дети".— М.: "Просвещение". 1992.
14. Майерс, Д. Социальная психология /Перевод с англ.— СПб.: Издательство "Питер", 1999. С. 271.
15. См.: Немов Р. С. Психология. В 2-х книгах. Книга — 1.— М. 1998.
16. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н., Цитируемое сочинение. С. 105.
17. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1996. С. 229.
18. Там же. С.229.
19. Жетписбаев Б. А. Административная ответственность в Республике Казахстан: Учебное пособие.— Алматы: "Данекер", 2000. С. 65.
20. См. подробнее: Еникеев М. И., Общая и юридическая психология. Часть 2.— Москва., 1996. С. 123—127.
21. См.: Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1995. С. 116.
22. См. подробнее: Алексеева А. С. и др. "Об опыте организации социальной реабилитации детей в школе-комплексе", "Детская личность".— М., 1997.
23. Подласый И. П. Педагогика. Новый курс: Учебник для студентов пед. вузов: В 2 кн.— М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.— Кн. 1. Общие основы. Процесс обучения. С. 101.
24. См. подробнее: Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику.— М., 1997.
25. Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2.— М.: "Большая Российская энциклопедия", 1999. С. 361.
26. См: Матейчек "Родители и дети".— М.: "Просвещение", 1992.
27. См. например: Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2.— М.: "Большая Российская энциклопедия", 1999. С. 361.
28. Трифонов В. В. Подготовка будущих учителей к работе с трудными учащимися.— Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 33.
29. Буянов М. И. Ребенок из неблагополучной семьи: записки дет. психиатра: Кн. для учителей и родителей.— М.: Просвещение, 1988. С. 9.
30. Степанов В. Г. Психология трудных школьников: Учебное пособие для студентов высш. пед. учебн. заведений.— 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский центр "Академия", 2001. С. 236—236.
31. См.: Алмасов Б. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних.— Свердловск, 1986.
32. Ковалев А. Г. Психология личности. 2-е издание, испр. и доп.— М.: "Просвещение", 1965. С. 255.
33. Горьковая И. А. Медико-психологическое исследование формирования характера делинквентных подростков //Автореферат диссертации кандидата психологических наук. СПб, 1992. С. 12—13.
34. Педагогическая энциклопедия.— М., 1965. Т. 2. С. 138.
35. Психологический словарь /Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. С. 126
36. Там же. С. 127.
37. Педагогическая энциклопедия. Указ соч. С. 142.
38. Там же. С. 142
39. Коменский Я. А. Великая дидактика.— М., 1955. С. 199.
40. Руссо Ж.-Ж. Педагогическая библиотека.— М.: Педагогика. 1981. С. 34.

41. Песталоцци И. Г. Избранные педагогические произведения В 3-х т. Т. 1 /Под ред. М. Т. Шабаровой.— М., 1961. С. 91.
42. Колодца Д. Детские игры: их психологическое и педагогическое значение.— М.: Московское книгоиздательство. 1909. С. 266.
43. Фребель Ф. Детский сад // Пед. соч. Т. 2.— М., 1913. С. 26
44. . Декроли и его метод // Дошкольное воспитание.— 1991. № 11. С. 47.
45. Дьюи Д. Школа и общество.— М.: Гос. издательство, 1925. С. 90.
46. Там же. С. 91.
47. Белинский В. Г. Педагогическое наследие.— М., 1987. С. 47.
48. Добролюбов Н. А. Педагогические сочинения.— М.: Изд-во “Учпедгиз”, 1949. С. 411.
49. Лесгафт П. Ф. Пед. сочинения. Статья об играх в семье.— М.: Педагогика, 1988. С. 27.
50. Толстой Л. Н. Яснополянская школа. За ноябрь и декабрь месяцы.— Т. 8. С. 61.
51. Крупская Н.К. Общественное воспитание // Пед. соч.: В 10-ти т.— Т. 6.— М., 1961. С. 242.
52. Крупская Н. К. О воспитании // Пед. соч.: В 10-ти т.— Т.3.— М., 1989. С. 316.
53. Терский В. Н. Клубные занятия и игры к практике А. С. Макаренко.— М., 1959. С. 144.
54. Сухомлинский В. А. О воспитании.— М.: Политиздат, 1973. С. 126.
55. Григорьев В. М. Педагогика народной игры //Мир детства и традиционная культура.— М., 1939. С. 62.
56. Эльконин Д. Б.— Психология игры. М.: — Педагогика, 1978. С. 246.
57. Эльконин Д. Б. Психология игры.— М.: Педагогика, 1978. С. 198.
58. Эльконин Д. Б. Основные вопросы теории детской игры //Психология и педагогика игры дошкольника. М., 1966. С. 212.
59. Эльконин Д. Б. Психологические вопросы дошкольной игры //Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста.— М., 1948. С. 277.
60. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка //Вопросы психологии.— 1966.— № 6. С. 54.
61. Леонтьев А. Н. Психологические основы дошкольной игры //Советская педагогика.— 1944.— № 8, 9. с. 37.
62. Там же.
63. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Статьи об эстетике.— М.— Л., 1935. С. 287.
64. Эльконин Д. Б. Основные вопросы теории детской игры //Психология и педагогика игры дошкольника.— М., 1966. С. 27.
65. Штерн В. Психология раннего детства, до шестилетнего возраста /Пер. с нем.— Пг., 1922. С. 276.
66. Спенсер Г. Основы психологии. СПб., 1899. С. 415.
67. Гросс К. Душевная жизнь ребенка. избр.лекц.— М., 1996. С. 242.
68. Вундт В. Этика. Сборник, 1987. С. 181.
69. Ауэзов М. Путь Абая Т. 1.— Алма-Ата: Жазушы, 1978. С. 477.
70. Гумбольдт А. Ф. Центр Азии: исследования о степях, горной сравнительной климатологии /Пер. с франц. П. И. Бороздича Т. 1.— М., 1955. С. 17.
71. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествий по степи /Пер. с польского Д. С. Степановой.— Алма-Ата, 1966. С. 75.
72. Аткинсон Т. Путешествие в казахской степи //Простор.— 1972.— № 3. С. 42.
73. Антология педагогической мысли Казахстана /Сост. К. Б. Калиев.— Алматы: Рауан, 1996. С. 261.
74. Там же. С. 307.
75. Антология педагогической мысли Казахстана /Сост. К. Б. Жарикбаев, С. К. Калиев.— Алматы: Рауан, 1996. С. 411.
76. Таникеев М. Т. Казахские национальные виды спорта и игры.— Алма-Ата, 1957. С.11.
77. Тотенаев Б. Т. Казахские национальные игры.— Алма-Ата: Казахстан, 1976. с. 86.
78. Муканов М. М. О казахском устном творчестве: пословицы и айттыс, их отношение к трактовке интеллектуальной деятельности. (Психол. вып.2).— Алма-Ата: КазПИ, 1975. С. 100.
79. Нургалиев К. А. Этнопсихологические особенности решения проблем, ситуаций (анализ

процесса отгадывания загадок казахской общности): Автореф. дисс. канд. пед. наук.— М., 1984. С. 5.

80. См. подробнее: Узакбаева С. А., Айтпаева А. К. Казахские народные игры: Учебное пособие.— Алматы: Республиканский издательский кабинет Казахской академии образования им. И. Алтынсарина, 2000.— 171 с.
81. Декларация о праве на развитие. Принята резолюции 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 г. В сб. Международных договоров и законодательных актов Республики Казахстан в области прав человека. В 2-х т. Алматы: Жеті жарҒы, 1996, с.134.
82. См.: Казахстан — 2030.— Алматы: ЮРИСТ, 2000.— 94 с.
83. См.: Трифонов В. В. Подготовка будущих учителей к работе с трудными учащимися . Алма-Ата. Ғылым, 1991.
84. См.: Жетписбаев Б. А. Ювенальная юстиция.— Алматы: Данекер, 2001. С. 71—74.
85. Таранов А. А. Муниципальное право. Алматы, 1998. С.80.
86. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 1, С. 162.
87. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6 С. 259.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенных исследований необходимо отметить, что в данной работе рассмотрены социально-психологические и правовые аспекты девиантного поведения несовершеннолетних. Выявлены факторы, обуславливающие конфликтность поведение подростков, ведущие к совершению административных правонарушений, то есть к делинквентному поведению и к совершению преступлений — преступному поведению.

Необходимость выделения в качестве отдельного исследования проблематики формирования личности несовершеннолетнего характеризующегося девиациями в поведении в современных условиях развития рыночных общественных отношений в Республике Казахстан имеет принципиальное значение. Особенно это необходимо в части осуществления мер профилактики, предупреждения и пресечения отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

В литературе отмечается, что и общая, и индивидуальная профилактика применимы к различным возрастным категориям делинквентов, вместе с тем результативность применяемых к ним профилактических мер будет неодинаковой. Так, люди зрелого возраста, с уже сформировавшимся характером, гораздо труднее поддаются "перевоспитанию". Профилактическая работа с ними может сводиться, главным образом, к тому, чтобы убедить их в невыгодности противоправного поведения, ввиду возможности применения к ним мер административно-правового принуждения. Другое дело, если средства профилактики используются в отношении несовершеннолетних. В этом случае имеется возможность вмешаться в процесс деформации личности и направить ее в русло закрепления позитивных качеств.

Как показали результаты проведенного исследования, результативность профилактического воздействия на личность несовершеннолетнего зависит от множества самых различных факторов, касающихся как органов профилактики, так и самого профилакируемого. Наиболее отчетливо, верность подобного рода суждений проявляется при анализе итогов исследования полученных при специальном изучении механизмов и закономерностей противоправного поведения. Поэтому совсем не случайно, что различные аспекты формирования личности делинквента, а также влияния конкретной ситуации на противоправное поведение индивида стали основным объектом нашего внимания. При этом значительно роль изучения причинности и мотивации девиантного поведения. Например, таких, когда родители перепоручают своим детям роль выразителей своих нереализованных желаний, подавленных протестов, или же возлагают на них неосознанные надежды и ожидания. Данные требования могут оказаться непосильными для несовершеннолетнего и у него возникает критичность, презрение, отчуждение в отношении своих родителей. Подростковый кризис, юношеское стремление уйти из под опеки родных, нередко бывают вызваны инстинктивным желанием освободиться от груза родительских ожиданий, навязывающих ребенку чужое "Я". В большинстве случаев этот повод позволяет подростку идти на компромиссные действия, совершая при этом правонарушения и вступая в различные конфликты и конфликтные ситуации.

Ни один конфликт не возникает из ни чего, и не проходит бесследно, и поэтому в работе рассмотрены и причины, и динамика конфликтов, психологические и социальные аспекты характеризующие конфликт, поскольку в работе возникла необходимость детального исследования конфликтных столкновении.

Результаты полученные в работе свидетельствуют о том, что человек является носителем определенных личностных качеств, которые сформировались на основе его предшествующей жизненной практики и вполне естественно, что в конкретной жизненной ситуации он действует, то есть, совершает поступки на основе субъективных оценок. Следовательно, проводя общий анализ девиантного поведения подростка необходимо включать в сферу исследования и саму конкретную жизненную ситуацию и те условия, которые лежали в основании формирования девиантной личности.

Таким образом, решение основной цели данной исследовательской работы выраженной в проблеме изучения девиантного поведения и социализации несовершеннолетних правонарушителей в условиях, когда старые нормы и ценности, наличествующие в обществе, уже не соответствуют реальным существующим условиям и отношениям, а новые нормы и ценности, в жизни современного общества еще в достаточной степени не утвердились, то проблемы, поднимаемые в данной работе, по-прежнему остаются бесконечными и не до конца изученными, следовательно, требуют своих дальнейших исследований.

Общий список использованных источников:

Введение

1. См.: Казахстанская молодежь на рубеже веков /А. С. Сарсенбаев и др.— Астана: Елорда, 2000. С.4.
2. Ильинский И. М. и др. Молодежь планеты. Концепция молодежи.— М., 1999. С. 18.
3. Першанина Е. Проблемы профилактики педагогической запущенности подростков. // “Советская педагогика”, 1984. № 5. С. 141.
4. Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции.— М., 1996. С. 41.
5. См.: Гишинский Я. И., Смолинский Л. Г. Социодинамика самоубийств // Социс. 1988. № 5.
6. См.: Льюис К. С. Христианское поведение // Иностранная литература. 1990. № 5.

Раздел 1. Психолого-педагогические и правовые характеристики

девиантного поведения несовершеннолетних

Глава 1. Понятие, содержание и причины

девиантного поведения несовершеннолетних

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 236.— (Серия “Мастера психологии”)
2. См.: Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии.— М., 1995.
3. Курганов С. И., Кравченко А. И. Социология для юристов: Учебное пособие для вузов.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2000. С. 133.
4. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство: Сочинения.— М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс; Харьков: Издательство “Фолио”, 1998. С. 11—12. (Серия “Антология мысли”).
5. См.: Курганов С. И., Кравченко А. И. Социология для юристов: Учебное пособие для вузов.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2000. С.136—137.
6. См.: Ланцова Л. А., Шурупова М. Ф. Социологическая теория девиантного поведения // Социально-политический журнал, 1993, № 4.
7. См. подробнее: Кон И. С. Психология ранней юности: КН. для учителя.— М.: Просвещение, 1989. С. 253—254.
8. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 237.— (Серия “Мастера психологии”)
9. См.: Жетписбаев Б. А. Ювенальная юстиция.— Алматы: Данекер, 2001.— 144 с.
10. Стариков Е. Маргиналы, или размышление на старую тему: “Что с нами происходит?” // Знамя. 1989. № 10. С. 133.
11. См.: Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности.— М., 1966.
12. Курганов С.М. Мотивы действий несовершеннолетних правонарушителей // Социс. 1989. № 5. С. 61.

13. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юридическая литература, 1981. С. 103.
14. Петелин Б. Я. Организованная преступность несовершеннолетних // Социс. 1990. № 9. С. 94.
15. Габияни А. Л. Наркотики в среде учащейся молодежи // Социс. 1990. № 9. С. 90—91.
16. См.: Административное право Республики Казахстан. Учебник в 2-х частях.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1996.

Глава 2. Особенности отдельных форм

девиантного поведения несовершеннолетних

1. Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие.— Ростов н/Д: Фе-никс, 2000. С. 21—22.
2. См.: Ильин Е. П. Мотивация и мотивы.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 249.— (Серия “Мастера психологии”).
3. Там же. С. 251.
4. См. например: Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000.— 624 с.— (Серия “Мастера психологии”); Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие.— Ростов н/Д: Феникс, 2000.— 384; Степанов В. Г. Психология трудных школьников: Учебн. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений.— 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Издательский центр “Академия”, 2001.— 336 с. и др.
5. Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие.— Ростов н/Д: Фе-никс, 2000. С. 19.
6. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981. С. 98.
7. См.: Кормщиков В. М. Изучение механизмов влияния неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего — важное условие профилактики правонарушений. В сб.: Личность правонарушителя и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних.— М., 1977.
8. См. подробнее: Еникеева Д. Д. Как предупредить алкоголизм и наркоманию у подростков.— М., 1999.
9. Габияни А. А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы.— М., 1990. С. 156.
10. Казахстанская молодежь на рубеже веков /А. С. Сарсенбаев и др.— Астана: Елорда, 2000. С.194.
11. Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 19—20.
12. См. подробнее: Максимова Н. Ю. Указанное сочинение. С. 29—30.
13. См.: Там же. С. 30—31.
14. См. подробнее: Абдиров Н. Концептуальные проблемы борьбы с наркотизмом в Республике Казахстан /криминологическое и уголовно-правовое исследование/ Монография.— Алматы: ТОО “Баспа”, 1999. С. 110—111.
15. Басенко М. С. Психологическая характеристика личности женщины, потребляющей наркотики, и ее учет в воспитательной деятельности в местах лишения свободы /Автореф. канд. дсс.— М., 1991. С 16.
16. См.: Корзун И. В. Преступность среди женщин В Казахстане.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1998. С. 162—163.
17. Башмаков А. И. Наркомания: истоки трагедии.— Алматы: “Билим”, 1998. С. 69—72.
18. Максимова Н. Ю. Указанное сочинение. С. 167—168.
19. См. подробнее: Башмаков А. И. Указанное сочинение. С. 85—93.
20. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Особенная. Издание третье, исправленное и дополненное. Учебник /Под ред. док. Юрид. наук, проф., академика РАЕН

- А. П. Коренева.— М.: Московская академия МВД России, “Щит-М”, 2000. С. 104.
21. Жетписбаев Б. А. Ювенальная юстиция: Учебник для вузов.— Алматы: Данекер, 2001. С. 94.
  22. Кон И. С. Психология ранней юности: Кн. для учителя.— М.: Просвещение, 1989. С.241.: ил.— (Психол. наука — школе).
  23. См.: Амбрумова А. Г., Постовалова Л. И. Мотивы самоубийств.— Социс.— 1987.— № 6.
  24. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С.553.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
  25. См. подробнее: Личко А. Е. Подростковая психиатрия.— 2-е издание.— Л.: Медицина, 1985; Он же. Психопатии и акцентуации характера у подростков.— 2-е издание.— Л.: Медицина, 1983.
  26. Гишинский Я. И., Смолинский Л. Г. Социодинамика самоубийств //Социс. 1988. № 5. С.62.
  27. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С.556—557.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
  28. Корзун И. В. Женская преступность. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика современных проявлений преступности в Республике Казахстан.— Алматы: Данекер, 2001. С. 306.
  29. См.: Антонян Ю. М. Преступность женщин //Социалисти-ческая законность. 1991. № 7. С. 20.
  30. Голод С. И. Проституция в контексте изменений половой морали //Социология преступности.— М., 1988. № 2. С. 66.
  31. Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1998. С. 126.
  32. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка. В кн. Гениальность и помешательство: Сочинения.— М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во “Фолио”, 1998. С. 336. (Серия “Антология мысли”).
  33. Там же. С.338.
  34. Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане.— Алматы: Жеті-ЖарҒы, 1998. С. 164.

Глава 3. Основные характеристики подростков

с акцентуациями в поведении

1. См.: Зейгарник Б. В. Патопсихология. 2-е издание.— М.: Издательство МГУ, 1986.— 252 с.
2. Личко А. Е., Попов Ю. В. Делинквентное поведение, алкоголизм и токсикомании у подростков.— М., 1988. С. 5.
3. Шипицына Л. М., Иванов Е. С. Нарушения поведения учеников вспомогательной школы. Уэлс, Великобритания, 1992. С. 16.
4. Беличева С. А. Основы превентивной психологии.— М., 1993. С. 22.
5. Личко А. Е., Попов Ю. В. Указанное сочинение. С. 10.
6. Степанов В. Г. Психология трудного школьника.— М., 1988. С. 10.
7. Беличева С. А. Указанное сочинение. С. 19.
8. См.: Леонгард К. Акцентуированные личности.— Киев, 1981.
9. Аверин В. А. Психология детей и подростков: Учебн. пособие. 2-е изд., перераб.— СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1998. С 372.
10. См.: Горьковая И. А. Медико и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков /Дисс. на соиск. уч. степени доктора психол. наук.— СПб., 1998.
11. См. подробнее: Личко А. Е. Подростковая психиатрия.— М., 1998.
12. Королев В. В. Психическое отклонения у подростков правонарушителей.— М.: Медицина, 1992. С. 208.
13. См.: Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981.— 160 с.
14. См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивации преступного поведения. Горький, 1974. С.55.
15. См.: Урланис Б. Ц. Общая теория статистики.— М., 1973. С.67.

16. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков.— Л., 1983. С. 10.
17. Аверин В. А. Психология детей и подростков: Учебное пособие.— 2-е издание, переработанное.— СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1998. С. 374—376.
18. Лебедев А. В. Оценка нервно-психического состояния подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних //Психология и профилактика асоциального поведения несовершеннолетних /Под редакцией С. А. Беличевой. Тюмень, 1985.
19. Васильев В. Л. Юридическая психология — СПб.: Питер-Пресс, 1997. С. 425.: ил. (Серия “Мастера психологии”).
20. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия.— СПб.: Питер, 2001. С. 26—27.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
21. Там же. С. 27.
22. См.: Горьковая И.А. Медико- и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков /Дисс. на соиск. уч. степени доктора психол. наук.— СПб., 1998
23. Горьковая И. А. Медико-психологическое исследование формирования характера делинквентных подростков /Автореферат дисс. канд. псих. наук.— СПб., 1992. С. 12—13.
24. Исаев Д. Д., Журавлев И. И., Дементьев В. В. Озерецковский С. Д. Типологические модели поведения подростков с различными формами аддиктивного поведения.— СПб, 1997. С. 16.
25. Лановенко И. П. Борьба с групповыми правонарушениями.— Киев, 1981. С. 29.
26. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия.— СПб.: Питер, 2001. С. 27.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
27. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль.— СПб.: прайм — ЕВРОЗНАК, 2001. С. 25—26.
28. См.: Там же. С.28—29.
29. Аверин В. А. Психология детей и подростков: Учебн. пособие.— 2-е изд., перераб.— СПб.: Издательство Михайлова В. А., 1998. С. 363.
30. См.: Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности.— СПб., 1996.
31. См.: Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции.— М., 1996.
32. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль.— СПб.: прайм — ЕВРОЗНАК, 2001. С. 30—31.
33. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия.— СПб.: Питер, 2001. С. 53.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
34. Симонов В. П. Высшая нервная деятельность человека.— М.: Наука, 1975. С. 32.
35. Трифонов В. В. Подготовка будущих учителей к работе с трудными учащимися.— Алма-Ата: Гылым, 1991. С.60.
36. Там же. С. 62.
37. Башкатов И. П. Психология неформальных подростков — молодежных групп.— М.: Издательство Информпечать, 2000. С. 76.
38. Там же. С. 79.
39. См. подробнее: Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология.— М., 1997. С.193—197.
40. См. подробнее: Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология.— М., 1997.

Раздел 2. Деликтологические и криминологические проблемы

делинквентного и преступного поведения несовершеннолетних

Глава 1. Деликтологическая характеристика административной правонарушаемости несовершеннолетних

1. См.: Дымченко В. И., Корчагин А. Г. Уголовные преступления и административные правонарушения. Уголовно — правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки.— Свердловск, 1990. С. 46—49. Зубов И. Н. О влиянии результатов борьбы с некоторыми видами административных правонарушений на криминогенную обстановку и общественно —

- политическую ситуацию в России.— М., С. 43—45; Лозбяков В. П., Эриашвили Н. Д. Криминология и административная юрисдикция милиции: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. В. П. Лозбякова.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 14—17.2.
2. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации.— Омск, 1993. С. 3.
  3. Лозбяков В. П., Эриашвили Н. Д. указанное сочинение. С. 15.
  4. Додин Е. В. Административная деликтология в системе юридической науки // Советское государство и право. 1991, № 12. С. 32.
  5. Бахрах Д. Н. Указанное сочинение. С. 52.
  6. Жетписбаев Б. А. Организационно правовые проблемы создания ювенальных судов и их роль в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н.— Алматы, 1998. С. 3
  7. Жетписбаев Б. А. Административная ответственность в Республике Казахстан: Учебное пособие.— Алматы. Данекер. 2000. С. 53.
  8. Рабинович П. М. Административные правонарушения несовершеннолетних. М., 1989. С.6—7.
  9. Жигарев Е. С. Административная деликтность несовершеннолетних. М., 1992. С. 9.
  10. Ремнев В. И. Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период. Киев, 1984. С. 5.
  11. Жетписбаев Б. А. Административно-правовые меры профилактики и пресечения правонарушений несовершеннолетних.— Алматы: Академия труда и социальных отношений, 1998. С. 7—8.
  12. См.: Кудрявцев С. В. Конфликт и насильственные преступления.— М.: Наука, 1991. С. 52.
  13. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под редакцией В. М. Корельского и др. ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 407.
  14. Абдиров Н., Концептуальные проблемы борьбы с наркотизмом в Республике КАЗАХСТАН (криминологическое и уголовно-правовое исследование) Монография.— Алматы: ТОО “Баспа”, 1999. С. 116.
  15. Козлов Н. И. Философские сказки для обдумывающих житье, или Веселая книга о свободе и нравственности.— 4-е изд., перераб. и доп.— М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. С. 270—271.
  16. Кант И., Метафизика нравов. В двух частях. В кн. Немецкая классическая философия. Т. 1. М., Харьков. 2000. С. 22.
  17. См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М.: 1974. С. 283.
  18. См.: Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. Под общ. ред. Члена-корреспондента РАН, д.ю.н, проф. В. С. Нерсесянца.— М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М, 1999. С. 206.
  19. См.: Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю. М. Дмитриев и др.; Под общ. ред. А. С. Пиголкина.— 2-е изд., доп.— М.: Издательство МГТУ им. Баумана, 1997. С. 305.

20. См.: Жетписбаев Б. А. Административная ответственность в Республике Казахстан: Учебное пособие / Под общей редакцией профессора С. С. Сартаева.— Алматы: Данекер, 2000. С. 46.
21. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 1. С. 14.
22. Хропанюк В. Н., Теория государства и права. Хрестоматия. Учебное пособие. М., 1998. С. 920.
23. Гегель Г. Ф. Основы философии права. / Под редакцией Г. Лассона., 1911. С. 82.
24. См.: Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования.— М.: “Статут”, 1999. С. 74.
25. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1995. С. 212.
26. См.: Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов, М., 1993.
27. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Указанное сочинение. С. 212.
28. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 721.
29. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Указанное сочинение. С. 213.
30. Зеркин Д. П. Основы конфликтологии: Курс лекций. Ростов-н/Д: “Феникс”, 1998. С. 38.
31. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов.— М.: ЮНИТИ, 1999. С. 80.
32. Бандурка А. М., Друздь В. А. Конфликтология: учебное пособие для вузов.— Харьков: Университет внутренних дел, 1997. С. 12.
33. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Указанное сочинение. С. 213.
34. См.: Вайсберг Л. М. Проблемы личности в криминологии. Алматы, 1996. С. 24.
35. См.: Вайсберг Л. М. Указанное сочинение. С. 30.
36. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976. С. 12.
37. Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. С. 102.
38. Жетписбаев Б. А. Административно-правовые меры профилактики и пресечения правонарушений несовершеннолетних.— Алматы: Академия труда и социальных отношений, 1998. С. 9.
39. Социалистическое право, сознание и поведение личности // М. Т. Баймаханов., А. У. Бейсенова., Е. К. Нурпеисов и другие. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 35.
40. См.: Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972. С. 138—139.
41. Лукашева Е. А. Указанное сочинение. С. 122.
42. Кант И. Соч. Т. 4. ч.1. С. 260.

43. Кант И. Соч. Т. 4. ч. 2. С. 140.
44. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК. 1994. С. 54.
45. Антонян Ю. М., Юстицкий В. В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. Учебное пособие // МВД Российской Федерации ВНИИ.— М.: 1993. С. 50.
46. Криминальная мотивация: /Ответственный редактор академик В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1986. С. 30—31.
47. Явич Л. С. Сущность права. Специально-философское понимание генезиса развития и функционирования юридической формы общественных отношений. М., 1985. С. 118—119.
48. Вайсберг Л. М. Указанное сочинение. С. 108.
49. Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. С. 11.
50. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С. 239.
51. Яковлев А. М. Указанное сочинение. С. 241.
52. “Об организации отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков в летний период 1998 года” от 3 июня 1998 года. САПП РК, 1998, № 212. С. 181.
53. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984. С. 169.
54. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984. С. 226.
55. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 128.
56. См.: Оболонский А. В. Диалог с советологом Д. Хаммером в “вечных” российских вопросах // Государство и право, 1992, № 7, С. 120; Сазанов Б. И. Социальные, организационные и правовые основы механизма действия закона // Государство и право, 1993, № 1, С. 3; Основы политологии. Курс лекций /под ред. проф. В. П. Пугачева. М., 1992. С. 59; Демидов А. И. Власть в единстве и многообразии ее измерений // Государство и право, 1995, № 11, С. 4; Хамитов А. А. Категории и культура. Алматы: Гылым, 1992. С. 57.
57. Хамитов. А. А. Указанное сочинение. С. 57.
58. Хамитов А. А. Указанное сочинение. С. 159.
59. Ильенко Э. Что такое личность? В книге: “С чего начинается личность?”. М., 1997. С. 159.
60. См.: Батишев. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963.
61. См.: Криминология //под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. Н. Ф. Кузнецовой, заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. Н. М. Миньковского. Издательство Московского университета, 1994. С. 177; Антонян Ю. М., Бородин С. В., Самовичев Е. Г. О некоторых неопознаваемых мотивах систематического занятия бродяжничеством. //Вопросы борьбы с преступностью. М., 1982. Выпуск 36. С. 4—5.
62. Вайсберг Л. М. Проблемы личности в криминологии. Алматы, 1996. С. 128.

63. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 188.
64. Давыдов В. Личности надо выделиться. В книге: С чего начинается личность. М., 1979. С. 131—132.
65. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984. С. 236.
66. Социалистическое право, сознание и поведение личности. / Баймаханов М. Т., Бейсенова У. Р., Нурпеисов Е. К. и другие. Алма-Ата.: Наука, 1988. С. 62.
67. Криминология. /под.ред. засл. деят. науки РФ проф. Н. Ю. Кузнецовой, засл. деят. Науки РФ проф. Н. М. Миньковского. Издательство Московского университета, 1994. С. 200.
68. Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972. С. 63—65.
69. Юридическая конфликтология — новое направление в науке // Государство и право. № 4. С. 22.
70. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1998. С. 104.
71. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 721.
72. Психическое изучение трудновоспитуемых школьников и несовершеннолетних правонарушителей. М., 1997. С. 4.
73. Вайсберг Л. М. Демонтаж тоталитаризма и рефлексия правового сознания // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 1993, № 4. С. 24.
74. Щерба С. П., Курганов С. Ш., Перцова Л. В. Социально — негативные явления в ВТК и борьба с ними. М., 1985. С. 3.
75. См.: Чукмаитов Д. С. Проблемы и социальные последствия рецидивной преступности // Право и государство, 1997. № 6. С. 12—22.
76. Вайсберг Л. М. Проблемы личности в криминологии. Алматы, 1996. С. 40.
77. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях.— Алматы, 2001.
78. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 579, 642.
79. См.: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук В. Н. Кудрявцева.— М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 153—154.
80. См.: Административное право зарубежных стран. Учебное пособие.— М.: Издательство "СПАРК", 1996.— 229.
81. См.: Агапов А. Б. Административная ответственность: Учебник.— М.: "Статут", 2000. С. 28.
82. Конституция Республики Казахстан. С изменениями и дополнениями, внесенными Законом Республики Казахстан от 7 октября 1998 года, № 284—1. Алматы. "Борки", 1998. С. 5—6.

83. См.: Агапов А. Б. Указанное сочинение. С. 28.
84. Григорьев В. И. Некоторые административно-правотворческие и правоприменительные проблемы в Республике Казахстан // Материалы научно-теоретической конференции Казахского института правоведения и международных отношений “Дальнейшая демократизация общества — требование времени”. Алматы, 1999. С. 37.
85. Агапов А. Б. Указанное сочинение. С. 29.
86. См.: Таранов А. А. Административное право Республики Казахстан. Академический курс. Алматы, ТОО “Баспа”,— 2000. С. 132—133; Административное право Республики Казахстан. Часть общая. Издание 2-е, с изменениями. Алматы. “Жеті ЖарҒы”, 1997. С. 156— 157.
87. Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности. Бишкек,— 1999. С. 5.
88. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 743.
89. Таранов А. А. Указанное сочинение. С. 132.
90. Административная ответственность в СССР. Научно-аналитический обзор. М., 1983. С. 24.
91. Таранов А. А. Указанное сочинение. С. 133.
92. Худяков А. И. Налоговые правонарушения.— Алматы: ТОО “Баспа”, 1997. С. 25.
93. Худяков А. И. Указанное сочинение. С. 26.
94. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность.— М.: Юридическая литература, 1985. С. 16—17.
95. Худяков А. И. Указанное сочинение. С. 30.
96. Агапов А. Б. Указанное сочинение. С. 33.
97. А. А. Таранов. Указанное сочинение. С. 134.
98. См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Ответственные редакторы — доктор юридических наук, профессор И. Я. Ко-заченко и доктор юридических наук, профессор З. А. Незнамова.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 114.
99. Проблемы Общей теории права и государства, учебник для вузов. Под общей ред. члена — корр. РАН, д.ю.н, профессора В. С. Нерсесянца — М.: Изд. Группа НОРМА — ИНФРА-М, 1999. С. 484—485.
100. См. подробнее: Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. Учебник.— М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1996. С. 277.
101. Бахрах Д. Н. Административная ответственность: Учебное пособие.— М., 1999. С. 37.
102. Психология /Под редакцией Г. С. Костюка. Киев, 1968.
103. Психология /Под редакцией А. Г. Ковалева. М., 1968.
104. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 542.

105. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 66.
106. Учебник уголовного права. Общая часть.— М.: Издательство “СПАРК”, 1996. С. 142.
107. Назарбаев Н. А. Казахстан — 2030. Послание Президента страны народу Казахстана / Вечерний Алматы, 1997, 13 октября.
108. См. подробнее: Жетписбаев Б. А. Теоретические проблемы административно-правового принуждения в Республике Казахстан. Монография.— Алматы: Данекер, 2001.— 410 с.

Глава 2. Криминологическая характеристика преступности

несовершеннолетних

1. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981. С. 26.
2. См.: Орехов В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью.— Л., 1972. С. 20.
3. Долгова А. И. Указанное сочинение. С. 26—27.
4. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией д.ю.н., профессора А. И. Долговой.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 685—686.
5. Акимжанов Т. К., Мауленов Г. С. Преступность несовершеннолетних. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика преступности в Республике Казахстан.— Алматы: Данекер, 2001. С. 224.
6. Жетписбаев Б. А., Бахралинов А. С. Генезис административных правонарушений несовершеннолетних и меры борьбы с ними (монография) — Алматы: Казахская академия труда и социальных отношений, 2001. С. 5.
7. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией д.ю.н., профессора А. И. Долговой.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 695.
8. См.: Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних.— М.: Юрид. лит., 1981.; Комплексное исследование факторов, влияющих на изменение преступности.— М., 1983.; Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность.— М.: Юридическая литература, 1976.; Трудные судьбы подростков — кто виноват? — М., 1991.; Гуськов Н. М., Ермаков В. Д., Савинкова Е. Н. Причины и условия, способствующие преступности несовершеннолетних.— М., 1986.; Акимжанов Т. К., Мауленов Г. С. Преступность несовершеннолетних. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика преступности в Республике Казахстан.— Алматы: Данекер, 2001. и др.
9. Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность.— М.: Юридическая литература, 1976. С. 42.
10. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией д.ю.н., профессора А. И. Долговой.— М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. С. 694.
11. Антонян Ю. М. Преступность женщин //Социалистическая законность. № 7. 1991. С. 20.
12. Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане.— Алматы: “Жеті-ЖарҒы”, 1998. С. 40.
13. Жетписбаев Б. А., Бахралинов А. С. Генезис административных правонарушений несовершеннолетних и меры борьбы с ними (монография) — Алматы: Казахская академия труда и социальных отношений, 2001. С. 28.
14. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста.— СПб.: Издательство “Питер”, 2000. С. 517.: ил.— (Серия “Мастера психологии”).
15. Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность.— М.: Юридическая литература, 1976. С. 55.
16. Акимжанов Т. К., Мауленов Г. С. Преступность несовершеннолетних. В кн. Криминологическая характеристика и профилактика преступности в Республике

Раздел 3. Психолого-педагогические проблемы правовой социализации несовершеннолетних

1. Джекебаев У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения. Алма-Ата. 1971. С.125.
2. Васильев В. Л. Юридическая психология — СПб.: Питер Пресс, 1997 (серия “Мастера психологии”). С. 119.
3. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1995. С. 102.
4. Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2.— М.: “Большая Российская энциклопедия”, 1999. С. 395.
5. См.: З. Фрейд. Психология бессознательного: сборник произведений, Москва “Просвещение”, 1989.
6. Курганов С. И, Кравченко А. И Социология для юристов: Учебн. пособие для вузов.— М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2000. С. 104.
7. См.: В. В. Морозов, А. П. Скробов, “Социально-политический журнал” № 1. 1998.
8. Д. Смелзер. Социология.— М. 1994. С. 41.
9. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории.— М. 1971. С. 165.
10. См.: Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику.— М. 1997.
11. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1995. С. 102—103.
12. См. подробнее: Социально-политический журнал. № 1. 1998.
13. См.: Матейчек “Родители и дети”.— М.: “Просвещение”. 1992.
14. Майерс, Д. Социальная психология /Перевод с англ.— СПб.: Издательство “Питер”, 1999. С. 271.
15. См.: Немов Р. С. Психология. В 2-х книгах. Книга — 1.— М. 1998.
16. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н., Цитируемое сочинение. С. 105.
17. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1996. С. 229.
18. Там же. С.229.
19. Жетписбаев Б. А. Административная ответственность в Республике Казахстан: Учебное пособие.— Алматы: “Данекер”, 2000. С. 65.
20. См. подробнее: Еникеев М. И., Общая и юридическая психология. Часть 2.— Москва., 1996. С. 123—127.
21. См.: Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов.— М.: Юристъ, 1995. С. 116.
22. См. подробнее: Алексеева А. С. и др. “Об опыте организации социальной реабилитации детей в школе-комплексе”, “Детская личность”.— М., 1997.
23. Подласый И. П. Педагогика. Новый курс: Учебник для студентов пед. вузов: В 2 кн.— М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.— Кн. 1. Общие основы. Процесс обучения. С. 101.
24. См. подробнее: Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику.— М., 1997.
25. Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2.— М.: “Большая Российская энциклопедия”, 1999. С. 361.
26. См: Матейчек “Родители и дети”.— М.: “Просвещение”, 1992.
27. См. например: Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2.— М.: “Большая Российская энциклопедия”, 1999. С. 361.
28. Трифонов В. В. Подготовка будущих учителей к работе с трудными учащимися.— Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 33.
29. Буянов М. И. Ребенок из неблагополучной семьи: записки дет. психиатра: Кн. для учителей и родителей.— М.: Просвещение, 1988. С. 9.
30. Степанов В. Г. Психология трудных школьников: Учебное пособие для студентов высш. пед. учебн. заведений.— 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский центр “Академия”, 2001. С. 236—236.

31. См.: Алмасов Б. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних.— Свердловск, 1986.
32. Ковалев А. Г. Психология личности. 2-е издание, испр. и доп.— М.: “Просвещение”, 1965. С. 255.
33. Горьковая И. А. Медико-психологическое исследование формирования характера делинквентных подростков //Автореферат диссертации кандидата психологических наук. СПб, 1992. С. 12—13.
34. Педагогическая энциклопедия.— М., 1965. Т. 2. С. 138.
35. Психологический словарь /Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. С. 126
36. Там же. С. 127.
37. Педагогическая энциклопедия. Указ соч. С. 142.
38. Там же. С. 142
39. Коменский Я. А. Великая дидактика.— М., 1955. С. 199.
40. Руссо Ж.-Ж. Педагогическая библиотека.— М.: Педагогика. 1981. С. 34.
41. Песталоцци И. Г. Избранные педагогические произведения В 3-х т. Т. 1 /Под ред. М. Т. Шабаевой.— М., 1961. С. 91.
42. Колоцца Д. Детские игры: их психологическое и педагогическое значение.— М.: Московское книгоиздательство. 1909. С. 266.
43. Фребель Ф. Детский сад // Пед. соч. Т. 2.— М., 1913. С. 26
44. Декроли и его метод // Дошкольное воспитание.— 1991. № 11. С. 47.
45. Дьюи Д. Школа и общество.— М.: Гос. издательство, 1925. С. 90.
46. Там же. С. 91.
47. Белинский В. Г. Педагогическое наследие.— М., 1987. С. 47.
48. Добролюбов Н. А. Педагогические сочинения.— М.: Изд-во “Учпедгиз”, 1949. С. 411.
49. Лесгафт П. Ф. Пед. сочинения. Статья об играх в семье.— М.: Педагогика, 1988. С. 27.
50. Толстой Л. Н. Яснополянская школа. За ноябрь и декабрь месяцы.— Т. 8. С. 61.
51. Крупская Н.К. Общественное воспитание // Пед. соч.: В 10-ти т.— Т. 6.— М., 1961. С. 242.
52. Крупская Н. К. О воспитании // Пед. соч.: В 10-ти т.— Т.3.— М., 1989. С. 316.
53. Терский В. Н. Клубные занятия и игры к практике А. С. Макаренко.— М., 1959. С. 144.
54. Сухомлинский В. А. О воспитании.— М.: Политиздат, 1973. С. 126.
55. Григорьев В. М. Педагогика народной игры //Мир детства и традиционная культура.— М., 1939. С. 62.
56. Эльконин Д. Б.— Психология игры. М.: — Педагогика, 1978. С. 246.
57. Эльконин Д. Б. Психология игры.— М.: Педагогика, 1978. С. 198.
58. Эльконин Д. Б. Основные вопросы теории детской игры //Психология и педагогика игры дошкольника. М., 1966. С. 212.
59. Эльконин Д. Б. Психологические вопросы дошкольной игры //Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста.— М., 1948. С. 277.
60. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка //Вопросы психологии.— 1966.— № 6. С. 54.
61. Леонтьев А. Н. Психологические основы дошкольной игры //Советская педагогика.— 1944.— № 8, 9. с. 37.
62. Там же.
63. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Статьи об эстетике.— М.— Л., 1935. С. 287.
64. Эльконин Д. Б. Основные вопросы теории детской игры //Психология и педагогика игры дошкольника.— М., 1966. С. 27.
65. Штерн В. Психология раннего детства, до шестилетнего возраста /Пер. с нем.— Пг., 1922. С. 276.
66. Спенсер Г. Основы психологии. СПб., 1899. С. 415.
67. Гросс К. Душевная жизнь ребенка. избр.лекц.— М., 1996. С. 242.
68. Вундт В. Этика. сборник, 1987. С. 181.
69. Ауэзов М. Путь Абая Т. 1.— Алма-Ата: Жазушы, 1978. С. 477.
70. Гумбольдт А. Ф. Центр Азии: исследования о степях, горной сравнительной климатологии /Пер. с франц. П. И. Бороздича Т. 1.— М., 1955. С. 17.

71. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествий по степи /Пер. с польского Д. С. Степановой.— Алма-Ата, 1966. С. 75.
72. Аткинсон Т. Путешествие в казахской степи //Простор.— 1972.— № 3. С. 42.
73. Антология педагогической мысли Казахстана /Сост. К. Б. Калиев.— Алматы: Рауан, 1996. С. 261.
74. Там же. С. 307.
75. Антология педагогической мысли Казахстана /Сост. К. Б. Жарикбаев, С. К. Калиев.— Алматы: Рауан, 1996. С. 411.
76. Таникеев М. Т. Казахские национальные виды спорта и игры.— Алма-Ата, 1957. С.11.
77. Тотенаев Б. Т. Казахские национальные игры.— Алма-Ата: Казахстан, 1976. с. 86.
78. Муқанов М. М. О казахском устном творчестве: пословицы и айтты, их отношение к трактовке интеллектуальной деятельности. (Психол. вып.2).— Алма-Ата: КазПИ, 1975. С. 100.
79. Нургалиев К. А. Этнопсихологические особенности решения проблем, ситуаций (анализ процесса отгадывания загадок казахской общности): Автореф.дисс.канд.пед. наук.— М., 1984. С. 5.
80. См. подробнее: Узакбаева С. А., Айтпаева А. К. Казахские народные игры: Учебное пособие.— Алматы: Республиканский издательский кабинет Казахской академии образования им. И. Алтынсарина, 2000.— 171 с.
81. Декларация о праве на развитие. Принята резолюции 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 г. В сб. Международных договоров и законодательных актов Республики Казахстан в области прав человека. В 2-х т. Алматы: Жеті жарҒы, 1996, с.134.
82. См.: Казахстан — 2030.— Алматы: ЮРИСТ, 2000.— 94 с.
83. См.: Трифонов В. В. Подготовка будущих учителей к работе с трудными учащимися. Алма-Ата. Гылым, 1991.
84. См.: Жетписбаев Б. А. Ювенальная юстиция.— Алматы: Данекер, 2001. С. 71—74.
85. Таранов А. А. Муниципальное право. Алматы, 1998. С.80.
86. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 1, С. 162.
87. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6 С. 259.

Б.А. Жетписбаев, А.К. Айтпаева

**Концептуально-теоритические
проблемы девиантного поведения
и правовой социализации
несовершеннолетних
в Республики Казахстан**

*ЖШС «Заң әдебиеті» бас директоры
Жансеитов Н. Н.*

Операторы: Умурова Г.О.

Пішімі 60x901/16. Қағазы офсеттік. Қаріп түрі «Таймс».
«Заң әдебиеті» баспасы
050057 Алматы қ., М. Өзтүрік к-сі, 12 үй.
Тел/факс: (3272) 747-833, 742-650.
E-mail: law_literature@nursat.kz